

ISSN: 3105-0042
e-ISSN: 3105-0050

<https://doi.org/>

Тарихшылардың ұлттық конгресі

**JOURNAL OF
THE NATIONAL CONGRESS
OF HISTORIANS**

**National Congress
of Historians**

**Национальный Конгресс
историков**

2026 Т.6. №2.

2025 жылдан бастап шығады

Founded in 2025

Издается с 2025 года

Жылына 4 рет шығады

Published 4 times a year

Выходит 4 раза в год

**Астана, 2026
Astana, 2026**

Бас редактор:

Ерлан Сыдықов, тарих ғылымдарының докторы, проф., Л.Н. Гумилева атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан,

Жауапты редактор

Альбина Жанбосынова, тарих ғылымдарының докторы, проф., Л.Н.Гумилева атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Халықаралық консультативтік кеңес:

Дэйв Бхавна, PhD., Шығыс және Африкату мектебінің профессоры, Лондон университеті, Лондон, Ұлыбритания

Изабель Охайон, PhD., профессор, Ресей, Кавказ, Шығыс Еуропа және Орталық Азияны зерттеу орталығы (CERCEC), Париж, Франция

Марлен Ларуэль, PhD., Джордж Вашингтон университетінің профессоры, Вашингтон, АҚШ

Никколо Пиансиола, PhD, тарих кафедрасының доценті, Падуа университеті, Италия

Цзинчэн Ли, PhD, доцент. профессор, Шэньчжэнь университеті, Шэньчжэнь

Редакциялық алқа

Наталья Аблажей, тарих ғылымдарының докторы, Ресей ғылым академиясының Сібір бөлімшесінің тарих институтының профессоры, Жаңасібір, Ресей

Сәулеш Есенова, PhD докторы, Калгари университетінің доценті, Калгари, Канада

Сергей Иванов, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент. атындағы Қырғыз ұлттық университетінің профессоры. Баласағұн, Бішкек, Қырғызстан

Йовита Раду, PhD., Нью-Йорк университетінің профессоры, Нью-Йорк, АҚШ

Роберт Киндлер, PhD., Шығыс Еуропа институтының профессоры, Freie университеті, Берлин, Германия

Светлана Кожирова, саясат ғылымдарының докторы, тарих ғылымдарының кандидаты. Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының бас ғылыми қызметкері. Алматы, Қазақстан

Крейг Кэмпбелл, PhD., Техас университетінің антропология кафедрасының асс. профессоры, Остин, АҚШ

Юлия Лысенко, тарих ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университетінің профессоры, Барнаул, Ресей

Жанна Мажитова, тарих ғылымдарының докторы, Астана медицина университетінің профессоры, Астана, Қазақстан

Вячеслав Менковский, тарих ғылымдарының докторы, Беларусь мемлекеттік университетінің профессоры, Минск, Беларусь

Анатолий Наглер, PhD докторы, Неміс археологиялық институтының профессоры, Берлин, Германия

Жақсылық Сабитов, PhD докторы, Жошы Ұлысын зерттеу институты, Астана, Қазақстан

Жакен Таймагамбетов, тарих ғылымдарының докторы, Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің профессоры, Астана, Қазақстан

Николай Вуков, PhD, доцент. Болгария ғылым академиясының Этнология және фольклортану институтының профессоры, София, Болгария

Томохико Уяма, тарих ғылымдарының докторы, Хоккайдо университетінің профессоры, Саппоро, Жапония

Техникалық хатшы: Ж. Калиев

Құрылтайшы және баспагер: "Тарихшылардың Ұлттық Конгресі" қоғамдық бірлестігі
Мерзімділігі: жылына 4 рет. 2025 жылы құрылған.

Журналдың арнайы сайты: <https://kazhistorians.kz>

Редакцияның мекен жайы: 010008, Астана қ., Қ. Мұнайтпасова көшесі, 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат комитетінің республикалық мемлекеттік мекемесі KZ21VPY00107515 нөмірлі мерзімді баспасөз басылымын, ақпарат агенттігін және интернет-басылымды есепке қою туралы куәлік 10.12.2024 ж.

Chief Editor:

Erlan Sydykov, Doctor of Historical Sciences, Prof., ENU named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Production editor

Albina Zhanbossinova, Doctor of Historical Sciences, Prof., ENU named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

International Advisory Board:

Dave Bhavna, PhD., Professor, School of Oriental and African Studies, University of London, London, UK

Isabelle Ohayon, PhD., Professor, Center for Russian, Caucasian, Eastern European and Central Asian Studies (CERCEC), Paris, France

Marlene Laruelle, PhD., Professor, George Washington University, Washington, USA

Niccolò Pianciola, PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy

Jingcheng Li, PhD, Ass. Professor, Shenzhen University, Shenzhen

Editorial board

Natalya Ablazhey, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Saulesh Yesenova, PhD., Associate Professor, University of Calgary, Calgary, Canada,

Sergey Ivanov, candidate of historical sciences, ass. Professor, Kyrgyz National University named after Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Jovita Radu, PhD., Professor, New York University, New York, USA

Robert Kindler, PhD., Professor, Institute of East European Studies, Freie University, Berlin, Germany

Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences. Chief Researcher at the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov. Almaty, Kazakhstan

Craig Campbell, PhD., Ass. Professor, Department of Anthropology, University of Texas, Austin, USA

Yulia Lysenko, Doctor of History, Professor, Altai State University, Barnaul, Russia

Zhanna Mazhitova, Doctor of History, Professor, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan

Vyacheslav Menkovsky, Doctor of History, Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Anatoly Nagler, PhD., Professor, German Archaeological Institute, Berlin, Germany

Zhaksylyk Sabitov, PhD., Institute for the Study of the Jochi Ulus, Astana, Kazakhstan

Zhaken Taimagambetov, Doctor of Historical Sciences, Professor, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Nikolai Vukov, PhD., Ass. Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Tomohiko Uyama, Doctor of History, Professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Technical secretary: Zh. Kaliev

Founder and publisher: National Congress of Historians Public Association

Frequency: 4 times a year. Year established: 2025.

Official website of the journal: <https://kazhistorians.kz>

Editorial address: 010008, Kazakhstan, Astana, Munaitpasova str. 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Certificate of registration of a periodical print edition and (or) information agency No. KZ21VPY00107515 dated December 10, 2024, issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan.

Главный редактор:

Ерлан Сыдыков, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Выпускающий редактор

Альбина Жанбосинова, д.и.н., проф., ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Международный консультативный совет:

Дэйв Бхавна, PhD., профессор, Школа восточных и африканских исследований Лондонского университета, Лондон, Великобритания

Изабель Охайон, PhD., профессор, Центр исследований России, Кавказа, Восточной Европы и Центральной Азии (CERCEC), Париж, Франция

Марлен Ларюэль, PhD., профессор, Университет Джорджа Вашингтона, Вашингтон, США

Niccolò Pianciola, PhD, Associate Professor of History, University of Padua, Italy

Цзинчэн Ли, PhD, асс. профессор, Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь

Редакционная коллегия

Наталья Аблажей, д.и.н., профессор, Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

Саулеш Есенова, PhD., асс. профессор, Университет Калгари, Калгари, Канада

Сергей Иванов, к.и.н., асс. профессор, Кыргызский национальный университет им. Баласагына, Бишкек Кыргызстан

Йовита Радуга, PhD., профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Роберт Киндлер, PhD., профессор, Институт Восточной Европы Свободного университета, Берлин, Германия

Светлана Кожирова, доктор политических наук, кандидат исторических наук. главный научный сотрудник института востоковедения имени Р.Б. Сулейменова. Алматы, Казахстан

Крейг Кэмпбелл, PhD., асс. профессор факультета антропологии Университет Техас, Остин, США

Юлия Лысенко, д.ист.н., проф., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Жанна Мажитова, д.и.н., профессор, НАО Медицинский университет Астана, Астана, Казахстан

Вячеслав Меньковский, д.и.н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Анатолий Наглер, PhD., профессор, Германский археологический институт, Берлин, Германия

Жаксылык Сабитов, PhD., Институт изучения улуса Джучи, Астана, Казахстан

Жакен Таймагамбетов, д.и.н., профессор, Национальный музей РК, Астана, Казахстан

Nikolai Vukov, PhD., асс. профессор, Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum at the Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Томохико Уяма, д.и.н., профессор, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

Технический секретарь: Ж. Калиев.

Учредитель и издатель: Общественное объединение "Национальный Конгресс историков".

Периодичность: 4 раза в год. Год основания: 2025 г.

Официальный сайт журнала: <https://kazhistorians.kz>

Адрес редакции: 010008, Казахстан, Астана, ул. Мунайтпасова, 5. E-mail: kazhistorians@gmail.com

Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства KZ21VPY00107515 от 10 декабря 2024 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК.

CONTENT

WORLD HISTORY

R. Asilguzhin (*Astana, Kazakhstan*)

Kazakh-Bashkir relations from the mid-eighteenth to the early nineteenth century (in Russian) 7

NATIONAL HISTORY

K. Akanov (*Astana, Kazakhstan*)

International competition for a conceptual design for the master plan of the new city centre of Akmola and its place in the history of modern Astana (Kisho Kurokawa and his concept for the development of the new capital of Kazakhstan) (in Kazakh)..... 22

N. Lapin (*Astana, Kazakhstan*)

Historical consciousness of the population of Kazakhstan (based on an expert survey of 2021) (in Russian)..... 38

K. Nurbay (*Astana, Kazakhstan*)

Political repressions in Kazakhstan in the period 1905-1930: the problem of the Kazakh opposition (in Russian)..... 51

Zh. Smakhanova (*Astana, Kazakhstan*)

From Chinese Sources to Kazakhstan Textbooks: Mechanisms of Knowledge Selection and Transformation Concerning the Ulus of Jochi (in Russian)..... 75

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

ДҮНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Р. Асылгуажин (Астана, Қазақстан)

Казахско-башкирские отношения в середине XVIII – начале XIX века..... 7

ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Қ. Ақанов (Астана, Қазақстан)

Ақмола қаласының жаңа орталығын дамытудың бас жоспарының жобасына халықаралық байқау және оның қазіргі Астана тарихындағы орны (Кисе Курокава және оның Қазақстанның жаңа астанасын дамыту тұжырымдамасы)..... 22

Н. Лапин (Астана, Қазақстан)

Историческое сознание населения Казахстана (по материалам экспертного опроса 2021 г.) 38

К. Нурбай (Астана, Қазақстан)

Политические репрессии в Казахстане в период 1905-1930 годов: проблема казахской оппозиции..... 51

Ж. Смаханова (Астана, Қазақстан)

От китайского источника к казахстанскому учебнику: механизмы отбора и трансформации знаний об Улусе Джучи 75

.

Научная статья / Research Article

MRNTI / IRSTI 03.23.31

<https://doi.org/>

Kazakh-Bashkir relations from the mid-eighteenth to the early nineteenth century

R. Asilguzhin✉

Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan

✉asrafil@yandex.ru

Abstract. Kazakh-Bashkir relations from the mid-eighteenth to the early nineteenth century developed across the Southern Urals, the Cis-Urals, and the north-western Kazakh steppe, where customary migration routes, kinship ties, and a shared Islamic environment intersected with the expansion of Russian frontier lines. The subject requires an approach that treats relations between the two peoples not as a sequence of isolated clashes, but as a changing system of political cooperation, competition, administratively induced conflict, and migration. Aim and objectives. The study aims to identify the principal forms and stages of Kazakh-Bashkir interaction and to determine how the Orenburg frontier administration affected their development. It compares evidence on agreements reached before the uprising of 1755, Kazakh involvement in the events of 1773–1775, and migratory processes from the late eighteenth to the first third of the nineteenth century. Materials and methods. The source base includes published documents, materials from the Senate Archive, and archival files held in Ufa, Moscow, Orenburg, and Almaty. The research employs comparative historical and problem-chronological methods together with external and internal source criticism. Official reports are compared with historiographical interpretations, statistical records, and clan genealogical traditions. Results. The evidence indicates that representatives of Bashkir volosts and the Middle Zhuz discussed mutual support in the autumn of 1754, but the mass flight of Bashkirs into the Kazakh steppe in 1755 did not produce a stable military-political alliance. Pressure exerted by Orenburg governor Ivan Neplyuev on Khan Nuraly, attempts to surrender refugees, and the ensuing armed clashes deepened mutual estrangement. During the Pugachev uprising, channels of communication were restored largely through Bashkir elders acting as intermediaries, while the participation of Kazakh detachments remained local and depended on individual sultans. By the late eighteenth and early nineteenth centuries, migration had become the most visible form of interaction: alongside the return of Bashkirs from the steppe, increasing numbers of Kazakh families settled on Bashkir lands and were incorporated into the Bashkir estate. Conclusions. Kazakh-Bashkir relations developed non-linearly through alliances, armed conflict, mutual adaptation, and ethno-social integration. Russian frontier administration did not terminate contacts between neighboring communities, but substantially reshaped their channels, legal forms, and political consequences.

Keywords: Kazakhs; Bashkirs; Middle Zhuz; Junior Zhuz; Southern Urals; Batyrsha uprising; ethnic contacts

For citation: Asilguzhin R. Kazakh-Bashkir relations from the mid-eighteenth to the early nineteenth century. *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.5, no.2, pp.7-21. <https://doi.org/>

Funding. The study was conducted within the framework of the project “Writing an Illustrated Biographical Encyclopedia on the History of Kazakhstan” (IRN BR24993173).

XVIII ғасырдың ортасы – XIX ғасырдың басындағы қазақ-башқұрт қатынастары

Р. Асылгузин*

Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты Астана, Қазақстан

Аңдатпа. XVIII ғасырдың ортасы мен XIX ғасырдың басындағы қазақ-башқұрт қатынастары Оңтүстік Орал, Орал өңірі және Қазақ даласының солтүстік-батыс бөлігін қамтыған кеңістікте қалыптасты. Бұл аумақта дәстүрлі көш жолдары, туыстық байланыстар және ортақ мұсылмандық орта Ресей империясының шекаралық шептерді кеңейту үдерісімен ұштасып жатты. Зерттеудің өзектілігі екі халықтың байланыстарын жекелеген қақтығыстар тізбегі ретінде емес, саяси одақтастық, бәсекелестік, әкімшілік ықпалымен туындаған жанжалдар мен көші-қоннан тұратын өзгермелі жүйе ретінде қарастыру қажеттілігімен айқындалады. Зерттеудің мақсаты мен міндеттері. Жұмыстың мақсаты – қазақ-башқұрт өзара ықпалдастығының негізгі түрлері мен кезеңдерін анықтау және Орынбор шекаралық әкімшілігінің олардың сипатына тигізген әсерін бағалау. Осы мақсатта 1755 жылғы көтеріліс қарсаңындағы келісімдер, 1773–1775 жылдардағы оқиғаларға қазақтардың қатысуы және XVIII ғасырдың соңы мен XIX ғасырдың алғашқы үштен біріндегі көші-қон үдерістері салыстырылды. Материалдар мен әдістер. Дереккөздік негізді жарияланған құжаттар, Сенат мұрағатының материалдары, сондай-ақ Уфа, Мәскеу, Орынбор және Алматы мұрағаттарындағы істер құрайды. Тарихи-салыстырмалы және проблемалық-хронологиялық әдістер, дереккөздердің сыртқы және ішкі сыны қолданылды. Ресми мәлімдемелер тарихнамалық пайымдаулармен, статистикалық мәліметтермен және ру шежірелерімен салыстырылды. Нәтижелер. 1754 жылдың күзінде башқұрт болыстары мен Орта жүз өкілдері өзара қолдау мәселесін талқылағаны анықталды, алайда 1755 жылы башқұрттардың Қазақ даласына жаппай өтуі тұрақты әскери-саяси одаққа ұласпады. Орынбор губернаторы И. И. Неплюевтің Нұралы ханға жасаған қысымы, босқындарды ұстап беру әрекеттері және одан кейінгі қарулы қақтығыстар өзара алшақтауды күшейтті. Пугачев көтерілісі кезінде байланыстар башқұрт старшындарының делдалдығы арқылы қайта жанданды, бірақ қазақ жасақтарының қатысуы жергілікті сипатта болып, жекелеген сұлтандардың ұстанымына тәуелді болды. XVIII ғасырдың соңы мен XIX ғасырдың басында көші-қон өзара қатынастың басты түріне айналды: қазақ даласынан башқұрттардың қайтуымен қатар, башқұрт жерлеріне қоныстанып, башқұрт сословиесіне тіркелген қазақ отбасыларының саны өсті. Кезеңдерді салыстыру көтеріліс кезіндегі дипломатия мен қарулы өзара көмектен бақыланатын қоныс аударуға, сословиелік кірігуге және жергілікті шежірелерде шығу тегі туралы жадтың сақталуына ауысуды көрсетеді. Қорытынды. Қазақ-башқұрт байланыстары одақтастықты, қарулы қақтығыстарды, өзара бейімделуді және этноәлеуметтік кірігуді қамтыған сызықтық емес сипатта дамыды. Ресейдің шекаралық әкімшілігі көршілес қауымдардың байланысын тоқтатпады, бірақ оның арналары мен саяси салдарын елеулі түрде өзгертті.

Түйін сөздер: қазақтар; башқұрттар; Орта жүз; Кіші жүз; Оңтүстік Орал; Батырша көтерілісі; этникалық байланыстар

Қаржыландыру. Зерттеу «Қазақстан тарихы бойынша иллюстрацияланған биографиялық энциклопедияны әзірлеу» жобасы аясында орындалды (ЖТН BR24993173)

Казахско-башкирские отношения в середине XVIII – начале XIX века

Р. Асылгужин*

«Научный институт изучения Улуса Джучи», Астана, Казахстан

Аннотация. Казахско-башкирские отношения середины XVIII – начала XIX века складывались в пространстве Южного Урала, Приуралья и северо-западной части Казахской степи, где традиционные кочевые маршруты, родственные связи и общность конфессиональной среды сочетались с расширением российских пограничных линий. Актуальность исследования определяется необходимостью рассматривать взаимодействие двух народов не как последовательность изолированных столкновений, а как изменяющуюся систему политического союзничества, конкуренции, административно направляемого конфликта и миграций. Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в выявлении основных форм и этапов казахско-башкирского взаимодействия и в определении роли Оренбургской пограничной администрации в изменении его характера. Для этого сопоставлены сведения о договорённостях накануне восстания 1755 года, участии казахов в событиях 1773-1775 годов и миграционных процессах конца XVIII – первой трети XIX века. Материалы и методы. Источниковую основу составили опубликованные документы, материалы Сенатского архива и архивные дела из фондов Уфы, Москвы, Оренбурга и Алматы. Применены историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы, а также внешняя и внутренняя критика источников. Официальные донесения сопоставлялись с историографическими интерпретациями, статистическими сведениями и родовыми преданиями. Результаты. Установлено, что осенью 1754 года представители башкирских волостей и Среднего жуза обсуждали взаимную поддержку, однако массовый уход башкир в казахскую степь в 1755 году не привёл к устойчивому военно-политическому союзу. Давление оренбургского губернатора И.И. Неплюева на Нуралы-хана, попытки выдачи беженцев и последовавшие столкновения усилили взаимное отчуждение. В годы Пугачевского восстания контакты были восстановлены через башкирских старшин-посредников, но участие казахских отрядов оставалось локальным и зависело от позиции отдельных султанов. К концу XVIII – началу XIX века ведущей формой взаимодействия стали переселения: наряду с возвращением башкир из степи увеличилось число казахских семей, причислявшихся к башкирскому сословию. Сопоставление этапов показывает переход от дипломатии участников восстания и вооружённой взаимопомощи к контролируемым переселениям, сословному включению и сохранению памяти о происхождении в локальных шежере. Выводы. Казахско-башкирские связи развивались нелинейно и включали союзничество, вооружённые конфликты, взаимную адаптацию и этносоциальную интеграцию. Российская администрация не прекратила контакты между соседними сообществами, но существенно изменила их каналы и политические последствия.

Ключевые слова: казахи; башкиры; Средний жуз; Младший жуз; Южный Урал; восстание Батырши; этнические контакты

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана» (ИРН BR24993173)

Введение

Казахско-башкирские отношения формировались в едином степном и лесостепном геополитическом пространстве Южного Урала и Приуралья. На протяжении длительного исторического периода соседство сопровождалось языковыми и этнографическими параллелями, общими сюжетами устно-поэтической традиции и постоянным движением людей между казахскими кочевьями и башкирскими землями. Л.И. Добросмыслов отмечал близость отдельных антропологических типов у казахов к башкирам, связывая её, в частности, с контактами родовых групп – «Между киргизами нерѣдко можно встрѣтить лицъ довольно близко подходящихъ к типамъ другихъ національностей, напримѣръ къ калмыкамъ (табынский родъ), башкирамъ (жагалъ-байлинцы) ...» (Добросмыслов 1895: 326).

В первой половине XVIII века конфигурация пограничья заметно изменилась. После джунгарского нашествия казахские роды Среднего жуза перемещались к Тургаю, Ишиму, Тоболу и Ую, а группы Младшего жуза осваивали долины Эмбы, Ори и Илека, доходя до левобережья Яика. Эти перемещения усилили конкуренцию за пастбища и водные ресурсы, происходили пересечения сезонных перекочёвок. Одновременно строительство укрепленных линий и деятельность Оренбургской администрации превращали прежнюю контактную зону в регулируемую имперскую границу.

Исследовательская проблема заключается в том, что казахско-башкирские связи середины XVIII – начала XIX века включали противоположные формы взаимодействия: договорённости о взаимной поддержке, вооружённые столкновения, посредничество в антиправительственных выступлениях, переселения и включение выходцев из одного сообщества в сословную структуру другого. *Цель исследования* – определить основные этапы этого процесса и выяснить, каким образом российская пограничная администрация воздействовала на его динамику. *Задачи работы* состоят в анализе событий 1754-1755 и 1773-1775 годов, выявлении механизмов политического посредничества и прослеживании изменения направлений миграции.

Материалы и методы

Источниковую основу исследования составили опубликованные документы и архивные материалы. К первой группе относятся протоколы Правительствующего сената, документальные публикации по истории восстаний 1755 и 1773-1775 годов, воспоминания И.И. Неплюева, статистические и историко-географические описания Оренбургского края и Тургайской области. Архивная группа включает дела Научного архива Уфимского научного центра РАН, Российского государственного архива древних актов, Объединённого государственного архива Оренбургской области, Российского государственного военно-исторического архива, Национального архива Республики Башкортостан и Центрального государственного архива Республики Казахстан.

Проблемно-хронологический метод использован для выделения трёх этапов: кризиса 1754-1756 годов, возобновления контактов в период Пугачевского восстания и усиления

миграционных связей на рубеже XVIII-XIX веков. Историко-сравнительный метод позволил сопоставить позиции башкирских волостей, казахских жузов, ханов и султанов, а также Оренбургской администрации. Внешняя и внутренняя критика источников применялась для проверки происхождения документов, целей их составления и согласованности содержащихся в них сведений.

Особое внимание уделено различию между официальным административным языком источников и фактическими практиками населения пограничья. Донесения российских чиновников отражали прежде всего задачи контроля и безопасности, тогда как ревизские материалы, сведения о переселениях и родовые предания фиксировали длительные семейные и локальные связи. Поэтому данные шежере используются как свидетельства исторической памяти и сопоставляются с письменными и учётными источниками, а не рассматриваются как самостоятельное подтверждение конкретных событий.

Литературный обзор

Тюркологический подход представлен трудами Ахмет-Заки Валиди Тогана, который рассматривал историю башкир в тесной связи с историей соседних тюркских народов, прежде всего казахов (Валиди Тоган 2014; Валиди 1994). Его работы важны для понимания общего историко-культурного пространства, однако требуют сопоставления с административными и архивными источниками.

Политико-историческая линия исследования связана с трудами российских историков и чиновников В.Н. Витевского и А.П. Чулошникова. Витевский реконструировал деятельность И.И. Неплюева и события восстания 1755 года, а Чулошников подробно анализировал планы повстанцев, их расчёт на отход в казахскую степь и попытки формирования совместных сил (Витевский 1897; Чулошников 1940). Башкирский историк С.У. Таймасов показал, как казахско-башкирские отношения переходили под контроль Оренбургской администрации и как менялась позиция Нуралы-хана (Таймасов 2009а; Таймасов 2009б).

Казахское участие в антиколониальных выступлениях исследовано Г.Б. Избасаровой, Н.Е. Бекмахановой, Е. Б. Бекмахановым и Г.И. Семенюком (Избасарова 2016; Бекмаханова 1968; Бекмаханов, Семенюк 1963). Миграционные и этнокультурные процессы отражены в работах А.И. Добросмыслова, Г.С. Султангалиевой и М.Р. Бижановой (Добросмыслов 1901; Добросмыслов 1902; Султангалиева 2002; Бижанова 2006). Вместе с тем восстания и миграции нередко рассматриваются раздельно. Настоящая статья объединяет эти сюжеты и прослеживает переход от ситуативного военно-политического взаимодействия к устойчивым семейным, сословным и локальным контактам.

Результаты

Договорённости и конфликт в период восстания 1754-1755 годов

Осенью 1754 года башкирские представители прибыли в Средний жуз и обсуждали взаимную поддержку. В донесениях сообщалось о договорённости относительно нападений на почтовые станы, заводы и крепости между Воздвиженской и Верхояицкой крепостями – «по разорении всех от Воздвиженской к Верхояицкой крепости почтовых

станов и ближних заводов и крепостей». Аблай-султан, согласно источнику, обещал содействие башкирским старшинам – «учинить и обещалъ, токмо как прочие бывшие в том же их злодейском согласии» (Сенатский архив 1901: 388). Эти сведения подтверждают существование канала связи между частью башкирских волостей и представителями Среднего жуза еще до начала массового восстания.

Батырша рассматривал положение башкир в связи с продвижением имперской администрации в казахскую степь и призывал мусульманские народы к совместному сопротивлению. После разгрома его отряда власти искали сведения о возможном уходе лидера восстания в Средний жуз; в феврале 1756 года сообщалось о его нахождении у казахов Ураза и Якуба из кунделен-кипчакского рода^{8, 9}. По оценке В.Н. Витевского, Батырша стремился объединить башкир, татар и казахов, хотя не смог придать выступлению общепашкирский характер (Витевский 1897: 850, 852–853).

В мае 1754 года башкиры Бурзянской волости выступили против горно-изыскательной команды и уничтожили несколько почтовых станций. А.П. Чулошников, подробно описывая взаимодействия восставших башкир с казахами, отмечал, что в случае неудачи башкирские повстанцы рассчитывали отойти в казахскую степь, объединиться с казахскими союзниками и продолжить борьбу (Чулошников 1940: 56). Действительно, после начала карательных операций восставшие вместе с семьями перешли Яик и достигли кочевий Младшего и Среднего жузов. Первая группа укрылась у Серки-батыра из рода жагалбайлы, другая – у кыпчаков и уак-гиреев. Летом 1755 года движение охватило всю юго-восточную Башкирию-Бурзянскую, Усерганскую, Тангаурскую, Тамьянскую и Кипчакскую волости. Повстанцы взяли приступом ряд почтовых станов и заводов, в том числе Вознесенский и Преображенский, после чего, преодолев линию русских застав, пробившись к казахской границе. Часть из них была принята в Среднем жузе, часть – в Младшем. По оценке А.П. Чулошникова, в Младший жуз могло уйти более десяти тысяч башкир (Чулошников 1940: 96). Оставив семьи, многие из башкир вместе с казахами осуществляли рейды вглубь Башкирии, атакуя форпосты Яицкой и Сибирской пограничных линий.

Поддержка со стороны казахской знати не была единой. Аблай был занят отношениями с Джунгарией и Китаем, а Нуралы-хан находился под постоянным давлением Оренбургской администрации. И.И. Неплюев потребовал от Нуралы и Аблая разоружать и выдавать башкирских беженцев. Необходимо отметить, что Нуралы-хан не сразу подчинился требованию Неплюева, однако под постоянным давлением вынужден был созвать совещание знати Младшего жуза на реке Илек, состоявшееся в июле 1755 года. Вероятно, Нуралы и его братья – султаны Айчувак и Ирали – знали о подготовке восстания и в определённой степени разделяли недовольство его участников. Сам Нуралы выступал против строительства российской крепости на реке Илек и порядка содержания его сыновей в качестве аманатов в Оренбурге (Таймасов 2009а; Таймасов 2009b: 56–58; 24). В июле 1755 года Нуралы направил отряд к верховьям Ори, где казахи родов жагалбайлы и табын отказались выдать башкир, сославшись на клятву, данную на Коране. Последовавшие столкновения привели к гибели казахов и башкир, включая женщин и детей. Подобные трагические эпизоды повторялись в аулах табынского рода старшины Минъяшара, таминского рода старшины Исета и других местностях (Таймасов 2009а: 55–58; Таймасов 2009b).

Действия хана вызвали осуждение части казахского духовенства и знати. Кушум-ходжа призывал не грабить, не убивать и не выдавать пришедших башкир, подчёркивая их принадлежность к общему мусульманскому сообществу¹ (Чулошников 1940: 98–101). Оставшиеся в живых беженцы ушли в Средний жуз либо вернулись на родину. Ответные рейды башкирских отрядов против казахских кочевий усилили взаимное противостояние.

В воспоминаниях Неплюев прямо связывал столкновения 1755 года с безопасностью империи, считая возникшую вражду гарантией против будущего объединения двух народов: «Башкирцы ж, мужья и отцы, увидев в своих защитниках и обнадеживателях такое над женами их и над дочерьми насилия, принуждены нашлись защищать их с потеряннием жизни, и сим способом погибло немало башкирцов и киргисцов... Многие, потеряв матерей, сестер и жен своих и дочерей, приезжали ко мне просить дозволения переехать им за Яик для отмщения и воздаяния за обиду обманувших их киргизцам... Сие происшествие положило таковую вражду между народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна» (Неплюев 2004: 157, 159, 161).

Таким образом, цели лидеров башкирских повстанцев, заключавшиеся, по мнению Чулошникова, в нанесении чувствительных ударов по «наиболее ненавистным опорным пунктам метрополии в их стране, ... затем временно отойти на территорию Казахской Орды, которая, как более свободная от надзора царских властей, с самого начала намечалась в качестве района формирования повстанческих сил. Там, соединив свои силы с казахскими, башкиры-повстанцы получали новый импульс для дальнейшей борьбы за окончательное уже уничтожение колониального господства царской России и в Башкирии, и в соседнем с нею Казахстане» (Чулошников 1940: 69) не были реализованы. Однако, жертвы были не напрасны, империя была вынуждена ослабить давление на башкир, в частности отказалась от планов превращения башкир в крепостных крестьян и их христианизации, было восстановило право башкир обращаться с прошениями непосредственно к императору, и, пожалуй, наиболее важно – подтвердило вотчинное право (асаба) башкирских родов на земли и запрет захватов башкирских земель.

В мае 1756 года Нуралы жаловался на нападения башкир, однако губернатор возложил ответственность на казахов, первоначально принявших беженцев. Зависимость хана от российской поддержки ограничивала его самостоятельность и усиливала противоречия внутри Младшего жуза (Рязанов 1924: 94–95; Таймасов 2009b). Нуралы-хан умер, по всей видимости, в 1792 г.; на его похоронах в Уфе местные мусульмане отказались участвовать (Вэлиди 1994: 127).

Контакты в период Пугачевского восстания 1773–1775 годов

Казахско-башкирские контакты, ослабленные после событий 1755 г., вновь активизировались в годы восстания под предводительством Емельяна Пугачева. Г.Б. Избасарова связывает это с возможностью совместного выступления против колониальной политики империи (Избасарова 2016: 63–68). С.У. Таймасов уточняет, что связь ставки Пугачева со Средним жузом поддерживали прежде всего башкиры Исетской провинции; сообщения властей также фиксировали намерение части башкирских повстанцев в случае поражения уйти в казахскую степь, о чем свидетельствует, например, полученное в походной канцелярии князя Голицына известие о том, что в Бурзянской волости

хотят продолжить бунтовать и «намерение полагают, ежели им удачи не будет, бежать в Киргизскую орду (Таймасов 2009b: 213–215); Крестьянская война в России: 138).

Часть башкирских повстанцев рассматривала казахскую степь как возможное убежище в случае поражения. Пугачевская ставка стремилась использовать недовольство казахов ограничением сезонных кочевий и запретами переходить на земли к западу от Яика. В сентябре 1773 года Нуралы-хану было направлено обращение с обещанием доступа к «земле, воде и травам» и просьбой прислать двухсотенный отряд (Документы ставки Пугачева 1975: 359; Бекмаханов, Семенюк 1963: 59–87).

Позиция Нуралы оставалась выжидательной, двойственной. Он и близкие к нему султаны одновременно поддерживали связи с русской администрацией и допускали контакты с восставшими Яицкими казакками. Досалы-султан направил к Пугачеву сына Сейдалы с отрядом; отдельные казахские группы участвовали в действиях у Оренбурга, Яицкого городка, Кулагинской и Татищевской крепостей (Бекмаханова 1968: 107–140; История Казахстана 2010: 215–216). В Среднем жузе отряды, связанные с султанами Худайменде и Дайром, действовали вдоль Уйской и Ново-Ишимской линий и создавали угрозу Троицкой крепости (Бекмаханова 1968: 174–179; Таймасов 2009b: 214).

Ключевым механизмом связи было посредничество башкирских старшин. В июне 1774 года Упак и Шукур Абзямовы, Раим и Уткул Ураев доставляли письма Пугачева казахским старшинам; на совещании у Ембети-батыра и Даутбай-тархана обсуждалась помощь восставшим⁴. Другой документ сообщал о посланцах от Аблая-султана и о готовности казахского отряда действовать совместно с башкирами⁵.

Осенью 1774 года старшина Кинзябулат Аликашев сообщал о прибытии в Бурзянскую волость шести башкир от казахских повстанцев⁶. Посланцы Худайменде-султана предлагали поддерживать мир, обмениваться сведениями о положении в России и согласовывать действия - «с тем чтоб с башкирским народом тем киргисцам жить в тишине, бездраки, да и в России что будет приходить, то б оне, башкирцы, с теми киргисцами переписку имели письменну и разведывая уведомляли их, что в России будет происходить и что делать будут башкирцы, то с согласия заедино» (Таймасов 2009b: 214–215). Рассмотренные материалы подтверждают наличие каналов ситуативной координации и одновременно свидетельствуют об отсутствии единого командования или общей военной стратегии, тем более - союзе.

Миграции и этнические контакты в конце XVIII – первой трети XIX века

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века направление миграций в пограничье постепенно изменилось. Наряду с возвращением башкирских семей, укрывшихся в казахской степи после восстаний 1737–1740 и 1755 годов, участились переходы казахов на башкирские земли^{2,3}. Часть башкир осталась среди казахов; память об этом сохранилась в преданиях об «естеках» или «истяках» – распространенном у соседних народов экзониме башкир.

Указ мая 1808 года разрешил пятнадцати казённым, преимущественно мусульманским, селениям внутри пограничной линии принимать казахов по их желанию и уравнивать их в правах и обязанностях со старожилами⁷. После этого переход семей через линию и их причисление к башкирскому сословию приобрели более заметный характер. Результатом отмеченных процессов стало распространение этнонима «казах» среди отдельных групп населения юго-восточной Башкирии.

А.И. Добросмыслов связывал переселения с хозяйственным разорением, конфликтами в степи и родственными связями. Он отмечал, что среди переселенцев было немало семей с башкирскими женщинами и что часть казахов официально просила разрешения на поселение, тогда как другие переходили границу без регистрации (Добросмыслов 1901: 219). Материалы «ревизских сказок» и Оренбургской пограничной комиссии показывают, что в 1808 году в 9-й кантон перешли 86 казахов, в 4-й – 22, в 6-й – 38. Преобладали выходцы из родов жагалбайлы, тама и шекты Младшего жуза, а также кыпчаки Среднего жуза.

К 1816 году в Оренбургском уезде было учтено 326 человек обоего пола, записанных башкирами из «казахов». По подсчётам Г.С. Султангалиевой, в 1799–1815 годах к башкирскому сословию причислили 1 226 казахов, включая 863 мужчин и 363 женщины (Султангалиева 2002: 47–48). Сведения о голоде 1834 года и межродовых конфликтах 1836 года выходят за основную хронологическую границу статьи, однако показывают устойчивость выявленной тенденции: в периоды хозяйственного кризиса переход казахских семей в Башкирию вновь усиливался. А.И. Добросмыслов в этой связи пишет – «Въ 1834 году въ степи былъ голодъ, и киргизы проявили то же стремленіе, какое было въ первомъ десятилѣтїи девятнадцатаго столѣтія, къ переселенію въ Башкирію, но это продолжалось недолго, хотя пограничное начальство и не дѣлало къ тому никакихъ препятствій. Распри между киргизами жагальбайлинскаго и кипшакскаго родовъ въ 1836 году достигли крайнихъ предѣловъ...» (Добросмыслов 1902: 312).

Часть переселенцев вернулась в степь, другие закрепились в регионе. В ряде башкирских деревень Баймакского, Абзелиловского, Хайбуллинского, Зилаирского, Зианчуринского и Салаватского районов сохранились семейные предания о казахском происхождении отдельных родовых групп, обозначаемых как «казак током» (Бижанова 2006: 14). Шежере рода Мамбет племени усерган записанное в 1928 г., связывает его родоначальника с мальчиком Жансары (Мамбетом), происходившим из аргынов Среднего жуза и усыновлённым башкирским старшиной Сабыром Кутлумбетовым. Согласно этому шежере, родоначальник рода Мамбет был мальчик Мамбет еще в 10–12-летнем возрасте похищенный у казахов вместе с табуном коней во время барымты. Похитители, являющиеся представителями башкирского племени Бурзян, поняв, что с табуном был угнан и мальчик, вначале решили его возвратить обратно. Однако, опасаясь ответного набега по рассказам мальчика, решили его оставить у себя. Вскоре его усыновил старшина усерганской волости Сабыр Кутлумбетов. Во время усыновления мальчик, которого звали Жансары, получил имя Мамбет. Этот Мамбет сын Мурзабека происходил из рода Алсын-Аргын, принадлежащего Среднему Жузу. В одном из вариантов шежере есть подробности о происхождении Мамбета сына Мурзабека. Здесь указано, что он происходит из аймака йедек, тайфы кулукай, рода Аргын, имевшей зимовку в местечке Куктал Аман-Карагайской волости Кустанайского уезда (Мәмбәт шежәрәһе 1994: 3–8).

Эти сведения отражают историческую память о включении выходцев из казахской степи в башкирские рода. Предания, шежере локальных сообществ сохраняют память о происхождении и включении переселенцев, в отличие письменных документов имперской администрации, большая часть которых описывает население через категории лояльности, преступления, подданства и пограничной безопасности. Совместное использование разноплановых источников даёт более объёмную картину, однако

требует дальнейшей проверки по ревизским сказкам, метрическим книгам (записям). Численность переселившихся казахов и их имена, можно проследить по материалам ревизий XIX в. Так, в Челябинском уезде, согласно материалам VI «ревизской сказки» (1811 г.), были взяты на учет души мужского пола (по этой ревизии учитывались лишь мужчины) «киргисцев» (т.е. – казахов) причисленные в 1808 г., 1809 г. и 1810 г. в башкирские аулы Катайской волости – Казаккул, Шарып, Убалы, Ишбулат, Куйбак, Искандар, а также в д. Аптыкай Калмакской волости, в последней была зафиксирована 59 душ м.п. калмаков и одна семья (3 души м.п.) «киргисцы причисленные 1810-го году с дачей от повинностей 10-ти летней льготы»¹⁰. По современному административному делению перечисленные деревни расположены в Альменевском и Сафакулевском р-ах Курганской области.

Казахи фиксировались в соседнем с Челябинским – Троицким уездом, но еще больше казахов обнаружилось ревизиями и прочими источниками в южных уездах исторической Башкирии – Орском и Оренбургском уездах. Так, согласно VII ревизии населения (1816 г.) в Оренбургском уезде было учтено 326 душ обоего пола «башкир из казахов», а также 145 душ обоего пола башкир из «каракалпак»¹¹. Кыргызы (т.е. казахи) фиксировались по ревизиям в аулах кыпчакских и усерганских башкир – Кидряс, Чебокла (Шарип), Сарыбай и особенно в д.Акчюра, в последней, по ревизии 1816 г. проживали 80 башкир при 8 дворах и 38 казахов при 3 дворах¹².

Обсуждение

Сопоставление трёх этапов показывает, что казахско-башкирские отношения не могут быть описаны только через модель постоянного союза или постоянной вражды. Накануне восстания 1755 года существовали договорённости о взаимной поддержке, основанные на общности интересов и возможности использовать казахскую степь как пространство отступления. Однако разнородность интересов и политических центров, различия позиций ханов, султанов и родовых лидеров, а также давление Оренбургской администрации препятствовали превращению этих договорённостей в устойчивый союз.

События 1755 года стали переломным моментом. Российская администрация использовала зависимость Нуралы-хана, противоречия внутри Младшего жуза и уязвимость башкирских беженцев. Выдача и разграбление части беженцев вызвали ответное насилие и закрепили взаимное недоверие. Тем самым пограничная политика действовала не только посредством крепостей и запретов, но и через управление отношениями между соседними сообществами. Отмеченное подтверждает высказанную в историографии мысль о переводе казахско-башкирских контактов под административный контроль (Таймасов 2009b).

В период Пугачевского восстания прежние каналы взаимодействия частично восстановились, однако участие казахов не образовало единого фронта. Действия отрядов сочетали поддержку повстанцев, нападения на пограничные линии, защиту кочевых интересов и переговоры с российской администрацией. Поэтому наиболее точным определением является ситуативная координация. Башкирские старшины выступали посредниками между ставкой Пугачева и казахскими лидерами, но не могли обеспечить единую политическую линию (Бекмаханова 1968; Таймасов 2009b;

Бекмаханов, Семенюк 1963).

На рубеже XVIII-XIX веков политико-военная составляющая уступила место миграционной и этносоциальной. Если ранее преобладал уход башкир в казахскую степь, то позднее усилилось встречное движение казахов Младшего и в меньшей степени Среднего жуза на башкирские земли. Причинами были голод и джуты, межродовые конфликты, брачно-родственные связи, возможность получить более устойчивый правовой статус и хозяйственные ресурсы. Укреплённые линии одновременно ограничивали традиционные кочевья и направляли миграцию через контролируемые пункты. Административное разграничение не прекратило контакты, а преобразовало их в семейные, сословные и локальные формы.

Заключение

Исследование подтвердило наличие предварительных договорённостей между башкирскими волостями и представителями казахских жузов накануне восстания 1755 года. Тем не менее массовый уход башкир в казахскую степь не завершился созданием устойчивого военно-политического союза. Давление Оренбургской администрации на Нуралы-хана, попытки выдачи беженцев и последовавшие столкновения способствовали длительному взаимному отчуждению.

В годы Пугачевского восстания контакты между повстанческим центром, башкирскими старшинами и представителями Среднего и Младшего жузов возобновились. Участие казахских отрядов было ограниченным, локальным и зависело от позиции отдельных султанов. Башкирские старшины выполняли функцию основных посредников, поэтому взаимодействие этого периода следует характеризовать как ситуативную координацию, а не как единый антиимперский фронт.

К концу XVIII – началу XIX века в отношениях усилилась миграционная составляющая. Наряду с возвращением башкирских семей из казахской степи участились переселения казахов на башкирские земли и их включение в башкирское сословие. Статистические сведения, локальные этнонимы и родовые предания показывают, что эти процессы имели долгосрочные этносоциальные последствия.

Таким образом, казахско-башкирское взаимодействие развивалось нелинейно и сочетало союзничество, вооружённые конфликты, взаимную адаптацию и миграции. Российская пограничная администрация существенно влияла на формы и направления этих связей, однако не смогла устранить устойчивые контакты между населением сопредельных территорий.

Примечания

1. Материалы о позиции Кушум-ходжи относительно башкир, нашедших убежище среди казахов и событиях 1755 г. Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук. Ф. 3. Оп. 2. Д. 139. Л. 155–158, 179–180.
2. Материалы о возвращении башкир укрывшихся в казахской степи после восстаний 1739–1740 и 1755 гг. и переселении казахов на башкирские земли. Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 136. Л. 389–406 об.

3. Материалы о миграциях в башкиро-казахском пограничье. Объединённый государственный архив Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 361, 385, 460–460 об.
4. Материалы допроса от 14 июня 1774 г. башкир Упака и Шукура Абзямовых, Уткула Ураеви и татарина Раимад относительно доставки писем Пугачева казахским старшинам. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Д. 1240. Л. 471–471 об.
5. Показания старшины Мусы Имангулова от 6 мая 1774 г. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Д. 1232. Л. 412–413.
6. Рапорт от 25 октября 1774 г. о посланцах казахских повстанцев. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1100. Д. 11. Л. 315–315 об.
7. Указ мая 1808 г. о разрешении принимать казахов в казённые селения внутри пограничной линии. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 842. Л. 5.
8. Материалы о розыске Батырши и его намерении уйти в Средний жуз. Объединённый государственный архив Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 346 об.
9. Донесение поручика Уракова о возможном нахождении Батырши у казахов Ураза и Якуба. Объединённый государственный архив Оренбургской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 38. Л. 84.
10. Материалы «Ревизской сказки» за 1811 год о душах мужского пола «киргисцев» причисленных в 1808 г., 1809 г. и 1810 г в башкирские аулы Катайской и Калмакской волостей. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И.138. Оп.2. Д.129. Л.: 94, 96, 99, 216–217.
11. Материалы «Ревизской сказки» о душах обоого пола «башкир из казахов» и «башкир из «каракалпак» в Оренбургском уезде за 1816 год. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф.138, оп.2. Оренбургская казенная палата. Д. 170.
12. Материалы «Ревизской сказки» о кыргызах (казахах) в д. Акчюра Оренбургского уезда за 1816 год. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И.-138. Оп.2. Д.170. Л.70–72.

Список литературы

- Бекмаханов Е.Б., Семенюк Г.И. Казахи в Крестьянской войне 1773-1775 гг. *Ученые записки Казахского государственного университета. Серия историческая*. 1963. Т.54, вып.12, с.59-87.
- Бекмаханова Н. *Легенда о невидимке: участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773-1775 годах*. Алма-Ата: Казахстан. 1968. 190 с.
- Бижанова М. *Башкиро-казахское этнокультурное взаимодействие в XVIII – первой половине XIX вв.* Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 2006. 21 с.
- Витевский В.Н. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова. 1897. 361 с.
- Вэлиди Ә.Ә. *Башкорттарҙың тарихы (автор кулъязмаһынан тәржемә). Төрк һәм татар тарихы*. Өфе: Башкортостан «Китап» нәшриәте. 1994. 352 б.
- Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. В: *Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. Оренбург. 1901. Вып. 16. С. 125-272.
- Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т.1, вып.3. Тверь: Типо-литография Н.М. Родионова. 1902. С. 257-524.

- Добросмыслов Л.И. *Скотоводство в Тургайской области*. Оренбург. 1895. 360 с.
- Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773-1774 гг.* Сост. А.И. Аксенов, Р.В. Овчинников, М.Ф. Прохоров; отв. ред. Р.В. Овчинников. Москва. Наука. 1975. 523 с.
- Жизнь И.И. Неплюева (им самим написанная): факсимильное издание «Записок И. И. Неплюева»*. Оренбург: Оренбургская губерния. 2004. 197 с.
- Избасарова Г.Б. Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в первой четверти XVIII в. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8, No.5/2, с.63-68.
- История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3*. Алматы: Атамұра. 2010. 768 с.
- Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева: в 3 т.* Отв. ред. В. Мавродин. Т. 2. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 1966. 512 с.
- Мәмбәт шәжәрәһе. Ырыу ыйһыҙмаһы. Хәҙерге телгә К. Аралбаев тәржемәһендә һәм аңлатмаһында*. Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1994. 104 б.
- Рязанов А.Ф. Батырь Срым Датов. *Советская Киргизия*. 1924. No.10, с.94-95.
- Сенатский архив. Т. IX: Протоколы Правительствующего Сената. 1753-1756 гг.* Санкт-Петербург: Сенатская типография. 1901. 712 с. + 29 с.
- Султангалиева Г.С. *Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.)*. Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ. 2002. 258 с.
- Таймасов С.У. Об отношениях башкир с казахами Младшего жуза в период правления Нурали-хана. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009а. С.54-58.
- Таймасов С.У. *Башкирско-казахские отношения в XVIII веке*. Москва: Наука. 2009b. 344 с.
- Чулошников А.П. *Восстание 1755 г. в Башкирии*. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР. 1940. 108 с.
- Әхмәтзәки Вәлиди Туған. *Бөгөнгә тәркиле Төркөстан һәм яҡын тарихы. Көнбайыш һәм Төньяҡ Төркөстан*. Өфө: Китап. 2014. 276 б.

References

- Bekmakhanov E.B., Semenyuk G.I. *Kazakhi v Krestianskoi voine 1773-1775 gg. Scientific Notes of the Kazakh State University. Historical Series*. 1963. Vol. 54, issue 12, pp. 59-87. (in Russian)
- Bekmakhanova N.E. *Legenda o nevidimke: uchastie kazakhov v Krest'yanskoi voine pod rukovodstvom Pugacheva v 1773-1775 godakh*. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1968. 190 p. (in Russian)
- Bizhanova M.R. *Bashkir-Kazakh Ethnocultural Interaction in the Eighteenth and First Half of the Nineteenth Centuries. Candidate of Historical Sciences dissertation*. Izhevsk. 2006. 21 p. (in Russian)
- Vitevskii V.N. I. I. *Nepliev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g.* Vol. 3. Kazan: V. M. Kliuchnikov Typolithography. 1897. 361 p. (in Russian)
- Validi A.A. *Bashkorttardyn tarikhy (avtor kul'yazmahynan terzheme). Tork hem tatar tarikhy*. Ufa: Bashkortostan Kitap Publ., 1994. 352 p. (in Bashkir)
- Dobrosmyslov A. I. *Turgaiskaia oblast. Istoricheskii ocherk. In: Proceedings of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Orenburg, 1901. Issue 16, pp. 125-272. (in Russian)
- Dobrosmyslov A.I. *Turgaiskaia oblast. Istoricheskii ocherk. Vol. 1, issue 3*. Tver: N.M. Rodionov Typolithography. 1902. pp. 257-524. (in Russian)
- Dobrosmyslov L.I. *Skotovodstvo v Turgaiskoi oblasti*. Orenburg. 1895. 360 p. (in Russian)
- Dokumenty stavki E.I. Pugacheva, povstanchesikh vlastei i uchrezhdenii. 1773-1774 gg.* A.I. Aksenov, R.V. Ovchinnikov, M.F. Prokhorov, comps.; R.V. Ovchinnikov, ed. Moscow: Nauka Publ. 1975. (in Russian)
- Zhizn I.I. Neplieva (im samim napisannaia): faksimilnoe izdanie "Zapisok I. I. Neplieva"*. Orenburg:

- Orenburgskaia guberniia Publ. 2004. (in Russian)
- Izbasarova G.B. Rossiyskii faktor v kazakhsko-bashkirskikh otnosheniakh v pervoi chetverti XVIII v. *Historical and socio-educational thought*. 2016. Vol. 8, no. 5/2, pp. 63-68. (in Russian)
- Istoriia Kazakhstana s drevneishikh vremen do nashikh dnei. In 5 volumes. Vol. 3. Almaty: Atamura Publ. 2010. 768 p. (in Russian)
- Krestyanskaia voina v Rossii v 1773-1775 godakh: Vosstanie Pugacheva. V. V. Mavrodin, ed. In 3 volumes. Vol. 2. Leningrad: Leningrad University Press. 1966. 512 p. (in Russian)
- Mambet shezherehe. Yryu yylyazmahy. Translated into modern Bashkir and annotated by K. Aralbaev. Ufa: Bashkortostan Kitap Publ. 1994. 104 p. (in Bashkir)
- Riazanov A. F. Batyr Syrym Datov. *Sovetskaia Kirgiziya*. 1924. No. 10. Pp. 94-95. (in Russian)
- Senatskii arkhiv. T. IX: Protokoly Pravitel'stviushchego Senata. 1753-1756 gg. St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. 712, 29 p. (in Russian)
- Sultangalieva G.S. Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokulturnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.). Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB Publ. 2002. 258 p. (in Russian)
- Taimasov S.U. Ob otnosheniakh bashkir s kazakhami Mladshogo zhuza v period pravleniia Nurali-khana. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009a. pp. 54-58. (in Russian)
- Taimasov S.U. Bashkirsko-kazakhskie otnosheniia v XVIII veke. Moscow: Nauka Publ. 2009b. 344 p. (in Russian)
- Chuloshnikov A.P. Vosstanie 1755 g. v Bashkirii. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. 1940. 108 p. (in Russian)
- Akhmetzaki Validi Tugan. Bogongo torkile Torkostan ham yakyn tarikhy. Konbaiysh ham Tonyak Torkostan. Ufa: Kitap Publ. 2014. 276 p. (in Bashkir)

Information about the Author

Rafil R. Asylguzhin – Chief Research Fellow, Candidate of Philosophical Sciences, Research Institute for the Study of the Ulus of Jochi, 15B Pushkin Street, Baikonyr District, 010000 Astana, Kazakhstan; <https://orcid.org/0000-0003-4302-665X>, asrafil@yandex.ru

Автор туралы мәлімет

Рафиль Рифгатович Асылгужин – бас ғылыми қызметкер, философия ғылымдарының кандидаты, Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты, 010000, Қазақстан, Астана қ., Байқоңыр ауданы, Пушкин көш. 15Б, <https://orcid.org/0000-0003-4302-665X>, asrafil@yandex.ru

Сведения об авторе

Рафиль Рифгатович Асылгужин – главный научный сотрудник, кандидат философских наук, Научный институт изучения Улуса Джучи, 010000, Казахстан, г. Астана, район Байконур, ул. Пушкина, 15Б, <https://orcid.org/0000-0003-4302-665X>, asrafil@yandex.ru

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / **Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / **Раскрытие информации о конфликте интересов.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 11.04.2025

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 11.05.2025.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.06.2025

Ғылыми мақала / Research Article

ҒТАМА / IRSTI 03.20.00

<https://doi.org/>

International competition for a conceptual design for the master plan of the new city centre of Akmola and its place in the history of modern Astana (Kisho Kurokawa and his concept for the development of the new capital of Kazakhstan)

K. Akanov✉

Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan

✉gazizuly85@mail.ru

Abstract. The history of the development of Kazakhstan's modern capital, the city of Astana (formerly Akmola), is a multifaceted and highly diverse subject of academic research. One of the most significant aspects of this process is the formation of the city's architectural character in the second half of the 1990s, when the Government of Kazakhstan decided to hold a competition for a conceptual design for the master plan for the development of the new centre of Kazakhstan's capital, the city of Akmola (now Astana). The purpose of this study is to conduct a comprehensive examination of the process of organising this international competition, as well as to identify the fundamental role played by the 'metabolist city' project by the eminent Japanese architect Kisho Kurokawa in shaping the contemporary architectural and urban landscape of Astana. Objectives: To examine the historical background and conditions surrounding the international competition, following which the organisers were to select a design whose conceptual idea was to form the basis for the capital's urban development. To analyse the conceptual provisions of the master plan, reflecting the philosophical approach of the competition's winner. To highlight the distinctive features of K. Kurokawa's urban planning concept, which envisaged the creation of a dynamically developing city capable of responding flexibly to changing social, economic and demographic challenges. To examine the impact of the proposed planning solutions on the spatial organisation of the new capital and the development of its transport infrastructure systems of public spaces and the monumental architectural ensemble of the administrative centre. To assess the extent to which the original concept has been realised in practice and the influence of Kisho Kurokawa's creative legacy on contemporary architectural practice in Kazakhstan in the context of the city's ongoing development. The study is based on an examination of documents from the National Archives of the Republic of Kazakhstan, as well as documentary and academic literature on the subject of the study. Based on an in-depth analysis of academic literature, archival materials, competition documentation and other data, the author draws a well-founded conclusion regarding K. Kurokawa's significant contribution to the development of Astana's architectural character. It is noted that, despite natural changes and adjustments to his design, the key ideas of the Japanese architect – relating to the creation of a symbiotic city and the preservation of the principle of harmonious coexistence between the urban and natural environments, in which green spaces were to coexist alongside the development of the city's infrastructure and recreational areas for the capital's residents – remained intact. The victory of the project by Kisho Kurokawa Architect & Associates laid a solid foundation for the formation of Astana's modern identity. Studying the experience of implementing his project is of great theoretical and scientific value for researchers of the history of the formation of the architectural and urban landscape of the current capital of Kazakhstan.

Keywords: new capital, master plan for Astana (Akmola), international competition, architecture, Kisho Kurokawa

For citation: Akanov K. International competition for a conceptual design for the master plan of the new city centre of Akmola and its place in the history of modern Astana (Kisho Kurokawa and his concept for the development of the new capital of Kazakhstan). *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.5, no.2, pp.22-37. <https://doi.org/>

Ақмола қаласының жаңа орталығын дамытудың бас жоспарының жобасына халықаралық байқау және оның қазіргі Астана тарихындағы орны (Кисе Курокава және оның Қазақстанның жаңа астанасын дамыту тұжырымдамасы)

Қ. Ақанов

Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Андатпа. Қазақстанның қазіргі астанасы – Астана қаласының (бұрынғы атауы – Ақмола) қалыптасу тарихы ғылыми зерттеудің ауқымды әрі көпқырлы нысаны болып табылады. Бұл үдерістің маңызды қырларының бірі – 1990-жылдардың екінші жартысында қаланың сәулеттік келбетінің қалыптасуы. Дәл осы кезеңде Қазақстан Республикасының Үкіметі Қазақстанның жаңа астанасы – Ақмола қаласының (қазіргі Астана) жаңа орталығын дамытудың бас жоспарының тұжырымдамалық эскизін әзірлеуге халықаралық конкурс өткізу туралы шешім қабылдады. Зерттеудің мақсаты – аталған халықаралық конкурсты ұйымдастыру және өткізу үдерісін кешенді түрде зерделеу, сондай-ақ көрнекті жапон сәулетшісі Кисе Курокаваның «метаболистік қала» жобасының Астананың қазіргі сәулеттік-қала құрылыстық келбетін қалыптастырудағы айқындаушы рөлін анықтау. Халықаралық байқау өткізудің тарихи алғышарттары мен шарттарын қарастыру, оның қорытындысы бойынша байқау ұйымдастырушылары елорданың қала құрылысын дамытудың негізіне айналуы тиіс концептуалдық идеясы бар жобаны таңдауға тиіс болды. Жеңімпаз байқаудың философиялық көзқарасын көрсететін бас жоспардың концептуалдық ережелерін талдау. К. Курокаваның қала құрылысы концепциясының ерекшеліктерін ашу, оның әлеуметтік, экономикалық және демографиялық өзгерістерге икемді жауап бере алатын динамикалық дамып келе жатқан қаланы құруды көздегенін көрсету. Ұсынылған жоспарлау шешімдерінің жаңа елорданың кеңістіктік ұйымдастырылуына, оның көлік инфрақұрылымының дамуына, қоғамдық кеңістіктер жүйесіне және әкімшілік орталықтың монументалды архитектуралық ансамбліне әсерін зерттеу. Бастапқы жоспардың іске асырылу дәрежесін және Кисе Курокаваның шығармашылық мұрасының қаланың одан әрі құрылыс барысындағы Қазақстанның қазіргі архитектуралық тәжірибесіне ықпалын бағалау. Зерттеу Қазақстан Республикасы Ұлттық архивінің құжаттарын, сондай-ақ тақырыпқа қатысты деректі және ғылыми әдебиеттерді зерделеуге негізделген. Ғылыми әдебиеттерге, архивтік материалдарға, байқау құжаттамасына және басқа да деректерге жүргізілген терең талдау негізінде автор К. Курокаваның Астананың сәулеттік келбетін қалыптастыруға қосқан зор үлесі туралы негізді тұжырым жасайды. Жобаға табиғи өзгерістер мен түзетулер енгізілгеніне қарамастан, жапон сәулетшісінің «симбиотикалық қала» құру және қалалық орта мен табиғаттың үйлесімді өмір сүру қағидатын сақтау идеялары өз маңызын жоғалтпағаны атап өтіледі. Оның концепциясы бойынша жасыл желектер қала инфрақұрылымымен және тұрғындардың демалыс орындарымен тығыз үйлесім табуы тиіс еді. Kisho Kurokawa architect & associates компаниясы жобасының жеңіске жетуі Астананың қазіргі заманғы келбетін қалыптастыруға берік іргетас

қалады. Оның жобасын іске асыру тәжірибесін зерделеу Қазақстан астанасының сәулеттік және қала құрылысы сипатының қалыптасу тарихын зерттеушілер үшін жоғары теориялық және ғылыми құндылыққа ие.

Түйін сөздер: жаңа астана, Астана (Ақмола) бас жоспары, халықаралық конкурс, сәулет өнері, Кисё Курокава

Сілтеме жасау үшін: Аканов К. Ақмола қаласының жаңа орталығын дамытудың бас жоспарының жобасына халықаралық байқау және оның қазіргі Астана тарихындағы орны (Кисе Курокава және оның Қазақстанның жаңа астанасын дамыту тұжырымдамасы). *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.5, no.2, pp.22-37. <https://doi.org>

Ақмола қаласының жаңа орталығын дамытудың бас жоспарының тұжырымдамалық жобасына арналған халықаралық конкурс және оның қазіргі Астана тарихындағы орны (Кисё Курокава және Қазақстанның жаңа астанасын дамыту тұжырымдамасы)

К. Аканов

Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. История становления современной столицы Казахстана, города Астаны (ранее Акмолы), представляет собой многогранный и весьма разносторонний объект научного исследования. Одной из важнейших сторон этого процесса является формирование архитектурного облика города во второй половине 1990-х годов, когда Правительство Казахстана решило провести конкурс на эскиз-идею генерального плана развития нового центра столицы Казахстана города Акмолы (ныне Астаны). Цель исследования заключается в комплексном изучении процесса организации данного международного конкурса, а также в определении фундаментальной роли проекта «метаболистического города» выдающегося японского архитектора Кисё Курокавы в формировании современного архитектурно-градостроительного облика Астаны. Рассмотреть исторические предпосылки и условия проведения международного конкурса, по итогам которого организаторы конкурса должны были выбрать проект, концептуальная идея которого должна была лечь в основу градостроительного развития столицы. Проанализировать концептуальные положения генерального плана, отражающие философский подход победителя конкурса. Раскрыть особенности градостроительной концепции К. Курокавы, предусматривавшей создание динамично развивающегося города, способного гибко реагировать на изменяющиеся социальные, экономические и демографические вызовы. Исследовать влияние предложенных планировочных решений на пространственную организацию новой столицы, развитие ее транспортной инфраструктуры, системы общественных пространств и монументального архитектурного ансамбля административного центра. Оценить степень практической реализации первоначального замысла и влияние творческого наследия Кисё Курокавы на современную архитектурную практику Казахстана в процессе дальнейшей застройки города. Исследование основывается на изучении документов Национального архива Республики Казахстан, документальной и научной литературы по теме исследования. На основе глубокого анализа научной литературы, архивных материалов, конкурсной документации и других данных

автор делает обоснованный вывод о значительном вкладе К. Курокавы в развитие архитектурного облика Астаны. Отмечается, что, несмотря на естественные изменения и корректировки его проекта ключевые идеи японского архитектора, связанные с созданием симбиотического города и сохранением принципа гармоничного существования городской и природной среды, в котором зеленые насаждения должны были соседствовать с развитием инфраструктуры города и мест для отдыха столичных жителей. Победа проекта компании Kisho Kurokawa architect & associates заложило прочный фундамент для формирования современной идентичности Астаны. Изучение опыта реализации его проекта представляет высокую теоретическую и научную ценность для исследователей истории формирования архитектурного и градостроительного облика нынешней столицы Казахстана.

Ключевые слова: новая столица, генеральный план Астаны (Акмола), международный конкурс, архитектура, Кисе Курокава

Kіріспе

Бұрын халқы небәрі 290 мың адамды құраған шағын Ақмола қаласы әрі Ақмола облысының әкімшілік орталығы Қазақстан Республикасының астанасы мәртебесіне ие болғанына да отыз жылға жуық уақыт өтті. Осы тарихи шешімнен кейін қаланың түбегейлі жаңғыру және тек республикалық қана емес, халықаралық деңгейдегі орталық – Астана қаласы ретінде қалыптасу үдерісі басталды. Бүгінде Астана – әлем жұртшылығына кеңінен танылған қала. Мұнда ЕҚЫҰ саммиті, Азиада, Әлемдік және дәстүрлі діндер лидерлерінің съезі, халықаралық экономикалық форум сияқты ауқымды халықаралық іс-шаралар өтті. Қазіргі таңда Астананың салынуы мен қалыптасу тарихының өзі дербес зерттеу нысанына айналған шақта елорданың дамуына және оның бүгінгі халықаралық беделінің қалыптасуына елеулі үлес қосқан тұлғаларды еске алу маңызды. Солардың бірі – Астана қаласының Бас жоспарының бас әзірлеушісі, әлемге әйгілі жапон сәулетшісі Кисё (Кишо) Курокава. Оның жобасы Қазақстан астанасының бас жоспарын әзірлеуге арналған халықаралық конкурста жеңімпаз атанып, елорданың қазіргі келбетінің қалыптасуына негіз болды.

Материалдар мен әдістер

Зерттеудің негізгі дереккөзі ретінде «Ақмола қаласының жаңа орталығын дамытудың бас жоспарының тұжырымдамалық жобасына арналған халықаралық конкурсты өткізу жөніндегі Үкіметтік комиссия» атты 51-қорда сақталған конкурс құжаттары пайдаланылды. Сондай-ақ «Астананы дамыту корпорациясы» ЖШС-нің 90-қорында сақталған «Қазақстан Республикасындағы Астана қаласын дамытудың бас жоспарын әзірлеу жөніндегі зерттеу» есебі маңызды дереккөздердің бірі болып табылады. Бұл құжатта жапон сәулетшісі Кисё Курокаваның жобалық тұжырымдамасы жан-жақты түсіндірілген. Сонымен қатар зерттеу барысында халықаралық конкурстың өткізілу тәртібі баяндалған «Қазақстан астаналары» атты құжаттар мен материалдар жинағы да пайдаланылды. Конкурс құжаттарын зерделеу барысында деректанулық талдау жүргізіліп, тарихи-генетикалық әдіс қолданылды. Бұл әдіс конкурсты өткізудің

алғышарттарын, оны ұйымдастыру үдерісін, қорытындысын шығаруды және жеңімпаз жобаның жүзеге асырылуын айқындауға мүмкіндік берді. Сонымен бірге тарихи реконструкция әдісі қолданылып, 1998 жылғы халықаралық конкурстың дайындық кезеңінен бастап жеңімпазды жариялауға дейінгі бүкіл барысы қалпына келтірілді. Бұдан басқа, Кисё Курокава жобасының басты ерекшеліктерін анықтау үшін тарихи-типологиялық әдіс пайдаланылды. Ал тарихи-жүйелік әдіс Үкіметтің конкурсты ұйымдастыру қызметі, конкурстық комиссияның жұмысы және конкурс нәтижелерінің елорданың кейінгі дамуына ықпалы арасындағы өзара байланысты кешенді түрде зерделеуге мүмкіндік берді.

Әдеби шолу

Кисё Курокаваның сәулет мұрасы мен оның Қазақстан астанасының, сондай-ақ әлемнің бірқатар ірі қалаларының сәулеттік келбетінің қалыптасуына қосқан үлесі тақырыбы қазақстандық және шетелдік ғалымдар тарапынан үлкен ғылыми қызығушылық тудырып келтінін айта кету керек.

Қазақстандық зерттеушілердің еңбектері арасында сәулет саласының мамандары Ш.У. Матайбековтың, Б.Ф. Досмағамбетовтің, С.М. Тюриннің, М.Е. Нецадимнің, К.И. Самойловтың, Т.Б. Табыстың, А.М. Мұлдағалиеваның және басқа да ғалымдардың еңбектерін атап өткен жөн (Матайбеков 2006; Досмағамбетов 2011; Тюрин және т.б. 2018; Нецадим, Самойлов 2021; Нецадим, Самойлов 2022; Табыс және т.б. 2023). Аталған зерттеушілер Кисё Курокаваның Бас жоспар жобасын жан-жақты талдап, оның тұжырымдамалық негіздерінің қалыптасу бастауларын ашып көрсетті. Сонымен қатар олар «метаболизм», «метаболистік қала», «симбиоз», «абстрактілі символизм», «қаланың урбанистік дамуы мен табиғи ортаның үйлесімді қатар өмір сүруінің қажеттілігі», «қаланың ескі және жаңа сәулетінің сабақтастығы» сияқты ұғымдардың мазмұнын ғылыми тұрғыдан түсіндірді. Тарих ғылымы саласының мамандары Г.А. Алпыспаева, Ш.Н. Саяхимова, Р.О. Туксаитова, К.М. Ильясова, С.А. Бағдатова, А.А. Дадырова және басқа да зерттеушілер Астана қаласының қалыптасу тарихына, бұрынғы бас жоспарлардың әзірленуіне, астананы көшіру туралы шешімнің қабылдануына, сондай-ақ халықаралық конкурсты ұйымдастыру мен өткізу мәселелеріне ерекше назар аударды. Осы ғылыми негізге сүйене отырып, олар Кисё Курокаваның Еуразия кеңістігінің мәдениеттері тоғысқан жаңа астана туралы көзқарасын, сәулеттік тұжырымдамасын қалай жүзеге асырғанын түсіндіруге ұмтылды. Ғалымдардың пайымдауынша, оның жобасында дүниенің әр түкпірінен келген мәдени дәстүрлер үйлесім тауып, сан алуан сәулеттік нысандар мен қаланың ортағасырлық Бозоқ қонысынан бүгінгі заманға дейінгі көпғасырлық тарихи сабақтастығы біртұтас идея аясында көрініс тапқан (Алпыспаева 2008; Алпыспаева және т.б. 2016; Ильясова, Бағдатова 2017; Дадырова және т.б. 2020; Мұлдағалиева және т.б. 2024).

Шетелдік ғалымдардың еңбектері арасында В.М. Бадлуева, В.А. Кравченко, И.Л. Першина, Л.Г. Дирксен, О.А. Иванова, Ю.А. Закирова, Т.С. Хакимова, С.С. Ипполитов, Н.Г. Благовидова және басқа да зерттеушілердің еңбектерін ерекше атауға болады. Олар да Кисё Курокаваның бұрынғы жобаларының тарихын және оның сәулеттік тұжырымдамалық көзқарастарының қалыптасу эволюциясын жан-жақты зерттеген.

Сонымен бірге аталған авторлар Кисё Курокаваның Бас жоспарының артықшылықтарымен қатар кемшіліктеріне де ғылыми тұрғыдан баға берген. Атап айтқанда, бірқатар зерттеушілер жапон сәулетшісі Қазақстан астанасындағы халық санының қарқынды өсу қарқынын толық ескермегенін орынды көрсетеді. Мұндай демографиялық өсім тұрғын үй құрылысын жедел қарқынмен жүргізуді және жол-көлік инфрақұрылымын ауқымды түрде дамытуды талап етті. Соның салдарынан бастапқы бас жоспарға уақыт өте келе елеулі өзгерістер енгізуге қажеттілік туындады (Бадлуева 2009; Кравченко, Першина 2013; Дирксен 2016; Иванова 2017; Закирова, Хакимова 2018; Ипполитов 2023; Благовидова, Иванова 2024).

Нәтижелер

Ақмола қаласының жаңа орталығын дамытудың бас жоспарының тұжырымдамалық жобасына арналған халықаралық конкурсты ұйымдастыруға дайындық жұмыстары 1998 жылдың наурыз айында басталды. Бұл үдеріс Қазақстан Республикасы Үкіметінің 1998 жылғы 11 наурыздағы «Халықаралық конкурс өткізу мәселелері туралы» қаулысынан бастау алды. Аталған құжатта екі негізгі міндет айқындалды. Бірінші міндет – халықаралық конкурстың өзін өткізу болса, екінші міндет – Ақмола қаласының әкімі, сондай-ақ Ақмола арнайы экономикалық аймағы әкімшілік кеңесінің төрағасы А.Р. Жақсыбеков басқаратын конкурстық комиссияны құру болды¹.

Конкурсережелерінесәйкес,оныңнегізгімақсаты–қатысушыларұсынғанматериалдар негізінде Қазақстанның жаңа астанасы – Астана қаласының жаңа орталығын салуға барынша қолайлы, ұлттық, табиғи-климаттық, экологиялық және өзге де жағдайларға сәйкес келетін аумақтың орналасу орнын анықтау болды.² Сонымен қатар конкурс аясында қаланың әрі қарай дамуына арналған перспективалы аумақтарды айқындау, оларды қолданыстағы құрылыс жүйесімен байланыстыра отырып қарастыру; қаланың жоспарлау құрылымы мен сәулеттік бейнесін шешу; сондай-ақ негізгі қолданыстағы магистральдарды ескере отырып, қаланың көлік қаңқасының принциптік сызбасын әзірлеу міндеттері қойылды³.

Сәуір айында комиссия шетелдік және республикалық бұқаралық ақпарат құралдары, сондай-ақ интернет желісі арқылы халықаралық конкурс өткізілетіні туралы хабарлады. Конкурсқа шетел мемлекеттері мен ТМД елдерінен 50 қатысушы қызығушылық танытты. Жалпы саны 40 өтінім келіп түсті. Олардың ішінде 9 өтінім Қазақстаннан, 5-еуі Ресейден, 3-еуі Чехиядан, 2-еуі Беларусь, Украина, Пәкістан, Қырғызстан, Италия және Болгария елдерінен ұсынылды. Ал Жапония, Австралия, Өзбекстан, Германия, Франция, АҚШ, Оңтүстік Корея, Ұлыбритания, Латвия, Польша және Біріккен Араб Әмірліктерінен бір-бір өтінімнен келіп түсті. Қатысушылардың барлық жобалары Конгресс-холлда көрмеге қойылып, кез-келген қызығушылық танытқан адам олардың мазмұнымен танысу мүмкіндігіне ие болды (Назарбаев 2005: 147; Участники... 2008: 164-172).

Жоғарыда көрсетілген конкурс өткізу мерзімдері мен талаптарына сәйкес, конкурстық комиссия қарауына 27 жоба ұсынысы қабылданды. Олардың барлығына алты таңбалы кодтар беріліп, құпияландырылды. Жеңімпазды анықтау мақсатында А.Р. Жақсыбеков төрағалық еткен Үкіметтік комиссия Ресей Федерациясының еңбек сіңірген сәулетшісі А.В. Виноградов басқаратын Сарапшылық кеңес және «KAZGOR» жобалау академиясының президенті А.Ш. Тәттіғұлов жетекшілік еткен қазылар алқасын құрды.

1998 жылғы 3 желтоқсанда Астана қаласының жаңа орталығын дамытудың бас жоспарының тұжырымдамалық жобасына арналған халықаралық конкурсты өткізу жөніндегі Үкіметтік комиссияның қорытынды отырысы өтті. Отырыста қазылар алқасы сарапшылардың жиынтық қорытындысын ескере отырып және Мемлекет басшысының ұсынысы негізінде жүлделі орындарды төмендегідей бөлді:

Бірінші орын – Kisho Kurokawa Architect & Associates (сәулетші Кисё Курокава және серіктестері, Жапония) жобасына берілді.

Екінші орын – «Ақ орда» жобалау-құрылыс компаниясына (Қазақстан Республикасы) берілді.

Үшінші орын – Ресей Федерациясы Сәулет және құрылыс академиясының Орталық ғылыми-зерттеу жобалау және қала құрылысы институты ұсынған жобаға берілді (Ресей Федерациясы) (Протокол ... 2008: 183-184).

Кисе Курокава (1934-2007)

Кисё (Кишо) Курокаваның жобасы мен сәулетшінің жеке тұлғасына толығырақ тоқталайық. Кисё Курокава 1934 жылы Жапонияның Каниэ елді мекенінде сәулетші отбасында дүниеге келген. Оның шын есімі Нориаки болғанын Қазақстан Президенті Н. Назарбаев өзінің «Еуразия жүрегінде» атты кітабында атап өтеді (Назарбаев, 2005: 147). Әлемге танымал сәулетші атанғаннан кейін Курокава әкесі Хиросима мен Нагасаки қалаларының америкалық атом бомбалауы кезінде қираған ғимараттарын ауыр қабылдағанын еске алған. Болашақ мамандығын таңдаған Курокава сәулет өнерін жоғары оқу орындарында меңгерді. 1960 жылы ол Киёнори Кикутакэ, Фумихико Маки, Кэндзо Танге сияқты белгілі жапон сәулетшілері кірген бір топ пікірлес әріптестерімен бірге сәулеттегі жаңа бағыт – метаболизм ағымының негізін қалады. Метаболистер қаланы өзіне тән биологиялық үдерістері жүретін тірі ағза ретінде қарастырды. Олардың пікірінше, сәулет нысандары уақыт өте келе өзгеріп, тозатындықтан, архитектура тұрақты әрі өзгермейтін құрылым болмауы керек, оның элементтері жаңа бөлшектермен алмастырылып отыруы қажет. Өз жобаларында метаболистер әрдайым табиғатпен үйлесімділікке ұмтылумен ерекшеленетін жапон дәстүрлі сәулетінің бастау көздеріне назар аударды. 1960 жылы жарық көрген «Метаболизм манифесінде» сәулетшілердің болашақ қалалары туралы көзқарастары баяндалды. Олардың тұжырымдамасы

бойынша, мұндай қалалар жеке капсулалардан тұрып, мұхиттарда жүзіп немесе ғарыш кеңістігінде қозғала алатын құрылымдар ретінде елестетілді (Бадлуева 2009: 61-64).

Курокава АҚШ Сәулетшілер институтының құрметті мүшесі, Ұлыбритания Корольдік өнер академиясының құрметті мүшесі, Жапония өнер академиясының академигі, Жапония ландшафтты ұйымдастыру қоғамының төрағасы, Француз сәулет академиясының Алтын медалінің иегері, сондай-ақ Қазақстан Республикасы Премьер-Министрінің кеңесшісі болған. Курокаваның бұған дейін аталған ғимараттарынан бөлек, оның жобаларына Жапонияның Осака қаласындағы Ұлттық этнологиялық музей, «Sony» корпорациясының мұнарасы, Малайзияның Куала-Лумпур қаласындағы халықаралық әуежай ғимараты, Жапониядағы «Toyota Stadium» және Санкт-Петербургтегі «Зенит-Арена» футбол стадиондары, Сингапурдағы Republic Plaza зәулім ғимараты және басқа да көптеген танымал сәулет нысандары жатады (Назарбаев 2005: 147; Бадлуева 2009: 61-64).

Астана қаласының Бас жоспарына келетін болсақ, оның негізіне Кисё Курокаваның симбиотикалық және метаболистік қала туралы философиялық тұжырымдамасы алынған. Бұл тұжырымдаманың мәні – қаланы жобалауға деген жаңа көзқараста, яғни қала мен табиғатты бір-бірімен тығыз әрекеттесетін екі тірі ағза ретінде қабылдауға негізделген. Бас жоспарда қаланың радиалды-сақиналық композициялық құрылымы қарастырылды. Курокава жоспарының негізіне бірнеше сәулеттік қағидаттар енгізілді:

1. бір-біріне ұқсас, біркелкі типтегі ғимараттардың болмауы;

2. Астана – Батыс, Шығыс, Солтүстік және Оңтүстік мәдениеттерінің үйлесімділігін көрсететін еуразиялық қала болуы тиіс, яғни әртүрлі мәдени дәстүрлердің механикалық қосындысы емес, олардың өзара сабақтасқан тұтастығы ретінде қалыптасуы қажет.

Жаңа Бас жоспардың негізгі қағидаттары: метаболизм, жаңару, симбиоз, экология және жаһандық экология болды. Мамандар жаңа қала Бас жоспарының бірнеше ерекше тұжырымдамалық қағидаттарын да атап көрсетеді. Олардың қатарында:

- қаланың ескі және жаңа бөліктері арасында композициялық бірлікке қол жеткізу;
- дамыған көлік магистральдары жүйесін қалыптастыру;
- Есіл өзенінің су-жасыл жүйесін сақтау бар.

Елорданың одан әрі дамуы республикалық-әкімшілік орталық және жаңа тұрғын аудан қызметтерін қатар атқаратын ірі қала құрылысы кешенін ұйымдастыру мақсатында сол жағалаудағы аумақтарды қарқынды игерумен айқындалды (Архитектура и строительство ... 2004: 182).

Жапонияның халықаралық ынтымақтастық жөніндегі агенттігі мен Астана қаласын дамыту корпорациясының сәулетші-ғалымдары «Қазақстан Республикасындағы Астана қаласын дамытудың бас жоспарын әзірлеу жөніндегі зерттеу» атты есепте қаланы дамытудың метаболистік тұжырымдамасын төмендегідей түсіндірген: «Метаболистік қала тұжырымдамасы сызықтық функционалдық аймақтарға бөлу әдісіне негізделеді. Бұл тәсілге сәйкес урбандалған өмір салты табиғи ортамен қатар үйлесімді түрде өмір сүреді. Осы арқылы қала өзінің әртүрлі құрылымдарының өсуімен шектелетін кеңістіктік шеңберлерден босатылады»⁴.

Курокаваның Бас жоспарында Астана қаласын дамытуға бағытталған аса маңызды тұжырымдамалар төмендегідей болды:

- 1) Қазақстанның жаңа астанасының келбетіне сай келетін симбиотикалық қала қалыптастыру. Бұл тұжырымдама бірнеше бағыт арқылы көрініс тапты:

а) Қаланың ескі және жаңа бейнелерінің симбиозы. Жаңа қаланың құрылысы Есіл өзенінің сол жағалауындағы аумақта жоспарланды. Қолданыстағы инфрақұрылымды мүмкіндігінше пайдалану немесе қалпына келтіру көзделді. Бұл қаланың жаңа және ескі бөліктерінің үйлесімді дамуына мүмкіндік беріп, автордың пікірінше, даму шығындарын азайтуға және жаңа астананың қалыптасу қарқынын жеделдетуге жағдай жасады.

ә) Табиғат пен қаланың симбиозы. Жасыл желектерді сақтау, қалалық инфрақұрылымды дамыту және әртүрлі демалыс аймақтарын құру арқылы табиғи орта мен урбандалу үдерісінің үйлесімді қатар өмір сүруі жаңа қала аумағын қалыптастырудың негізгі қағидаты ретінде қарастырылды.

2) Сызықтық функционалдық аймақтарға бөлу әдісімен үйлескен метаболистік урбандалу тұжырымдамасы негізінде қаланың икемді даму жоспарын қалыптастыру.

Бұл тәсіл ұзақ мерзімді тұрақты құрылымдарды уақытша әрі алмастырылатын элементтермен қатар дамыту арқылы қаланың динамикалық өсуі мен өзгергіштігі қағидатына негізделген метаболистік үлгідегі қала қалыптастыруға мүмкіндік берді. Бұл қағида тұрғындар қоныстану жүйесіне де, сәулеттік ансамбльдерге де қатысты қолданылды.

Осы бағытта мынадай ерекшеліктер ескерілді:

а) Қала жоспарын қалыптастырудағы негізгі тұжырымдама. Болашақ астананың бейнесін қалыптастыру барысында оның қызметін, рөлін және мәртебесін нақтылау аса маңызды болды. Жер пайдалану жоспарының басты қағидаты – қаланың екі бөлігінің үйлесімді симбиозын қамтамасыз ету мақсатында қолданыстағы нысандарды барынша тиімді пайдалану болды.

ә) Сызықтық функционалдық аймақтарға бөлу әдісіне негізделген метаболистік қала. Бұл тәсіл қаланың болашақтағы дамуына бейімделуге және функционалдық тепе-теңдікті сақтауға бағытталды. Осы мақсатта жоспарлау аймақтары сызықтық бағытта кеңейетін функционалдық бөлу әдісі қолданылды.

Жоспарлау құрылымдарына астананы жел мен құмды дауылдардан қорғайтын санитарлық-қорғау жасыл белдеулері, қолданыстағы өнеркәсіптік кәсіпорындар мен жоғары технологиялық өндіріс орындары, жасыл аймақтар, қалалық құрылыстар, тұрғын үй массивтері, жаңа қала орталығы және экологиялық парк аумақтары енгізілді.

б) Еуразиялық осьтер. Бұл тұжырымдама жаңа астананың Еуразия құрлығының орталығындағы геосаяси орналасуын білдіретін көрінбейтін осьтердің болуын қарастырды. Теміржол вокзалынан оңтүстік бағытта басталатын қолданыстағы қалалық ось жаңа әкімшілік орталық салынатын аумақты қамтып, Есіл өзенінің оң және сол жағалауларын байланыстыруға, сондай-ақ жаңа астананың өткені мен болашағын біріктіруге тиіс болды.

в) Абстрактілі символизм. Бұл әдіс Қазақстанның дәстүрлі мәдени рәміздерін бейнелейтін қарапайым геометриялық пішіндерді пайдалануға негізделді. Мысалы, үшбұрыш пішіні көшпелі халықтардың әшекейлері мен киімдерінде жиі кездессе, конус пішіні бас киімдерде, ал сопақша немесе жартылай сопақша пішін ай мен жарты ай бейнесі арқылы Жер символын білдіреді.

Аталған әдісті пайдалану елорданың қазақ халқының мәдени және дәстүрлі мұрасын көрсетуіне, сондай-ақ халықаралық қала бейнесіне сәйкес келетін біртұтас ландшафт қалыптастыруына мүмкіндік берді⁵.

*Kisho Kurokawa architect & associates ұсынған
Астана қаласының Бас жоспарының эскизі⁶*

*A draft master plan for the city of Astana presented
by Kisho Kurokawa Architect & Associates⁶*

Қазақстан Республикасының Президенті Н. Назарбаев Кисё Курокаваның Бас жоспар тұжырымдамасын былайша сипаттайды: «...Жоғарыда аталған тұжырымдаманы жүзеге асырған жаңа астана – Астана ХХІ ғасыр қаласы, симбиотикалық қала ретінде қалыптасуы тиіс. Жаңа астана өзінің бастауын ескі Ақмола қаласының тарихы мен жаңадан бой көтерген Астана қаласының үйлесімінен алады. Оның қала құрылысы құрылымы «шығыс-батыс» бағытындағы теміржол осі және оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай ағып жатқан Есіл өзенінің арнасы негізінде қалыптасады... Жаңа астана Астана қаланы бойлай өтетін өзен жағасында орналасады, бұл жағынан ол Сена, Темза немесе Мәскеу өзендері арқылы танымал қалаларға ұқсас болады». Мұндай кеңістіктік түсініктің негізгі тірек элементтері төрт көлемдік-кеңістіктік композициядан тұрады: Президент резиденциясы, Әкімшілік ғимараты және Парламент ғимараты (шығыс жағында орналасып, орталықтың «қақпасы» қызметін атқарады), Тәуелсіздік алаңы Монументімен (Бәйтерек – авт. ескертпесі) және цирк ғимараты орналасқан мәдени-ойын-

сауық алаңы. Осы нысандармен үйлесімді байланыста ғимараттардың биіктіктерінің ауысу ырғағы реттеліп, бұл құрылыс кешенінің көлемдік-кеңістіктік композициясына динамикалық мәнерлілік береді. Қаланың орталығы «концерттік» орындауға ұқсас ерекше ырғақтық композиция қағидаты бойынша жобаланды: қарқынның өзгеруі, музыкалық вариациялар қалалық ортаның өзіндік атмосферасын қалыптастыруы тиіс болды. Аспан көкжиегінің шартты фоны – аспан кеңістігінің биіктігі, қаланың серпінді тіршілігі, кеңістіктік сәулеттік доминанттары бар саябақтардың тыныштығы мен әсемдігі арқылы көрініс табады. Бұл жүйеге батыс бөліктегі цирк аймағы, Мемлекеттік тәуелсіздік саябағындағы Монумент, Президент Әкімшілігі мен Парламент ғимараттары (салтанатты қақпа әсерін қалыптастыратын нысандар) және Президент резиденциясы кіреді. Үкіметтік орталықтың шығыс-батыс осі бойында орналасқан Орталық қалалық саябақта әртүрлі су құрылғылары (субұрқақтар, сарқырамалар) қарастырылды. Олар сәулеттік ортаның көркемдік әр алуандығын арттырып, шағын климатты жақсартып, саябақтар мен гүлзарлардың кеңістігін жандандыруға ықпал етуі тиіс болды (Назарбаев 2005: 149-150).

Қазақстандық сәулетшілер Ш. Матайбеков пен Б.Ф. Досмағамбетов Кисё Курокаваның Қазақстан астанасының Бас жоспарын халықаралық конкурсқа әзірлеу барысында «симбиоз», «метаболистік қала» және «абстракттілі символизм» сияқты негізгі тұжырымдамалық санаттарға сүйенгенін атап көрсетеді. Сонымен қатар Кисё Курокава қала мен табиғат арасындағы симбиотикалық байланысты қалыптастыру, қаланың сәулеттік бейнесіндегі ескі және жаңа бастау элементтерін үйлестіру мақсатында урбанистік және сәулеттік дамуды жергілікті табиғи ортамен үйлесімді байланыстыруға ұмтылды. Ол экожүйені және қолданыстағы өзен арналарын сақтай отырып, қаланың қоршаған ортамен тепе-теңдікте дамуын қамтамасыз етуді көздеді. (Матайбеков 2006: 18-19; Досмағамбетов 2011: 86).

2001 жылғы 15 маусымда Жапонияның халықаралық ынтымақтастық жөніндегі агенттігінің зерттеу тобы «Kisho Kurokawa architect & associates» әзірлеген Астана қаласының Бас жоспары Қазақстан Республикасы Үкіметінің қаулысымен бекітілді.

Қорытынды

Әлемге әйгілі сәулетшінің Астананың дамуына қосқан зор үлесі туралы Қазақстан Республикасының Президенті Нұрсұлтан Назарбаевтың 2007 жылғы 17 қазанда К. Курокаваның қайтыс болуына байланысты Жапония Премьер- Министрі Ясуо Фукудаға жолдаған көңіл айту жеделхатында айтылған сөздері айқын дәлел бола алады: «Астана қаласының Бас сәулеттік жоспарын әзірлеуші ретінде Курокава мырза жас елордамыздың дамуына үлкен үлес қосты және оның есімі Қазақстан Республикасының сәулет және қала құрылысы тарихына мәңгілікке жазылып қалады» (Редькин 2013). Сонымен қатар Қазақстан Президенті Кисё Курокава жоспарына баға бере отырып, былай деп атап өтті: «Курокава ұсынған, қаланың радиалды-сақиналық композициясы мен оның пішіндерінің серпінділігін негізге алған Бас жоспар маған көп жағынан жақын. Себебі ол біздің ұлттық болмысымызға тән, көшпелі ата-бабаларымыздан мұра болып қалған динамикалық сезімді және қаланың орталық бөлігінің өзіндік ландшафтын ескереді. Бұл ландшафт маған ежелгі көшпелі халықтардың қоныстарының сұлбасын еске түсіреді» (Назарбаев 2005: 150-151).

Жоғарыда айтылғандарды қорытындылай келе, К. Курокаваның Бас жоспары Қазақстан астанасының сәулеттік дамуының қала қалыптастырушы негізіне айналды деп атап өтуге болады. Шығармашылық тұрғыдан ұсынылған бұл жоспар қала сәулеті мен табиғи ортаның үйлесімділігін ғана емес, сонымен қатар ұлттық ерекшелікті және халқымыздың тарихи сабақтастығын да бейнеледі. Біздің пайымдауымызша, дәл осы ерекшеліктер Кисё Курокаваның Астана қаласының жаңа орталығының Бас жоспарының тұжырымдамалық жобасына арналған конкурс жеңімпазы атануына басты себептердің бірі болды.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Авторлар мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности

Авторы благодарят за научно-редакторское сопровождение статьи.

Ескертпелер

1. Қазақстан Республикасының Ұлттық архиві (бұдан әрі – ҚР ҰА). Халықаралық конкурс өткізу мәселелері туралы. 51-қор, 1-тізімдеме, 1-іс, 1-2-парақ.
2. ҚР ҰА. Ақмола қаласының жаңа орталығын дамытудың Бас жоспарының тұжырымдамалық жобасына арналған халықаралық конкурсты өткізудің негізгі ережелері. 51-қор, 1-тізімдеме, 1-іс, 4-5-парақ.
3. ҚР ҰА. Қазақстан Республикасының астанасы – Астана қаласының жаңа орталығын дамытудың Бас жоспарының тұжырымдамалық жобасына арналған халықаралық конкурс. 90-қор, 1-тізімдеме, 14-іс, 3-парақ.
4. ҚР ҰА. Халықаралық конкурс аясындағы астана дамуының тұжырымдамасы. 90-қор, 1-тізімдеме, 60-іс, 20-парақ.
5. ҚР ҰА. Доктор Курокаваның Астана қаласын дамытуға ұсынған тұжырымдамалары. 90-қор, 1-тізімдеме, 60-іс, 21–23-парақ.
6. ҚР ҰА. Kisho Kurokawa architect & associates ұсынған Астана қаласының Бас жоспарының эскизі. 90-қор, 1-тізімдеме, 14-іс, 9-парақ.

Әдебиеттер тізімі

- Алпыспаева Г.А. *Астана в новое и новейшее время*. Астана. 2008. 276 с.
- Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н., Туксайтова Р.О. *Культурное пространство Акмолы, Целинограда, Астаны: история становления и развития*. Под общей редакцией Г.А. Алпыспаевой. ДАННЫЕ ИЗД-ВА
- Архитектура и строительство Казахстана*: Фотокнига. Алматы: Редакция «Золотая Книга». 2004. 488 с.
- Бадлуева В. Философия симбиоза Кисё Курокавы. *Вестник Томского государственного университета*. 2009. No.329, pp.61-64.

- Благовидова Н., Иванова О. *Семантический аспект формирования идентичности архитектурно-пространственной среды новых городов-столиц*. Часть 2. Преемственность и идентичность. Academia. Архитектура и строительство. 2024. No1, с.147-158.
- Дадырова А.А., Мухтарова Г.С., Омарова Ж.Н. *Онтология столицы Казахстана: квинтэссенция традиций и современности*. Баландинские чтения. 2020. Том.15. С.314-322.
- Дирксен Л. *Характер взаимодействия экологии культуры и экологического сознания в деятельности будущих дизайнеров*. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. No.7-3, с.469-474.
- Досмагамбетов Б. *Звезда Астаны на небосклоне мировых столиц*. (в соответствии с градостроительными и архитектурными стандартами XXI века). Вестник. Зодчий. 21 век. 2011. No.4(41), с.16-27.
- Закирова Ю., Хакимова Т. *Влияние футурологических концепций на градостроительное планирование XX-XXI вв*. Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. No.1(43), с.112-119
- Иванова О.А. *Особенности формирования архитектурного образа Астаны – новой столицы Казахстана*. Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2017. No.2, с.97-105.
- Ильясова К.М., Багдатова С.А. *Астана – новая столица*. Вспомогательное учебное пособие. Астана: «Типография Стимул». 2017. 340 с.
- Ипполитов С. *Промышленный дизайн и архитектура Республики Казахстан: национализация визуальной среды. Художественное наследие. Исследования. Реставрация. Хранение*. 2023. No.2(6), с.43-56
- Кравченко В., Першина И. *Архитектурный метаболизм Кисё Курокава. Будущее науки – 2013: материалы Международной молодежной научной конференции*. Курск, 23–25 апреля 2013 года. Ответственный редактор: Горохов А.А.. Том.2. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга". 2013. С.149-151.
- Матайбеков Ш. *Архитектура Астаны: поиск, идеи, направления развития в XXI веке*. Архитектура. Строительство. Дизайн. 2006. No.1(42). С. 16-23.
- Мулдагалиева А., Мамедов С., Мусабаев Т., Баракбаев А. *Основные проблемы градостроительного планирования города Астаны (в контексте генерального плана К.Курокавы)*. Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Технические науки и технологии. 2024. No.4(149), с.215-230.
- Назарбаев Н.А. *В сердце Евразии – Алматы*: Атамұра. 2005. 192 с.
- Нещадим М., Самойлов К. *Формирование творческого подхода К. Курокава к формообразованию. Наука и образование сегодня*. 2021. No.1(60), с.89-93.
- Нещадим М. Е., Самойлов К.И. *Характерные приемы формообразования в проектах различных периодов творчества К. Курокава. Прорыв науки*. 2022. No.5(11), с.70-80.
- Протокол № 3 заседания правительственной комиссии по проведению международного конкурса на эскиз-идею генерального плана развития нового центра города Акмолы*. В: Столицы Казахстана: Сборник документов и материалов. Астана. 2008. No.135. С.183 – 185.
- Редькин Г. *Улица имени Кисе Курокава*. Дата публикаций: 15.02. 2013. URL: <https://avestnik.kz/ulitsa-imeni-kise-kurokava/?ysclid=mrurn584qr51017094> (Дата обращения: 20.07. 2026)
- Табыс Т., Мауленова Г., Самойлов К. *Архитектурные особенности административного центра Астаны: региональный анализ. Наука и образование сегодня*. 2023. No.3(77), с.36-40.

- Тюрин С., Назаров Ю., Корнилова А. *Формирование художественно-коммуникационной среды города Астаны в контексте реализации градостроительного проекта Кисё Курокавы. Academia. Архитектура и строительство.* 2018. No.3, с.100-106.
- Участники международного конкурса на эскиз-идею генерального плана нового центра города Акмолы / *Столицы Казахстана: Сборник документов и материалов.* Астана, 2008. No.126. С.164-172.

References

- Alpyspayeva G.A. *Astana v novoe i noveishee vremia.* Astana. 2008. 276 p. (in Russian).
- Alpyspayeva G.A., Sayakhimova Sh.N., Tuksaitova R.O. *Kulturnoe prostranstvo Akmoly, Tselinograda, Astany: istoriia stanovleniia i razvitiia.* Edited by G.A. Alpyspayeva. Astana: S. Seifullin "KATU" JSC. 206 p. (in Russian)
- Arkhitektura i stroitelstvo Kazakhstana: A Photo Book.* Almaty: "Zolotaya Kniga" Editorial Office. 2004. 488 p. (in Russian).
- Badlueva V. *Filosofiiia simbioza Kise Kurokavy. Bulletin of Tomsk State University.* 2009. No. 329, pp. 61–64. (in Russian)
- Blagovidova N., Ivanova O. *Semanticheskii aspekt formirovaniia identichnosti arkhitekturno-prostranstvennoi sredy novykh gorodov-stolits. Part 2: Continuity and Identity. Academia. Architecture and Construction.* 2024, No. 1, pp. 147–158. (in Russian).
- Dadyrova A.A., Mukhtarova G.S., Omarova Zh.N. *Ontologiiia stolitsy Kazakhstana: kvintessentsiia traditsii i sovremennosti. Balandin Readings.* 2020, Vol. 15, pp. 314–322. (in Russian)
- Dirksen L. *Kharakter vzaimodeistviia ekologii kultury i ekologicheskogo soznaniia v deiatelnosti budushchikh dizainerov. International Journal of Applied and Fundamental Research.* 2016, No. 7-3, pp. 469–474. (in Russian)
- Dosmagambetov B. *Zvezda Astany na nebosklone mirovykh stolits. (V sootvetstvii s gradostroitelnyimi i arkhitekturnymi standartami XXI veka). Bulletin: Zodchiy. 21st Century.* 2011, No. 4(41), pp. 16–27. (in Russian)
- Zakirova Yu., Khakimova T. *Vliianie futurologicheskikh kontseptsii na gradostroitelnoe planirovanie XX-XXI vv. News of the Kazan State University of Architecture and Engineering.* 2018. No. 1(43), pp. 112–119. (in Russian)
- Ivanova O.A. *Osobennosti formirovaniia arkhitekturnogo obraza Astany - novoi stolitsy Kazakhstana. Bulletin of the V.G. Shukhov Belgorod State Technological University.* 2017. No. 2, pp. 97–105. (in Russian)
- Ilyasova K.M., Bagdatova S.A. *Astana – novaia stolitsa: Supplementary Study Астана: Guide. Astana: "Tipografiya Stimul".* 2017. 340 p. (in Russian).
- Ippolitov S. *Promyshlennyi dizain i arkhitektura Respubliki Kazakhstan: natsionalizatsiia vizualnoi sredy. Artistic Heritage: Research, Restoration, Preservation.* 2023. No. 2(6), pp. 43–56. (in Russian).
- Kravchenko V., Pershina I. *The Architectural Metabolism of Kisho Kurokawa. In: The Future of Science – 2013: Proceedings of the International Youth Scientific Conference. Kursk, April 23–25, 2013. Executive: Gorokhov. Vol.2. Kursk: "Universitetskaya Kniga" CJSC.* 2013. Pp. 149–151. (in Russian)
- Mataibekov Sh. *Arkhitektura Astany: poisk, idei, napravleniia razvitiia v XXI veke. Architecture. Construction. Design.* 2006. No.1(42), pp. 16–23.
- Muldagalieva A., Mamedov S., Musabaev T., Barakbaev A. *Osnovnye problemy gradostroitel'nogo planirovaniia goroda Astany (v kontekste general'nogo plana K.Kurokavy). Bulletin of L.N. Gumilyov*

Eurasian National University. Series: Technical Sciences and Technologies. 2024. No. 4(149), pp. 215–230. (in Russian)

Nazarbayev N.A. *V serdtse Evrazii*. Almaty: Atamura. 2005. 192 p. (in Russian)

Neshchadim M., Samoylov K. Formation of K. Kurokawa's creative approach to form-making. *Science and Education Today*. 2021. No.1(60), pp. 89–93. (in Russian).

Neshchadim M.E., Samoylov K.I. Characteristic form-making techniques in K. Kurokawa's projects from various periods of his career. *Prosperity of Science*. 2022. No. 5(11), pp. 70–80. (in Russian).

Protokol №3 zasedaniia pravitelstvennoi komissii po provedeniiu mezhdunarodnogo konkursa na ekiz-ideiu generalnogo plana razvitiia novogo tsentra goroda Akmoly. In: *Capitals of Kazakhstan Collection of Documents and Materials*. Astana. 2008. No. 135. Pp. 183–185. (in Russian).

Redkin G. Ulitsa imeni Kise Kurokava. Publication date: February 15, 2013. URL: <https://avestnik.kz/ulitsa-imeni-kise-kurokava/?ysclid=mruvn584qr51017094>. (in Russian)

Tabys T., Maulenova G., Samoylov K. Arkhitekturnye osobennosti administrativnogo tsentra Astany: regionalnyi Astany: regionalnyi analiz. *Science and Education Today*. 2023. No. 3(77), pp. 36–40. (in Russian).

Tyurin S., Nazarov Yu., Kornilova A. Formirovanie khudozhestvenno-kommunikatsionnoi sredy goroda Astany v kontekste realizatsii gradostroitel'nogo proekta Kise Kurokavy. *Academia. Architecture and Construction*. 2018. No. 3, pp. 100–106. (in Russian).

Uchastniki mezhdunarodnogo konkursa na eskiz-ideiu generalnogo plana novogo tsentra goroda Akmoly. In: *The Capital of Kazakhstan: Collection of Documents and Materials*. Astana, 2008. No. 126. Pp. 164–172. (in Russian)

Information about the author

Kuanysht G. Akanov – PhD, academic secretary at the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management “Research Institute for Jochi Ulus Studies” of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, 15B A. Pushkin Street, 010000, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0002-5169-1388>, gazizuly85@mail.ru

Автор туралы мәлімет

Қуаныш Ғазизұлы Ақанов – PhD, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК ғылыми хатшысы, А. Пушкин көшесі, 15Б, 010000, Астана, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0002-5169-1388>, gazizuly85@mail.ru

Сведения об авторах

Куаныш Газизович Аканов – ученый секретарь РГП на ПХВ «Научный институт изучения Улуса Джучи» КН МНВО РК, А. Пушкина, 15Б, 010000, Астана, Казахстан, Научный институт изучения Улуса Джучи, ул. Туркестан, 2, Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0002-5169-1388>, gazizuly85@mail.ru

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / **Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / **Раскрытие информации о конфликте интересов.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 11.04.2025

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 11.05.2025

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.06.2025

Research Article

МРПТИ / IRSTI 03.20.00

<https://doi.org/>

Historical consciousness of the population of Kazakhstan (based on an expert survey of 2021)

N. Lapin✉*Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Kazakhstan*

✉lapin.79@mail.ru

Abstract. The article presents the results of sociological research conducted within the framework of the project “Development of scientifically grounded concept of formation of modern historical science of Kazakhstan”. One hundred Kazakhstani experts-historians specializing in various aspects of the development of domestic historical science were surveyed by means of in-depth interviews and questionnaire methods. Historiographical analysis of works of Kazakhstani and foreign scientists determined that conducting sociological surveys in Kazakhstan in the field of history is a very rare phenomenon. They were mainly related to the study of the state of historical consciousness. The conducted survey addressed the problem of formation and the state of historical memory of modern Kazakhstanis, as it was assessed by the experts themselves. The issues studied included attitude and interest in history, the level of historical literacy, and many others. An important issue was the opinion of experts on the demand of the scientific community to create a new concept of historical consciousness to replace the one that was adopted in the mid-1990s. Another significant part of this study was to identify the most effective, in the opinion of experts, tools for the formation of historical memory: cinema, books, mass media, school, etc., as well as to assess their role and degree of influence. A survey conducted among Kazakhstani experts–professional historians–allowed us to draw a number of conclusions regarding the content, nature, and prospects for the formation, development, and current level of historical consciousness among Kazakhstanis during the survey period. Despite some differences in assessments, the experts surveyed were fairly unanimous in their conclusions about the citizens of Kazakhstan's sustained and regular interest in the country's history. However, despite the demonstrated interest in history, they consider its level to be insufficiently high. A factor that may at least partially explain this result is the state's insufficient or ineffective efforts to foster historical consciousness among citizens. Therefore, they noted the need for consolidated efforts by both professional historians and government agencies to raise public interest in history in general and improve historical literacy in particular. Another important result of the survey was the need, voiced by the majority of experts, to revise and update the “Concept of Historical Consciousness” in line with current realities. However, as the survey results show, many experts were unable to clearly articulate which points in the current Concept should be excluded or amended, limiting themselves to simply stating the need for changes. Furthermore, the survey revealed that professional historians believe that information and communication tools (mass media, internet) remain the most effective tools for influencing the formation of historical consciousness in modern Kazakhstan, and that communicating historical information through cinema is also effective. The results of the study laid a certain foundation for further work on the study of both the historical consciousness of Kazakhstanis and historical science as a whole.

Keywords: historical memory; historical consciousness; history of Kazakhstan; questionnaires; interview; national idea; national code

For citation: Lapin N. Historical consciousness of the population of Kazakhstan (based on an expert survey of 2021). *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.6, no.2, pp.38-50. <https://doi.org/>

Қазақстан халқының тарихи санасы (2021 ж. сарапшылық сауалнама материалдары бойынша)

А. Жанбосинова

Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Маңдатыла. Мақалада «Қазақстанның заманауи тарихи ғылымын қалыптастырудың ғылыми негізделген тұжырымдамасын әзірлеу» жобасын іске асыру шеңберінде жүргізілген әлеуметтік зерттеулердің нәтижелері ұсынылған. Тереңдетілген сұхбат және сауалнама алу әдістері арқылы, отандық тарих ғылымын дамытудың әртүрлі аспектілері бойынша маманданған қазақстандық жүз сарапшы-тарихшыдан жауап алынған. Қазақстандық және шетелдік ғалымдардың жұмыстарына жасалған тарихнамалық талдау, Қазақстанда тарих саласына әлеуметтік сауалнама өтесірек жүргізілгенін көрсетті. Олар негізінен, тарихи сана сұрақтарының жай-күйін зерттеумен байланысты болыпты. Жүргізілген сауалнама қазіргі заманғы қазақстандықтардың тарихи жадының жағдайы мен оны қалыптастыру мәселелеріне қатысты болды, сарапшылардың өздері осылай деп бағалады. Зерттелген сұрақтардың ішінде мыналар бар: тарихқа көзқарасы және қызығушылығы, тарихи сауаттылық деңгейі және тағы басқалар. Маңызды сұрақтардың ішінде, 1990 жылдардың ортасында қабылданғанның орнына, жаңадан тарихи сана тұжырымдамасын құруға деген ғылыми қоғамдастық қойған сауалдың қажеттілігі туралы сарапшылардың пікірі болды. Сарапшылардың пікірінше, аталған зерттеудің маңызды бөлігінің бірі кино, кітаптар, БАҚ, мектеп және т.б. сияқты тарихи сананы қалыптастырудың барынша пәрменді құралдарын және олардың рөлі мен адамға ықпал ету дәрежесін анықтау еді. Қазақстандық сарапшылар – кәсіби тарихшылар - арасында жүргізілген сауалнама бізге сауалнама кезеңінде қазақстандықтар арасындағы тарихи сананың қалыптасуының, дамуының және қазіргі деңгейінің мазмұны, сипаты және болашағы туралы бірқатар қорытындылар жасауға мүмкіндік берді. Бағалаудағы кейбір айырмашылықтарға қарамастан, сауалнамаға қатысқан сарапшылар Қазақстан азаматтарының ел тарихына деген тұрақты және тұрақты қызығушылығы туралы қорытындыларында бірауыздан болды. Дегенмен, тарихқа деген қызығушылықтың көрсетілгеніне қарамастан, олар оның деңгейін жеткіліксіз жоғары деп санайды. Бұл нәтижені кем дегенде ішінара түсіндіретін фактор - мемлекеттің азаматтар арасында тарихи сананы қалыптастыруға бағытталған жеткіліксіз немесе тиімсіз күш-жігері. Сондықтан олар кәсіби тарихшылардың да, мемлекеттік органдардың да жалпы тарихқа деген қоғамдық қызығушылықты арттыру және тарихи сауаттылықты жақсарту үшін біріктірілген күш-жігер жұмсау қажеттілігін атап өтті. Сауалнаманың тағы бір маңызды нәтижесі - сарапшылардың көпшілігінің қазіргі шындыққа сәйкес «Тарихи сана тұжырымдамасын» қайта қарау және жаңарту қажеттілігі. Дегенмен, сауалнама нәтижелері көрсеткендей, көптеген сарапшылар қазіргі Тұжырымдамадағы қай тармақтарды алып тастау немесе түзету керектігін нақты айта алмады, тек өзгерістер енгізу қажеттілігін айтумен шектелді. Сонымен қатар, сауалнама кәсіби тарихшылардың ақпараттық және коммуникациялық құралдар (БАҚ, интернет) қазіргі Қазақстанда тарихи сананың қалыптасуына әсер етудің ең тиімді құралы болып қала береді деп санайтынын және тарихи ақпаратты кино арқылы жеткізу де тиімді екенін көрсетті.

Зерттеу нәтижелері қазақстандықтардың тарихи санасын ғана емес, сонымен бірге жалпы алғанда, тарихи ғылымды зерттеу жөніндегі жұмыстарды одан әрі жүргізуге нақты негіздеме болды.

Түйін сөздер: тарихи жады; тарихи сана; Қазақстан тарихы; сауалнама; сұхбат; ұлттық идея; ұлттық код

Сілтеме жасау үшін: Лапин Н. Қазақстан халқының тарихи санасы (2021 ж. сарапшылық сауалнама материалдары бойынша). *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.6, no.2, pp.38-50. <https://doi.org>

Историческое сознание населения Казахстана (по материалам экспертного опроса 2021 г.)

Н. Лапин

Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования проведенного в рамках реализации проекта «Разработка научно обоснованной концепции формирования современной исторической науки Казахстана». Посредством методов глубинного интервью и анкетирования было опрошено сто казахстанских экспертов-историков, специализирующихся по различным аспектам развития отечественной исторической науки. Историографический анализ работ казахстанских и зарубежных ученых определил, что проведение социологических опросов в Казахстане в области истории являются весьма редким явлением. В основном они были связаны с изучением вопросов развития исторического сознания. Проведенный опрос касался проблемы формирования и состояние исторической памяти современных казахстанцев, так как это оценивали сами эксперты. В числе исследуемых вопросов были: отношение и интерес к истории, уровень исторической грамотности и многие другие. Важным вопросом являлось мнение экспертов о востребованности запроса научного сообщества на создание новой концепции исторического сознания на смену той, что была принята еще в середине 1990-х годов. Еще одной значимой частью данного исследования являлось выявление наиболее действенных, по мнению экспертов, инструментов формирования исторической памяти: кино, книги, СМИ, школа и др., а также оценка их роли и степени влияния. Поведенный среди казахстанских экспертов – профессиональных историков опрос позволил предложить ряд выводов относительно содержания, характера и перспектив формирования, развития и современного уровня исторического сознания казахстанцев на период проведения опроса. Несмотря на отдельные отличия в оценках опрошенные эксперты довольно однозначно делают заключение об устойчивом и регулярном интересе граждан Казахстана к истории страны. При этом эксперты заключают что несмотря на проявляемый интерес к истории его уровень они оценивают как недостаточно невысокий. В качестве причины, которая может объяснить хотя бы отчасти данный результат, являются недостаточные или малоэффективные усилия государства по формированию исторического сознания граждан. В связи с этим были отмечена необходимость консолидированных усилий как профессиональных историков, так и государственных структур для поднятия уровня интереса населения к истории в целом, так и повышения исторической грамотности в частности. Другим важным результатом опроса стало озвученная большинством опрошенных экспертов необходимость переработки и

обновления в соответствии с сегодняшними реалиями «Концепции исторического сознания». Однако как показывают результаты опроса многие эксперты фактически не смогли ясно сформулировать какие пункты действующей Концепции необходимо исключить или изменить, ограничившись просто необходимостью изменений. Кроме того, опрос показал, что по мнению профессиональных историков наиболее действенным инструментом воздействия на формирование исторического сознания в условиях современного Казахстана остаются средства информационного и коммуникационного воздействия (СМИ, интернет), а также эффективным является донесение исторической информации посредством кинематографа. Результаты исследования заложили определенную основу для проведения дальнейших работ по изучению как собственно исторического сознания казахстанцев, так и исторической науки в целом

Ключевые слова: историческая память; историческое сознание; история Казахстана; анкетирование; интервью; национальная идея; национальный код

Introduction

One of the key aspects of the successful, modern development of a state and society is the ongoing process of modernization – not only in the economic, political, and cultural spheres. Equally important is the process of changing public consciousness, which enables the population to adapt to current events while also laying the groundwork for further development.

One form of public consciousness is historical consciousness, which is also subject to change and modernization and thus influences public consciousness as a whole.

All of this accounts for the ongoing interest in and relevance of researching various aspects of citizens' historical consciousness. This is particularly relevant in modern Kazakhstan, where modernization processes have significantly intensified, and politicians and experts are even speaking of the creation of a "New Kazakhstan" – a goal that is impossible without changes in citizens' public consciousness.

However, studying a phenomenon such as historical consciousness without conducting sociological research is extremely difficult. As a review of studies conducted in the context of examining the historical consciousness of Kazakhstan's citizens shows, such research is carried out rather rarely and is irregular in nature. The lack of a significant body of sociological findings noticeably hinders the scientific analysis of the phenomenon of historical consciousness among the population of Kazakhstan.

These factors, in turn, highlight the need to collect and introduce new data into the scientific community – a goal that this article partially fulfills.

Materials and Methods

As part of the research project "Development of a Scientifically Grounded Concept for the Formation of Modern Historical Science in Kazakhstan," a working group that included the authors carried out a sociological research program aimed at identifying expert opinions on the current state and future prospects of historical science in Kazakhstan. One of the study's objectives was to "analyze expert opinions on the formation of historical consciousness among the country's population and on the need to develop a new concept for it."

In-depth interviews with experts served as the primary method for collecting sociological data. The expert interviews were conducted between July and October 2021 using a combination of methods, including both in-person meetings between the interviewer and the expert and online communication (via Zoom, etc.). In addition to the interviews, a survey of experts was conducted.

Given the specific nature of the problem at hand, the experts were citizens of the Republic of Kazakhstan over the age of 18 who had earned a degree (Doctor of Sciences, Candidate of Sciences, or PhD) in the field of historical sciences, or historians who, although lacking a degree, had published works on historical topics in academic journals included in the Scopus and/or Web of Science databases. In accordance with the requirements of the project, the sample size was set at 100 experts.

Literature Review

Research on historical consciousness has seen significant development in global and national academia – in philosophy, history, sociology, and political science.

Among the scholars who have addressed the issue of historical consciousness over the years, the following deserve mention: M.A. Barg, I.D. Kovalchenko, O.A. Medushevskaya, Yu.A. Levada, Zh.T. Toshchenko, O.I. Sgibneva, M.K. Gorshkov, N.M. Davydov, and L.I. Zuev. Also worth noting are the English-speaking scholars Jörn Rüsen, Peter C. Seixas, Jiri Subrt, Zheng Wang, Sirkka Ahonen, and Andrew Glencross. Historiography already includes overviews of the emergence and development of the concepts of “historical consciousness” and “historical memory” in scholarship, as well as classifications of historiographical approaches to this issue, as found in the works of M.A. Barg (Barg 1982: 61–69), L.P. Repina (Repina 2003; Repina: 191–201), B.M. Satershinov (Satershinov 2011: 34), and D.S. Zhukov (Zhukov 2013: 6–16).

Among Kazakhstani scholars, the following have addressed the issue of historical consciousness: B.M. Satershinov, A.N. Nysanbayev, K.N. Burkhanov, E.A. Abil, S.F. Mazhitov, A.N. Kashkimbayev, E.S. Omarov, and others. A historiographical analysis of the works of Kazakhstani scholars was previously conducted by N.S. Lapin (Lapin 2017: 33–58).

In Kazakhstan, conducting sociological surveys related to history is not a common practice. Over the past 30 years of modern history, the total number of studies barely exceeds ten, and most of them addressed only specific issues, often only indirectly related to the study of historical consciousness. Among them are the works of: E.S. Omarova, I.V. Zadorina, S.V. Barinova, D.G. Zaitseva, G. Ileuva, A.P. Konovalova, and others (Lapin 2017: 169–187).

In Kazakhstan, specialized sociological studies of historical consciousness are conducted extremely rarely. G. Ileuova, one of Kazakhstan’s leading sociologists, described the state of the database on the historical consciousness of Kazakhstani citizens, noting that “sociological research on historical topics [in Kazakhstan] is not very widespread, and in recent years we have not had the opportunity to conduct such studies” (Ileuova 2015).

All this underscores the importance of conducting sociological research focused on various aspects related to history, one example of which is the study carried out as part of the project “Development of a Scientifically Grounded Concept for the Formation of Modern Historical Science in Kazakhstan.” Its implementation marked a practical step toward studying not only the level and nature of historical consciousness among Kazakhstani citizens but also the further course of the modernization of national history.

Results

Below, we will present the specific findings obtained by our working group during the sociological study conducted in 2021; in particular, we will highlight those findings that are directly related to the development of historical consciousness among the citizens of Kazakhstan.

Regarding interest in history, we note that most of the experts surveyed expressed the belief that the population of Kazakhstan is interested in studying history. The combined percentage of responses for “High interest” and “There is interest, but it is not high” reached a staggering 97%. However, if we break down these results by individual responses to each question, we see a significant distinction. Only 30% of experts were certain that the level of interest in studying history is high, while the remaining experts (67%) selected a response that clearly indicates that interest exists but is not high.

Responses regarding the public’s interest in studying history vary significantly depending on age group (Table 1). Older experts are more likely to report that the public has a high level of interest in studying history, while middle-aged experts find that such interest is low.

Table 1

*“How would you assess the level of public interest in studying history?”,
broken down by the experts' age, in %*

	On average, based on the sample	Ages 30-45	Ages 46-60	Ages 61 and older
High interest	30,0	16,7	34,2	37,5
There is some interest, but not a lot	67,0	80,0	63,2	59,4
No interest at all	1,0	0,0	2,6	0,0

The prevailing view among experts, as revealed during in-depth expert interviews, is that there is a high demand for historical information among the population of Kazakhstan, coupled with a comparatively low level of historical knowledge. Apparently, this high demand for historical knowledge stems from the population’s lack of a comprehensive system of historical knowledge, which prevents them from finding answers to all the questions arising in the modern world regarding their people’s past.

While the experts agreed regarding the public’s demand for historical information, their opinions diverged when it came to assessing the level of historical literacy. The expert opinions received regarding the level of historical knowledge can be broadly divided into three groups: high, medium, and low.

Experts whose assessments fall into the first group (high level of historical knowledge) rate the level of historical literacy among Kazakhstani citizens highly, emphasizing the significant role and contribution of several government programs in this regard, as well as the high level of interest among citizens in studying the history of their ancestors.

Among the opinions expressed by experts in this group were, for example, the following responses: “The level of historical literacy is high. After all, a tremendous amount of work has

been done to foster historical awareness. State programs on national history have been adopted and implemented. Kazakhs are well-versed in their country's history. The history of Kazakhstan is taught in schools and universities." Another expert expressed confidence that "Kazakhstani citizens take an active interest in history. They read a lot and know the history of their ancestors and their country." The experts note interest not only among the older generation but also among young people: "There is a high demand [for history]. Even in elementary school, children know about their ancestors. History is simply essential for everyone. I see interest among the older generation, those in their 40s and 50s. Young people are keenly interested in history and want to learn about it".

Some experts describe the population's level of historical knowledge as average. They believe that the public's interest in history is generally spontaneous, and systematic knowledge is lacking. For example, one expert described it this way: "There is a demand [for history], but it is more spontaneous than conscious. Everyone wants to know their family history going back seven generations, but there are a lack of systematic knowledge and a systematic approach."

Experts cite the flawed Unified National Test (UNT) system as one of the reasons for the fragmented nature of historical knowledge among today's youth; according to those surveyed, education is primarily geared toward passing this test.

For example, one expert had this to say about the ENT: "The problem here lies not in the curriculum but in the UNT. If the questions on the UBT and the topics covered in the curriculum do not align with one another, then what is the point? Either the UNT questions should be based directly on the curriculum, or the textbooks should be written to align with it." Another expert also highlighted the negative impact of the UBT on the development of solid historical knowledge: "The younger generation knows it [i.e., history] better, but not well enough—their knowledge is superficial—because school instruction is geared toward passing the Unified National Test, which is administered in a test format. This results in a fragmented understanding based on isolated figures and facts."

Experts cite another reason for the public's lack of systematic knowledge of history: the public's preference for unverified sources of historical information, primarily obtained from the internet and social media. According to experts, "the public draws information mainly from the internet, where there is a flood of information that does not correspond to historical truth."

Some of the experts' responses were classified into the third group, which characterizes the level of historical knowledge as low. The experts in this group are convinced that the citizens of Kazakhstan have a rather weak level of historical knowledge. Usually, according to the experts, this trend aligns with global patterns. For example, one response reads: "Kazakhstani citizens know their country's history quite poorly. I don't think they differ much in this regard from Russians, Americans, Filipinos, or Indians. This is a general trend for everyone." Another response highlights the link between the general population's historical knowledge and low educational attainment: "The level of historical literacy among the average, ordinary population of Kazakhstan is very low. Their narrow outlook prevents them from appreciating our rather rich history".

Experts in this group attribute the low level of historical knowledge to the age of the population. This stems from the practice of teaching history in Kazakhstan's educational institutions during the Soviet period and in the years following independence. Thus, the experts believe that "there is a generation that did not study the history of Kazakhstan in schools or

universities. Their knowledge is piecemeal and fragmented, and at times they harbor a latent resistance to the need-to-know history." At the same time, "people over the age of 40 know almost nothing about history because, as far as I know, the history of Kazakhstan was not taught at all during the Soviet era. Thus, a huge segment of the population is completely unaware of the history of Kazakhstan."

One of the key questions posed to the experts concerned the need to develop a new concept of historical consciousness.

In assessing the need to develop a new concept of historical consciousness, the experts' opinions were divided into two groups.

The experts in the first group believe that there is now an urgent need for a new concept of historical consciousness, based on which all other materials (textbooks, media programs, film themes, etc.) will be developed. For example, one expert responded to a question about the need to develop a new concept as follows: "A new concept of historical consciousness is essential. Therefore, we must first develop the concept itself. Then, based on that concept, we must develop and prepare new textbooks, publish new historical literature, create programs for children on the internet and on YouTube, produce films, and so on."

Another expert also confirms the need to develop a new concept, noting the significant amount of time that has passed since the adoption of the previous concept of historical consciousness (Kontseptsii ... 1995), which was adopted at the very beginning of independence: "It is necessary to comprehensively examine and address all aspects. According to M. Kozybaev, the first concept of independent Kazakhstan from 1995 raised many issues. A lot of time has passed since then, so it is a very important document for historians today. For these historians, it should be like the Constitution".

Experts note the potential unifying role of the new concept of historical consciousness, which will contribute to the process of nation-building: "A new concept is necessary. We need to develop a national idea for the Republic of Kazakhstan that would unite the more than one hundred ethnic groups of Kazakhstan into a single entity. As historians, we must unite all ethnic groups into a single nation, which will subsequently provide a major impetus for the development of Kazakhstan as a whole." At the same time, as we can see from this excerpt, the expert effectively equates the concept with the national idea, thereby implying a special role for history in the national consolidation of Kazakhstan's population.

A second, smaller group of experts tends to take the view that creating a new concept is unnecessary. More precisely, they believe it is unnecessary to deliberately influence the process of shaping public consciousness; this process should follow its own evolutionary course.

One expert from this group believes: "I don't think we need a new concept of historical consciousness, because that would imply artificially creating historical consciousness. It cannot be created artificially. The state should provide the conditions for historical research and the study of history; then we need collaboration among various historians in conjunction with television. But to create a concept of historical consciousness, in my opinion, is fundamentally impossible." The experts believe that a concept of historical consciousness cannot be created; "everything must develop naturally through the education of the younger generation, as part of the normal teaching of history in schools and universities."

An important aspect of the formation of historical consciousness is the tools through which this consciousness is shaped and developed.

According to survey data, experts identified historical films (49%), history textbooks, and popular science television programs (39% each) as the top three most effective tools for shaping the historical consciousness of the population.

Experts also attributed a significant role in this process to government policy—including the adoption of various programs, laws, and the like (36%)—the work of professional historians (34%), school education (33%), and social media (29%). Family upbringing (13%), the media (6%), and NGOs (1%) were cited as less effective tools for shaping historical consciousness.

It is worth noting the role of the media. When, during in-depth interviews, experts were asked to assess in more detail the role of such important tools for shaping the population's historical consciousness as information technology, the media, and historical films, the experts agreed that the role of the media and information technology in this process is significant. At the same time, it was noted that the extent of this source's positive influence on the public depends largely on the professional qualities of the journalists presenting the information. Otherwise, society experiences a "backfire," where citizens are presented with fragmented, unverified, and often pseudoscientific facts instead of a coherent system of historical consciousness. Furthermore, the experts point out that the media, after all, have their own goals and objectives.

One expert notes that "the role of information technology and the media is quite significant here. But the problem is that journalists' incompetence leads to pseudo-historical conclusions, which mislead the public." Another expert also highlights the significant role of the media: "The role of mass media outlets, information technologies, and today's social media platforms is extremely important. Through these social media platforms and by utilizing various information technologies via mass media outlets, we can help foster a new generation's historical literacy."

Experts emphasize the importance of professionalism among those who disseminate historical information: "The media plays a significant role in enhancing historical literacy, and this role largely depends on the professional ethics of journalists, bloggers, and others. Their work must be systematic, rather than fragmented and ad hoc; only then will their contribution to the development of historical consciousness in society be beneficial".

At the same time, the experts interviewed emphasize that when creating historical content, it is not only the professionalism of journalists that matters, but also their close collaboration with scholars: "The media should convey objective scientific knowledge, be closer to academia, and seek assistance and advice from professional historians." In their interviews, the historians surveyed provide specific examples of their own and their colleagues' collaboration with various media outlets, which, through information technology, helps shape the historical consciousness of citizens: "Staff members of our Institute have begun to appear frequently in the media, on radio programs on 'Shalkar' and 'Kazakhstan,' and on television. This helps to improve the historical literacy of the population".

Experts note that today, when shaping the historical consciousness of citizens—especially young people—and enhancing their historical literacy, it is necessary to focus on modern electronic media, social networks, and new information platforms, which have become particularly popular among the country's youth, surpassing traditional media (television, radio, and print media) in significance. As one expert notes: "Today, the role of the media is very important. This is especially true for digital media; young people now mainly use tablets, phones, and smartphones. They get all their information from the internet. They don't watch TV news." Another expert also commented on the relevance and effectiveness of internet resources: "Information technologies

and mass media play a significant role in enhancing the public's historical literacy, and the role of the Internet is particularly significant. Ordinary people, especially young people, no longer watch TV or follow the news; they get everything from the internet. Therefore, it is advisable to encourage website owners—especially those under state control—to introduce history-related programs, such as 'History Corner,' '5 Minutes of History,' and so on".

Experts note the growing importance of information technology in fostering historical literacy among the public during the pandemic, when a significant part of people's lives (including work, study, leisure, and recreation) takes place in the virtual space: "Now, during the pandemic, the role of information technology in enhancing historical literacy among the public is undoubtedly significant."

The experts surveyed emphasize the need for more active use of the Internet, which is currently the most rapidly developing source of information; its historical content must be simple, clear, and easy to understand. In this regard, one expert believes that "the concepts and ideas promoted to shape a new historical consciousness must be quite simple to understand, standard, and easy to absorb."

Specific proposals were made in this regard: "We need to create appropriate programs and produce short videos—5, 7, or 10 minutes long—in a specific, popular format and distribute them to the public".

That said, while acknowledging the great potential of modern information technology and the Internet, experts note that the presentation of historical content lacks systematicity, consistency, and clear organization. The available historical materials do not cover all target groups (particularly children), are not tailored to specific audiences, and are methodologically weak. Experts also point out "the very low quality of organized work; there is virtually no logic or consistency in online resources. There are no methodological or scholarly materials tailored for children."

Reflecting on the role of film in shaping the public's historical consciousness, experts are convinced that its role is significant at any time; however, in the modern world—where visualization is one of the dominant trends—it is difficult to overestimate its importance.

As one expert notes: "I believe that cinema plays very important role today—through films, we come to understand our cultural visual code. We need to focus on cinema because the visualization of history is in high demand right now. Cinema is one of the ways to engage the younger generation with their own history".

Another expert, also addressing the role of cinema in shaping the historical consciousness of Kazakhstani people, emphasized its significant role: "The role [of cinema] is great, truly great. A single good film can bring about a breakthrough in historical consciousness. Its role is great. We are not yet making full use of our cinema."

While noting cinema's significant role in improving historical literacy and shaping historical consciousness, the experts believe that a broader range of topics is necessary: "The role of historical cinema is significant. There's a trend toward batyrs now; films about batyrs are being made. Yes, that's good, and it's necessary, but we also need to broaden the range of topics. Why not make a good film about Manshuk Mametova or Aliya Moldagulova?"

On the one hand, experts – while acknowledging cinema's ability to influence citizens' historical literacy – highlight film as a powerful tool for shaping public consciousness; on the other hand, they emphasize the need for a responsible approach. The experts interviewed note

that “historical cinema cannot be separated from any other genre of film. Historical films must also meet the criteria of high artistic merit, accuracy, and historical value – and, importantly, they must not be propagandistic.” As with online and television content, experts emphasize the need for scholarly oversight of the historical filmmaking process: “We must invest in historical films. But we need quality control for historical films. This requires good historical consultants and directors who understand the essence of that era’s history”.

Discussions

A distinctive feature of the study of various aspects of the formation and development of historical consciousness is that it is often disconnected from the actual data obtained through sociological methods – the very methods on which the identification and demonstration of this phenomenon’s characteristics depend.

However, even the collection of some data, in turn, faces yet another problem. In Kazakhstan, efforts to collect various types of empirical data are still insufficient and, more importantly, not conducted on a regular basis. The studies that do exist—and whose data have been incorporated into scholarly discourse—are often not always comparable with one another. That is, they often address only specific issues that may sometimes complement one another—and even then, only partially—but almost always, or very often, fail to reveal the dynamics—that is, changes in various characteristics of historical consciousness—over a significant period. The only solution is to conduct regular research.

A study conducted in 2021 contributes to the collection of new data. Some of the findings have already been published by the author and other members of the research team (Lapin et al. 2022: 259-268). That article focused primarily on expert assessments of problematic aspects of the development of historical science at the present stage (low salaries for professional historians, the low prestige of the field of history, the unsatisfactory socioeconomic status of scholars, an insufficient number of grants, etc.). Therefore, this article serves as a logical continuation of that earlier publication and explores other aspects directly related to experts’ assessments of certain characteristics of the level of historical consciousness.

Conclusions

A survey of Kazakhstani historians allows us to draw quite specific conclusions about a number of aspects of the development and level of historical consciousness among the population of Kazakhstan at the present time.

First, a key finding is that experts note the country’s citizens’ interest in history and its study. However, while this interest is evident, its level is generally assessed as low, requiring additional efforts—both from the historical community and government agencies—to develop historical consciousness and raise the level of historical literacy. This finding regarding the low level of interest in history may partly explain the ineffectiveness or limited results of the “historical policy” being implemented in the country.

Second, according to most experts, the Concept of Historical Consciousness requires updating, given the changes that have taken place since the adoption of the previous concept. At the same time, it is noteworthy that experts often merely declare the need for a new concept, yet its specific content is, in fact, rarely elaborated upon.

Third, the experts clearly identified specific factors or tools for shaping the historical consciousness of Kazakhstani citizens. At the same time, grouping these factors by social institutions of influence shows that, according to the experts, the most effective institutions are modern information and communication media, including the dissemination of historical information through film, the internet, the media, and so on.

Acknowledgements

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

References

- Barg M.A. Historical consciousness as a problem of historiography. *Voprosy istorii. – Questions of History*. 1982. No.12, pp. 61-69.
- Repina L.P. *Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)*. Preprint. M.: GU VShE. 2003. 44 p.
- Repina L.P. The Phenomenon of Memory in Modern Humanitarian Knowledge. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Scientific Notes of Kazan University. Humanities*. 2011. Vol.153, no.3, pp.191-201. (in Russian)
- Satershinov B.M. *Historical consciousness – the spiritual basis for independence*. Almaty: KR BGM GK FzhSI KBO. 2011. 291 p.
- Zhukov D.S. Collective memory: key research issues and interpretations of the phenomenon. *Ineternum*. 2013. No.1, pp.6-16.
- Lapin N.S. *President Nazarbayev and the formation of the historical consciousness of Kazakhstan*. Astana: BiKA». 2017. 296 p. (in Russian)
- Lapin N.S., Sheriyazdanov B.R., Akanov K.G. The Main Problems of Modern Historical Science (Based on Materials from Kazakhstani Experts). *Voprosy istorii. – Questions of History*. 2022. No.8(1), pp.259-268. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi11
- Ileuova G. The main historical events of Kazakhstan in the perception of the population of the country. In: *Proceedings from “Civilizational and cultural aspects of the relationship between Russia and the peoples of Central Asia in the early 20th century (to the 100th anniversary of the 1916 uprising)”*: International scientific and practical conference. Public Foundation "Center for Social and Political Studies “Strategy”. 2015. Retrieved from <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/457-osnovnye-istoricheskie-sobytiya-kazakhstana-v-voispriyatii-naseleniya-strany> (in Russian)
- The concept of the formation of historical consciousness in the Republic of Kazakhstan*. Almaty: Kazakhstan. 1995. 32 p.

Information about author

Nickolay S. Lapin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Republican State Enterprise on the Right of Economic Management “Research Institute for Jochi Ulus Studies” of the Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan,

Kazakhstan, Astana, Baikonyr District, 15B Aleksandr Pushkin Street. <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>, lapin.79@mail.ru

Авторлар туралы мәлімет

Николай Сергеевич Лапин – тарих ғылымдарының кандидаты, ассоциирленген профессор. Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты» шаруашылық жүргізу құқығындағы РМК бас ғылыми қызметкері, Қазақстан, Астана қаласы, Байқоңыр ауданы, А. Пушкин көшесі, 15Б үй. <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>, lapin.79@mail.ru

Сведения об авторах

Николай Сергеевич Лапин – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (доцент), руководитель Отдела, Научный институт изучения Улуса Джучи, 010000, ул. Пушкина, 15 Б, г. Астана, Казахстан. <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>, lapin.79@mail.ru

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / **Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / **Раскрытие информации о конфликте интересов.** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 11.03.2026

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 11.04.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.06.2026

Научная статья / Research Article

МРНТИ / IRSTI 03.20.00

<https://doi.org/>

Political repressions in Kazakhstan in the period 1905-1930 years: the problem of the Kazakh opposition

K. Nurbay✉^{ORCID}

Kazakh agrotechnical research university named after S. Seifullin, Astana, Kazakhstan

✉kairbolat.nj@gmail.com

Abstract. This article examines the activities of Kazakh political figures between 1905 and the 1930s. The subject of the study is the Kazakh political opposition and its activities both within the country and abroad. The aim is to highlight the specific characteristics and role of these Kazakh political figures as an opposition force. The study employs historical-comparative analysis, the methods of analysis and synthesis, and the scientific hypothesis method. Both during the era of the Tsarist government and after the fall of Tsarist rule, Kazakh political figures were active both at home and abroad. Particularly from 1917 onwards, Alikhan Bukeikhan, Raiymzhan Marsekov, and other figures of the Alash movement – who participated in Siberian regional congresses—carried out significant work toward establishing Kazakh autonomy. In order to protect the interests of the Kazakh people, Alash Orda established an Alash regiment while negotiating with the Provisional Siberian Government. At the same time, Kazakh political figures did not cease their activities abroad even after the dissolution of Alash Orda and the establishment of Soviet power; they continued the struggle for the revival of Kazakh statehood. For instance, the article characterizes the activities abroad of Orazmagambet Turmagambetov and Raiymzhan Marsekov following the dissolution of Alash Orda. Based on an analysis of archival and other sources, it concludes that the overseas activities of the Kazakh political opposition became an integral part of the national liberation movement during the first third of the 20th century. The author concludes that after the final establishment of Soviet power in Kazakhstan at the very end of 1919, Kazakh political figures – including both former members of the Alash Party and certain Communists – shifted to underground activities, a move prompted by the Soviet authorities' dissolution of Alash Orda and the Alash Party. These conclusions are based on classified archival documents held in the archives of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. Archival sources attest to the underground activities of a Kazakh national organization – referred to in the documents as “Alash Orda” – which established branches in other Soviet republics as well as abroad. It is concluded that this underground activity led to the organization and preparation of mass armed uprisings against Soviet rule between 1929 and 1931.

Keywords: soviet power; political repressions; Kazakhstan; national-liberation movement; political opposition; foreign countries

For citation: Nurbay K. Political repressions in Kazakhstan in the period 1905-1930 years: the problem of the Kazakh opposition. *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.6, no.2, pp.51-74. <https://doi.org/>

1905-1930 жылдар аралығындағы Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін: қазақ оппозиция мәселесі

Қ. Нұрбай

*С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу
университеті, Астана, Қазақстан*

Аңдатпа. Мақалада 1905-1930 жылдар аралығындағы қазақ саяси қайраткерлерінің ел ішіндегі және шетелдегі қызметі баяндалады. Зерттеу пәні – тақырыпта атап көрсетілгендей, мақаланың мазмұны 1905-1930 жылдар аралығындағы Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін тақырыбы аясында қазақ оппозиция өкілдерінің ел ішіндегі және шетелдегі қызметін қарастырып, талдаулар жасайды. Зерттеудің мақсаты қазақ саяси қайраткерлерінің оппозициялық күш ретінде ел ішіндегі және шетелдегі қызметтерінің ерекшеліктері мен рөлін көрсету болып табылады. Мақалада қарастырылып отырған қазақ саяси оппозиция өкілдерінің қызметін зерттеу барысында талдау мен синтез, тарихи салыстыру әдістері, сондай-ақ ғылыми болжау әдісі пайдаланылды. Қазақ саяси қайраткерлерінің ел ішіндегі, шетелдегі қызметі патша өкіметі құлағанға дейін де, құлағаннан кейін де айрықша белсенділігімен танылды. Әсіресе, 1917 жылдан бастап Әлихан Бөкейхан, Райымжан Марсеков сынды Алаш қайраткерлері Томск қаласында өткен Сібір облыстық құрылтайларға белсене қатысып, қазақ автономиясын құру жолында қыруар жұмыстар атқарды. Сондай-ақ, қазақ халқының, қазақ елінің мүддесін қорғау мақсатында Алашорда үкіметі уақытша Сібір үкіметімен келіссөздер жүргізе отырып, Алаш әскерін құрды. Сонымен бірге, Алашорда құлап, кеңес өкіметі билікке келгеннен кейін де қазақ қайраткерлері қызметін тоқтатпай, елде және шетелде жасырын ұлттық ұйымдар құрып, ұлт тәуелсіздігі жолындағы күресін жалғастырды. Мысалға үшін, мақалада Оразмағамбет Тұрмағамбетов, Райымжан Марсековтардың Алашорда үкіметі құлағаннан кейінгі уақыттағы қызметі талданады. Мұрағаттық, өзге де деректерді талдау негізінде қазақ саяси оппозиция өкілдерінің ел ішіндегі және шетелдегі қызметтері 1920-1930 жылдардың басындағы ұлт-азаттық қозғалыстың қарқынды серпін алуына үлес қосты деген қорытынды жасалынған. Қорытындылай келе, 1919 жылдың аяғында Қазақстанда кеңес өкіметі түпкілікті орнағаннан кейін қазақ саяси оппозиция өкілдері, олардың қатарында бұрынғы Алаш партиясының мүшелері де, жекелеген қазақ коммунистері де бар, Алашорда мен Алаш партиясының жойылуына байланысты жасырын сипаттағы қызметке көшті. Ондай тұжырымдар Қазақстан Республикасы, Ішкі істер Министрлігінің мұрағатында сақталған құпия мұрағаттық құжаттардың деректеріне негізделген. Мұрағаттық дерек көздері Алашорда аталған Қазақ ұлттық ұйымының шетелдегі және Кеңес Одағының өзге республикаларындағы жасырын қызметі туралы баяндайды. Сонымен бірге, 1929-1931 жылдардағы жаппай қарулы көтерілістерді қазақ саяси оппозиция өкілдерінің жетекшілігімен ұлт тәуелсіздігі жолында кеңес өкіметіне қарсы ұйымдастырылған соңғы қадам деп айтуға болады.

Түйінді сөздер: кеңес өкіметі; саяси қуғын-Сүргін; Қазақстан; ұлт-азаттық қозғалыс; саяси оппозиция; шет елдер

Политические репрессии в Казахстане в период 1905-1930 годов: проблема казахской оппозиции

К. Нурбай

*Казахский агротехнический исследовательский университет
имени С. Сейфуллина, Астана, Казахстан*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность казахских политических деятелей в период 1905-1930-х годов. Предмет исследования - казахская политическая оппозиция, ее деятельность внутри страны и за рубежом. Целью является показать особенности и роль казахских политических деятелей как оппозиционной силы внутри страны и за рубежом. При исследовании рассматриваемой в статье проблемы казахской политической оппозиции использовались такие методы исследования, как историко-сравнительный, анализа и синтеза, а также метод научной гипотезы. И в период царского правительства, и после падения царской власти казахские политические деятели вели активную деятельность как внутри страны, так и за рубежом. Особенно начиная с 1917 года Алихан Букейхан, Райымжан Марсеков и другие деятели Алаш, участвовавшие в работе сибирских областных съездов, выполняли большую работу по созданию казахской автономии. В целях защиты интересов казахского народа Алашорда, ведя переговоры с Временным Сибирским правительством, создала алашский полк. Вместе с тем, казахские политические деятели не прекращали свою деятельность за рубежом и после ликвидации Алашорды, после установления советской власти, и продолжали борьбу за возрождение казахской государственности. К примеру, в статье дается характеристика зарубежной деятельности Оразмагамбета Турмагамбетова и Райымжана Марсекова после ликвидации Алашорды. На основе анализа архивных и других источников делается вывод, что зарубежная деятельность казахской политической оппозиции стала неотъемлемой частью национально-освободительного движения в первой трети XX столетия. Выводы автора заключаются в том, что после окончательного установления советской власти в Казахстане в самом конце 1919 года, казахские политические деятели, причем как бывшие члены партии Алаш, так и отдельные коммунисты, перешли к подпольной деятельности, что было связано с ликвидацией советской властью Алашорды и партии Алаш. Такие выводы опираются на секретные архивные документы, хранящиеся в архивах МВД РК. Архивные источники свидетельствуют о подпольной деятельности Казахской национальной организации, которая в архивных документах фигурирует под названием Алашорда и которая создала свои филиалы в других республиках СССР, а также за рубежом. Делается вывод, что в результате их подпольной деятельности были организованы и подготовлены массовые вооруженные восстания против советской власти в период 1929-1931 годов.

Ключевые слова: советская власть; политические репрессии; Казахстан; национально-освободительное движение; политическая оппозиция; зарубежные страны

Для цитирования: Нурбай К. Политические репрессии в Казахстане в период 1905-1930 годов: проблема казахской оппозиции. *Journal of the National Congress of Historians*. 2026. Vol.6, no.2, pp.51-74. <https://doi.org/>

Введение

Выбор темы статьи обусловлен, прежде всего, необходимостью объективного и критического анализа источников, а также политических событий внутри страны и за рубежом, в которых были задействованы казахские политические деятели в рассматриваемый период (*в основном мы рассматриваем советский период, что связано с деятельностью казахской политической оппозиции за рубежом*). Тема статьи актуальна, так как, во-первых, недостаточно изучена роль казахских политических деятелей как оппозиционной политической силы против царской и советской власти за рубежом в исследуемый период (*под зарубежьем мы имеем в виду их деятельность как в дальнем, так и в ближнем зарубежье*). По утверждению исследователя-алашеведа М. Койгелдиева дополнительного исследования требует изучение проблемы территориального охвата национально-освободительного движения, исследователь имел в виду стремление казахских политических деятелей объединиться с соседними тюркскими народами в общей для всех борьбе за национальную независимость (Койгелдиев 2004: 193).

Во-вторых, она актуальна в плане кардинального пересмотра нашего колониального прошлого и особенно советского колониального прошлого на основе анализа новых, засекреченных ранее архивных источников в целях деколонизации казахстанского общества и общественного сознания. По мнению исследователя Б. Аягана «... казахстанская историческая наука не торопится по-новому, с новых концептуальных позиций осмыслить свое недавнее прошлое» (*советское прошлое – Қ.Ж.Н.*) (Аяган 2005: 7). Как справедливо отмечает исследователь, «... историческая наука не должна и не может быть прислужницей какой-либо власти, она призвана во все времена без прикрас и объективно рассмотреть любой факт, любой процесс (Аяган 2005: 7). Б. Аяган дает точную и справедливую оценку советской власти и отмечает, что «...большевизм вошел в русскую жизнь как в высшей степени милитаризованная сила – и что – они (*большевики – Қ.Ж.Н.*) создали полицейское государство и ...проявили особое вероломство в свержении своих противников» (Аяган 2005: 11-12). Такую же оценку советской власти дает М. Койгелдиев, который ее сущность понимает как власть, установившуюся «острием копья и лезвием айбалты» (*вольный перевод автора статьи*) (Койгелдиев 2004: 161).

Материалы и методы

В рассматриваемый нами период 1905-1930-х годов Казахстан испытал на себе все проявления и последствия колониальной политики сначала царского правительства, а затем – советского государства, советской власти. И как следствие, появилась и стала активной политической силой казахская политическая оппозиция, которая активизировалась сначала в период первой демократической революции 1905-1907 годов, затем – февральской буржуазной революции 1917 года.

Колониальная политика царской и затем советской власти не могла не отразиться и на отношениях власти и оппозиции в лице казахских политических деятелей, вынужденных скрываться за рубежом в результате преследования их карательными органами и там вести борьбу уже против советской власти. Поэтому, методологической базой исследования является единая концепция о колониальной сущности царской

России и советского государства – СССР, на основе которой раскрывается деятельность казахской политической оппозиции за рубежом (Шоқай 1998; Қозыбаев 1998; Омарбеков 2001; Қойгелдиев 2014). В частности, как писал один из лидеров национально-освободительного движения начала XX века Мустафа Шокай уже после установления советской власти в Туркестанском крае, что Туркестан, его народ, едва освободившись от колониальной зависимости царской России, оказался еще в более жестокой эксплуатации советской власти, выразив это емким и точным словосочетанием «жаңбырдан шығып, қарға ұрындық...» (*оставляем его слова в оригинале, так как при переводе на русский язык трудно будет передать точный смысл этих слов*) (Шоқай 1998: 59).

При написании статьи использовались методы исторического сравнения и критического анализа. Так, метод исторического сравнения позволяет выявить региональные особенности методов и форм борьбы казахской политической оппозиции против советской власти, их деятельности за рубежом. Большие возможности для исследования рассматриваемой нами проблемы имеют методы научного познания, применяемые в смежных науках: статистический, социально-психологический и другие (Миронов 1991).

Литературный обзор

Проблему казахской политической оппозиции, в том числе ее деятельности за рубежом рассматривали в своих трудах отечественные исследователи Т. Омарбеков, К. Нурпеисов, М. Койгелдиев, Б. Аяган, Н. Шаяхметов, Т. Журтбай, С. Ақұлы, Ж. Кыдыралина и другие, а также зарубежные исследователи А. Кара, Д. Аманжолова, В. Козодой, В. Шишкин и другие исследователи (Омарбеков 2001; Нурпеисов 1995; Қойгелдиев 1995; Қойгелдиев 2004; Қойгелдиев 2014; Қойгелдиев 2021; Аяган 2005, Шаяхметов 2001; Журтбай 2019 (а); Журтбай 2019 (b); Журтбай 2019 (с); Аккулы 2017 (а); Аккулы 2017 (b), Кыдыралина 2012; Кара 2004; Аманжолова 2009; Аманжолова 2013; Козодой 2021; Шишкин 2011). Репрессивной политике советского государства в восточном регионе Казахстана посвящена докторская диссертация А. Жанбосиновой (Жанбосинова 2010).

Исследователь Б. Аяган справедливо отмечает, что «...ключевыми моментами – являются – ...проблемы деятельности антибольшевистских сил, в частности, движения Алашорды, оппозиции и зарубежной деятельности Мустафы Шокая и его сподвижников...» (Аяган 2005: 7). «Но даже пребывание за границей отнюдь не гарантировало безопасности. Как известно, в составе НКВД функционировал специальный департамент, прямой задачей которого было убийство политических противников Сталина и вообще инакомыслящих..., скорее всего убийство видного политического деятеля из Туркестана Мустафы Шокая и многих-многих других лежит на совести сталинской охраны», – отмечает исследователь (Аяган: 16). Такое предположение исследователя обусловлено тем неопровержимым фактом, что Мустафа Шокай не принял сторону советской власти, которая предлагала ему перейти на ее сторону, хорошую должность и соответственно материальные блага (Аяган 2005: 138; Кара 2004: 161).

Исследователь-алашевед К. Нурпеисов отмечал об участии А. Ермекова в Сибирской областной Думе (Нурпейісов 1995: 139). Оказав доверие Сибирской областной Думе и сотрудничая с ней, лидеры Алаш искали пути осуществления идеи казахской автономии и стремились получить опыт в решении проблемы государственного строительства,

– отмечал исследователь (Нұрпейісов 1995: 143). Созданный на чрезвычайном общесибирском съезде в городе Томске 7-15 декабря 1917 года Сибирский областной Совет поддержал решение проходившего в одно время с ним II всеказахского съезда в городе Оренбурге о создании правительства Алашорда и принял постановление о непризнании советской власти, – отмечал далее исследователь (Нұрпейісов 1995: 143).

Исследователь указывал на аналогичные взгляды партий Алаш и Үш Жүз в вопросе поддержки Сибирской автономии как их союзников или временно вхождения в ее состав (Нұрпейісов 1995: 149-150). По мнению ученого, А. Бокейханов создание Казахской автономии в составе Сибирской автономии понимал как временную меру на пути возрождения независимого Казахского государства и как эффективный метод противостояния колониальной политике метрополии путем объединения с народами, населявшими Сибирь (Нұрпейісов 1995: 149-150). В тот период, а именно осенью 1917 года А. Бокейханов верил, что объединение с Сибирью поможет встать на ноги будущему Казахскому государству, но не выражал такого же желания по отношению к Туркестану, – утверждал исследователь (Нұрпейісов 1995: 149-150). Что интересно, – отмечал далее исследователь – лидер партии Алаш и Алашорды, не поддерживавший объединения автономии Алаш с Туркестанской автономией, говорил, что Туркестан, возможно, будет отдельной автономией и что если Алаш объединится с Туркестаном, то это будет равносильно тому, как если бы запрягли в одну телегу верблюда и осла, и куда в такой телеге мы пойдем, – задается вопросом А. Бокейханов (Нұрпейісов 1995: 150). Аналогичное мнение в своем капитальном труде, посвященном жизни и деятельности А. Бокейханова, высказывает и российский исследователь В. Козодой, «...что сам А. Бокейханов был противником присоединения автономии Алаш к Туркестанской автономии» (Козодой 2021: 178). Но в то же время и узбекские политические деятели были не в восторге от А. Бокейханова, заявив соратникам последнего, «...что... кадет Бокейханов – русофил» (Козодой 2021: 178). По мнению М. Койгелдиева М. Дулатов также свидетельствовал о двух противоположных взглядах казахских политических деятелей на будущее казахской государственности и что в показаниях следователю ОГПУ в 1929 году М. Дулатов соглашался с мнением А. Бокейханова о невозможности объединения казахских областей с Туркестаном, имея в виду объединение с узбеками и другими тюркскими мусульманскими народами Средней Азии, намекая на религиозный фанатизм и культурную отсталость прежде всего узбеков (Койгелдиев 2021: 440-441).

В то же время А. Бокейханов, заинтересованный в совместных действиях с башкуртским национально-освободительным движением, в своем ответе следователю ОГПУ в 1929 году говорил, что во время встречи в городе Уфе с Ахметзаки Валиди они договорились совместно бороться со своими врагами, в том числе и с советской властью (Койгелдиев 2004: 197). Российский же исследователь В. Шишкин прибавляет к Алаш и Туркестан, отмечая, что А. Бокейханов в докладной записке Совету Министров Временного Сибирского правительства предлагал «...образовать федерацию автономий Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана» (Шишкин 2011: 117). По мнению В. Козодоя, «то, что предлагал к обсуждению А. Бокейханов с партнерами, это фактически прообраз идеи Евразийского союза, евразийства» (Козодой 2021: 219). Но здесь нельзя игнорировать и тюркский фактор, так как кроме тюркских «Алаш, Башкирии и Туркестана» Сибирь также с древних времен населяли и населяют тюркские народы и что немаловажно, истоки самого «евразийства» берут свое начало от тюрко-монгольских кочевников.

Исследователь-алашевед М. Койгелдиев, характеризуя взгляды А. Бокейханова, выражает солидарность с мнением К. Нурпеисова и отмечает, что лидер Алашорды как в период первой российской революции, так и в последующие годы призывал казахов следовать ценностям передовой западной (*следует понимать: европейской*) культуры и не поддерживал идею единого Туркестана (Койгелдиев 2004: 145). На состоявшихся в 1933 году в Казахском филиале Института марксизма дебатах С. Асфендияров поделился с коллегами воспоминанием о том, что когда в 1912 году на одной из традиционных встреч казахские, узбекские, татарские студенты города Петербурга обратились к А. Бокейханову со словами, что они желают поехать в Турцию, чтобы таким образом поддержать последнюю в Балканской войне, он ответил им, что Турцию ожидает крах и нет никакой необходимости возлагать на нее надежды, и ориентировал студентов на Запад, - продолжает свою мысль исследователь (Койгелдиев 2004: 145).

В то же самое время указанный исследователь отмечает демократические взгляды А. Бокейханова, по мнению которого, так как Россия является многонациональным государством, в котором проживают народы с разными культурами и своими национальными особенностями, то нельзя управлять ими из одного центра, это может привести к большим ошибкам, и поэтому новая власть должна признать законное право этих народов на свободу и независимость, а законы и нормы их жизнедеятельности должен определять избранный самим народом Национальный Совет (Койгелдиев 2004: 178). Как справедливо отмечает исследователь, казахские политические деятели противопоставили большевистской идее классового разделения национальное единство и солидарность, и призывали всех казахов, от аксакалов до молодежи отказаться от разногласий, споров и конфликтов, объединиться в единый кулак и защищать права и интересы своего народа (Койгелдиев 2004: 180). А. Бокейханов призывал к тому, отмечает далее исследователь, что единственный путь к свободе и независимости – это национальное единство и солидарность (Койгелдиев 2004: 180). По справедливому мнению исследователя, большевики преследовали цель образовать новую могущественную советскую империю вместо Российской царской империи, и поэтому они не были заинтересованы выполнить требование Алашорды признать национальную автономию казахов (Койгелдиев 2004: 185-186).

Как отмечает М. Койгелдиев, в одном из номеров газеты «Қазақ» находившиеся в Минске А. Бокейханов, М. Дулатов, М. Есболулы и другие казахские деятели опубликовали текст телеграммы, в которой призвали казахов к единству, поддержать новое правительство (*Временное правительство – Қ.Ж.Н.*), участвовать в выборах в Учредительное Собрание, вершить все дела справедливо, не бояться никого, кроме бога, и что их образец власти – это демократическая республика (Койгелдиев 2004: 157). Конечной целью А. Бокейханова и других представителей казахской интеллигенции было образование национального государства, – отмечает исследователь (Койгелдиев 2004: 153).

В другом своем труде исследователь приводит мнение М. Шокая, что задача казахской интеллигенции – сформировать единую нацию, и отмечает, что до сегодняшнего дня остается не востребованной проблема, о которой говорил в свое время М. Шокай – это идеологическая борьба между Россией и казахским обществом (Койгелдиев 2014: 259). Речь идет о том, что Россия освоила западные технологии «денационализации»

еще в XIX веке, и что такому методу подверглась в первую очередь национальная элита, в особенности получившая русскоязычное образование (Қойгелдиев 2014: 259). По мнению исследователя, русские чиновники не просто требовали от начавшейся формироваться казахской интеллигенции и казахских чиновников беспрекословной преданности российской власти, а еще – подтверждения этой преданности своими каждодневными делами (Қойгелдиев 2014: 259). Не подходящих этим требованиям представителей казахской интеллигенции отстраняли от службы или лишали возможности сделать карьеру (Қойгелдиев 2014: 259). В. Козодой отмечает, что «государство было заинтересовано в формировании национальной элиты, подготовке грамотных специалистов из местных, способных в дальнейшем обеспечить развитие территории» (Козодой 2021: 42).

М. Койгелдиев отмечает, что одним из первых проявление указанной «денационализации» испытал на себе казахский ученый-просветитель Ш. Уалиханов (Қойгелдиев 2014: 259). Исследователь, ссылаясь на М. Шокая замечает, что Ш. Уалиханов искал пути к процветанию казахского народа через приобщение к русской (*западной*) духовности, однако только после пройденного им самим горького жизненного опыта и разочарования в таком приобщении к русской духовности осознал, что отдаляется от своего народа и становится ему чужим (Қойгелдиев 2014: 260).

Исследователь приводит слова М. Шокая, что за полстолетнее господство царской власти в Туркестане не произошло ничего нового в плане духовного обновления, а наоборот край был отброшен на несколько десятков лет назад (Қойгелдиев 2014: 369). Но в то же время и во время советской власти не произошло ожидаемой казахскими просветителями и политическими деятелями демократизации общества, о чем мы отмечали во введении статьи на примере цитаты М. Шокая (*«жаңбырдан шығып, қарға ұрындық»*). Поэтому новая политическая элита тюркского освободительного движения осознала невозможность воплощения в жизнь идеи единого Туркестана в условиях правления советской власти (Қойгелдиев 2014: 371).

Исследователь Н. Шаяхметов, ссылаясь на статью «Любить свой народ» в журнале «Абай» отмечает, что казахи с уважением относились к образованным людям, следовали за ними, доверяли им, ждали от них знаний, хороших советов, справедливости... Образованные люди – идеал для простого народа, – отмечает исследователь (Шаяхметов 2001: 7). Исследователь отмечает, что казахские политические деятели активно сотрудничали с зарубежными правительствами, например, Р. Марсеков, А. Байтурсынов, М. Дулатов в переговорах с китайским правительством в городе Шауешек через российского консула вели переговоры об оказании помощи оружием в борьбе против большевиков, однако они не достигли своей цели (Шаяхметов 2001: 119). Ссылаясь на сотрудника военного ведомства Временного сибирского правительства Г. Катанаева, исследователь приводит его слова о том, что чтобы использовать казахов и другие тюрко-мусульманские народы России в борьбе против большевиков, указанное правительство при помощи обещаний выполнить все их требования перетянуло их на свою сторону, однако после временного падения власти большевиков казахские политические деятели перестали доверять отказавшемуся от своих обещаний Временному сибирскому правительству и стало искать иные пути создания национальной автономии (Шаяхметов 2001: 119). Вместе с тем, по мнению исследователя предоставление правительством Алашорда своим

областным Советам права в необходимых случаях самостоятельно вести переговоры с зарубежными правительствами показывает, насколько важное значение придавали деятели Алашорды вопросам дипломатии (Шаяхметов 2001: 119).

Исследователь Ж. Кыдыралина в своем труде, посвященном жизни и деятельности А. Ермакова, отмечает об избрании последнего делегатом на I общесибирский съезд в Томске – и что он – ...вошел в состав Сибирской областной Думы..., где представлял интересы малых народов» (Кыдыралина 2012: 60). Помимо А. Ермакова, ссылаясь на газету «Дело», исследователь отмечает «...об избрании делегатов от киргизского населения Семипалатинской области для участия в общесибирском съезде Букейханова, ...Габбасова и Марсекова» (Кыдыралина 2012: 60). «...А. Ермаков удостоился чести вести переговоры от имени Алашорды с разными правительствами. В 1917-1918 гг. – он – ...вел переговоры с Омским правительством Колчака», - отмечает исследователь (Кыдыралина 2012: 61). Кроме того, исследователем перечисляются имена кандидатов в члены Учредительного Собрания от партии Алаш (Кыдыралина 2012: 52).

Что касается зарубежных исследователей, большой интерес для нашего исследования представляет монографическое исследование турецкого исследователя, этнического казаха Абдуқап Қара, который на основе многочисленных источников проанализировал зарубежную деятельность Мустафы Шокая. Так как по мнению исследователя М. Шокай стал самым влиятельным оппонентом победившей советской власти в Туркестане не только в Европе, а и в мировом масштабе, и публиковался в антисоветских европейских изданиях, то это не могло пройти мимо внимания советского руководства, которое подвергло его жесткой критике как одного из яростных руководителей буржуазной либеральной интеллигенции, назвав его «националистом-шовинистом» Средней Азии (Қара 2004: 160). Так, в одной статье, опубликованной под авторством некоего Р.А. Ангамова в газете «Красный Узбекистан», отмечалось о сотрудничестве М. Шокая с европейскими эмигрантскими газетами «Последние новости» и «Дни», о пропаганде им «тупого национализма», о его службе капиталистам и даже изменении им религии и крещении по христиански (Қара 2004: 160). Такая критика М. Шокая со стороны советской власти, по мнению исследователя, убеждает в том, насколько сильно она боялась М. Шокая, и в случае беспрепятственного распространения национальных идей это, по словам Сталина могло привести даже к политическому краху коммунизма в Казахстане (Қара 2004: 160-161). После такого предупреждения Сталина партийных руководителей Казахстана еще более усилилось наступление на М. Шокая, а за представителями казахской интеллигенции независимо от того, поддерживали они независимость Туркестана или нет, закрепилось оскорбительное название «прочокаевские» (Қара 2004: 161). А. Қара отмечает далее, что советское руководство рассматривало и мирные пути прекращения деятельности оппозиционных политических сил в Европе и поэтому работавшие в Париже советские дипломаты предлагали М. Шокаю вернуться на Родину и в случае согласия – хорошую должность, однако он отказался от такого предложения (Қара 2004: 161).

О сотрудничестве казахских политических деятелей с Сибирским Временным правительством отмечает российский исследователь-алашевед Д. Аманжолова, что «7 июля делегация Семипалатинского Земства, в которую вошли Марсеков, Бердалин и Кунанбаев, была принята председателем Совета министров П.В. Вологодским – и

что – суть их ходатайства заключалась в ускорении рассмотрения правительством законопроекта о суде» (Аманжолова 2013: 275).

Как отмечалось, жизни и деятельности А. Бокейханова посвящена монография российского исследователя В. Козодоя, который на основе анализа многочисленных архивных и иных источников проследил основные этапы жизни и борьбы одного из лидеров национально-освободительного движения Алаш против царской и советской власти (Козодой 2021). В первую очередь, в книге ученого-историка перед читателем предстает образ настоящего патриота не только своего казахского народа, но и своей страны – России, которую А. Бокейханов считал своей родиной, он отвергает сепаратизм, о чем могут свидетельствовать, по утверждению исследователя, его слова, что «автономные области ...не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратистское государство» (Козодой 2021: 47, 227). «...Мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую счастливую России», – ссылаясь на А. Бокейханова отмечает исследователь (Козодой 2021: 227). Исследователь относит А. Бокейханова, как и газету «Қазақ» к «западникам» (Козодой 2021: 129, 131, 232). Им особо отмечаются такие его качества, как законопослушность, справедливость, демократичность, критичность и принципиальность взглядов (Козодой 2022: 48-49, 66). Главной мыслью исследователя является мысль о том, что А. Бокейханов был политиком государственного, всероссийского масштаба (Козодой 2021: 97, 99).

В то же время мы не можем согласиться с мнением исследователя, который ссылаясь на мнения исследователей-алашеведов К. Нурпеисова и Д. Аманжоловой утверждает, что «...в силу разных причин вместо партии (Алаш – Қ.Ж.Н.) было создано избирательное объединение, что гораздо более соответствовало политическим реалиям того периода времени» (Козодой 2021: 158-159). По его мнению, «...в партии не было особой необходимости» (Козодой 2021: 159). Исследователь делает вывод, что «...нет документальных подтверждений, что была создана именно политическая партия Алаш, несмотря на подобные пожелания» (Козодой 2021: 159). Однако исследователь не продолжает свою мысль, не завершает ее и не отвечает на вопрос, а была ли в конце концов создана партия Алаш? (Козодой 2021: 159).

Мы же считаем, что как раз наоборот, была необходимость в создании национальной партии, чтобы затем участвовать во всероссийских выборах в Учредительное Собрание и, кроме того, ведь целью А. Бокейханова и других его политических соратников было образование национальной автономной республики в составе России, а для этого необходима собственная политическая партия, которая бы участвовала в выборах и боролась за власть.

Действительно, как отмечает исследователь, на I всеказахском съезде в городе Оренбурге в июле 1917 года было принято лишь решение о создании национальной (*киргизской*) политической партии, но позднее партия под названием Алаш все-таки была создана, а ее программа была опубликована в газете «Қазақ» 21 ноября 1917 года (*Материалы 2022d: 13-15, 33-34*). О существовании партии Алаш свидетельствует важный документ, извлеченный казахскими исследователями из фонда архива КНБ РК, в котором отмечается, что «в октябре 1917 года по инициативе идеологов казахских националистов Букейханова, Дулатова, Байтурсунова и других была создана партия «Алаш», объединившая националистические и буржуазно-байские элементы в

Казахстане» (*Материалы 2022с: 340*). Кроме того, о создании и существовании партии Алаш свидетельствует тот факт, что в делегатских карточках казахских депутатов К. Сейдалина, А. Турлубаева, И. Турмухамедова (*билеты № 136, 125 и 131 соответственно*), участвовавших в работе Чрезвычайного общесибирского областного съезда в городе Томске в период с 7 по 15 декабря 1917 года (*второго по счету*), отмечается их принадлежность к партии Алаш¹. Но судя по тому, что в делегатской карточке А. Бокейханова на I Сибирском областном съезде, также проходившего в Томске с 8 по 17 октября 1917 года, указана принадлежность к партии кадетов (*Народная свобода*), как и отмечает В. Козодой (Козодой 2021: 164), а у А. Ермакова значится «беспартийный», то партия Алаш, по всей видимости, официально была создана в начале или середине ноября 1917 года и в это же время А. Бокейханов, вероятно, вышел из партии кадетов, став председателем партии Алаш (*фамилия А. Бокейханова стоит среди составителей программы партии Алаш* (*Материалы 2022d: 15*), хотя В. Козодой указывает на конец декабря 1917 года как на время его выхода из состава партии кадетов². Интересно, что современные кыргызские исследователи отмечают о партии Алаш и ее кыргызском филиале (*Материалы 2022d: 91*).

Российский исследователь В. Шишкин отмечает, что Алашорда «...в истории Казахстана ..оставила заметный след – и что – с Алашордой была связана первая попытка казахской интеллигенции добиться автономии для собственного народа...» (Шишкин 2011: 110). Прав исследователь, когда говорит, что и Алашорда и Временное Сибирское правительство «...искали союзников для решения своих задач – и что – данным обстоятельством был обусловлен их взаимный интерес друг к другу» (Шишкин 2011: 111). Исследователь отмечает, что «в конце 1917 – начале 1918 г. Алашорда и сибирские областники сделали ставку на Советы, в том числе большевистские, но насильно захватившие государственную власть большевики ...отказались принять условия Алашорды, поэтому оба правительства перешли на антисоветские позиции» (Шишкин 2011: 111, 113). Исследователь также приводит мнение адмирала А. Колчака, что «...поворот от советской ориентации в сторону правительственной власти явился не результатом искреннего сочувствия последней со стороны деятелей Алашорды делу возрождения России, а ...стремлением использовать в интересах автономии Киргизии предстоящее столкновение двух стихий» (Шишкин 2011: 113-114). На мнение исследователя можно ответить словами М. Койгелдиева, который справедливо отмечает, что казахские политические деятели с самого начала не приняли программу партии большевиков (РСДРП, впоследствии – коммунистическая партия), так как считали, что в случае победы последних не только Казахстан, но и саму Россию ожидает трагическое будущее (Койгелдиев 2004: 179).

Результаты

Как известно, представители казахской интеллигенции заняли активную политическую позицию еще в период I российской демократической революции 1905-1907 годов, и особенно депутаты I Государственной Думы, среди которых особое место занимает, несомненно, А. Бокейханов. Будучи избранным в I Государственную Думу, но не успевший поработать в ее составе в результате ее роспуска указом царя, А. Бокейханов

стал первым, кто подписал знаменитое Выборгское воззвание к царю от имени членов партии кадетов – депутатов Государственной Думы (Козодой 2021: 109, 146). Иначе говоря, А. Бокейханов с этого времени находился в политической оппозиции к царскому правительству и царю, и именно эта партия, в которой состоял А. Бокейханов, и ее лидер П. Милюков составила костяк «думской оппозиции» и последний «...2 марта 1917 года огласил список членов Временного правительства» (Козодой 2021: 110).

После свержения монархического строя в России и установления власти Временного правительства еще больше активизировались казахские деятели национально-освободительного движения, например, многолетняя активная политическая деятельность члена партии кадетов А. Бокейханова не могла не остаться незамеченной и он был назначен на должность комиссара Временного правительства по Торгайской области, по словам исследователя В. Козодоя став «...фактически главой области, сменив губернатора на этом посту» (Козодой 2021: 153).

В этот период весны-лета 1917 года особо актуальной стала идея создания национальной автономии, подтверждением чего, как известно, являются созданные Казахские комитеты, а также проведенные областные и I всеказахский съезды, на которых, особенно на последнем были приняты стратегические решения (Материалы 2022d: 16-33). По мнению В. Козодоя идея создания казахской автономии у А. Бокейханова сформировалась еще в период его участия в работе Западно-Сибирского отдела ИРГО в городе Омске и под влиянием сибирских областников и лично Г. Потанина, который был его другом и соратником, ратовавшим за обучение казахских детей на родном языке (Козодой 2021: 79, 81-82, 84).

Казахские политические деятели тесно сотрудничали с российскими политическими движениями, например, в Сибири. Так, в проходившем с 8 по 17 октября 1917 года в городе Томске I Сибирском областном съезде, целью которого было решение вопроса об автономии Сибири, участвовали А. Бокейханов (в карточке делегата съезда фамилия последнего записана им самим как Алихан Букейхан – Қ.Ж.Н.), Р. Марсеков, А. Ермаков, Е. Итбаев, Х. Габбасов, А. Сеитов³. В президиум съезда «избранными оказались: ...от Семипалатинской области – Ермаков, ...от национальностей – Букейхан...»⁴. По партийному составу делегатов съезда отмечено 2 депутата как представители киргизской (*казахской*) партии Алаш⁵. В делегатских карточках имеется ценная информация, касающаяся возраста, национальности, принадлежности к политической партии и т.д. Например, в разделе «в какой политической партии состоите или какой сочувствуете» у А. Бокейханова отмечено партия кадетов (*«Народная свобода»*), а у А. Ермакова – «беспартийный»⁶. По национальному составу из 162 делегатов съезда казахи составляли 9 человек⁷.

На съезде выступили А. Бокейханов, Р. Марсеков, например, последний на заседании съезда 11 октября 1917 года отмечал, что он, «присоединяясь к докладчикам и подчеркивая необходимость автономного устройства Сибири, высказывает пожелание, чтобы будущая Сибирская Дума представила право широкого самоуправления национальностям и племенам, населяющим Сибирь»⁸.

В стенограммах съезда отразилась активная позиция А. Бокейханова, откровенно и прямо заявившего на съезде, что киргизский (*казахский*) народ «...прошел большую школу – школу Столыпина и Плеве, – и далее он отмечал, что поэтому – теперь мы требуем,

чтобы нам дали то, что обещали, когда началась революция»⁹. Он отмечал, в частности, что «здесь нам говорят о федерации и об автономии, мы же требуем себе самоопределения, представления нам право самим решать, как нам управляться и жить, – и что – нельзя управлять страной из Петрограда»⁹. А. Бокейханов предлагал там, где говорится только о Сибири, «...прибавить ...и Степных областей, – что было принято – большинством всех при одном воздержавшемся»¹⁰. Вместе с тем он заявил, «...что киргизы присоединяются в качестве автономной единицы не к Сибири, а ко всей России»¹¹.

Казахские депутаты участвовали и в работе Чрезвычайного общесибирского областного съезда, проходившего в городе Томске после I-го Сибирского областного съезда с 7 по 15 декабря 1917 года. Как уже отмечалось, в делегатских карточках К. Сейдалина, А. Турлубаева, И. Турмухамедова отмечена их принадлежность к партии Алаш¹².

Необходимо отметить, что после своего образования Алашорда вела переписку с Сибирским Временным правительством о формировании киргизской (*казахской*) армии и объединении сил двух правительств¹³. В письме заведующего военным отделом Алашорды капитана Х. Тохтамышева от 26 июля 1918 года управляющему военным министерством отмечалось, что «...правительство Алаш-Орда решило совместно с Временным сибирским правительством бороться с большевиками и ...постановило создать свою армию»¹⁴. Причем «...было решено сформировать 4 конных корпуса и одну отдельную дивизию»¹⁴. В другом письме капитана Х. Тохтамышева военному министру Временного Сибирского правительства отмечалось, что «пунктами формирования дивизии (конной – Қ.Ж.Н.) назначены ...в Семипалатинской области – Семипалатинск, Павлодар, в Акмолинской области – Кокчетав и Акмолинск – и что – в настоящее время сформирован в городе Семипалатинск первый Алашский конный полк в составе 28 офицеров и 750 конных джигитов, который приступил к обучению»¹⁵. Также отмечалось, что «...в городе Павлодар собрано 150 джигитов, в Зайсане 200, в Каркаралинске 250 и в Усть-Каменогорске 250 – джигитов»¹⁶.

Отдельно следует отметить обидею А. Бокейханова создать Федерацию (*федеративный союз*), в которую бы вошли автономии Алаш, Туркестан, Башкуртостан и Сибирь, о чем он вел переговоры с Заки Валиди и Сибирским Временным правительством, но приход к власти А. Колчака в конце ноября 1918 года разрушил планы А. Бокейханова (Козодой 2021: 229). Хотя А. Бокейханов и его соратники продолжали надеяться на сотрудничество с А. Колчаком с целью образования казахской автономии и даже в конце августа 1919 года даровали верховному правителю России А. Колчаку «... звания почетного аксакала, – на что – ...адмирал Колчак ответил специальной благодарственной грамотой» (Козодой 2021: 235-236). И в это сложное время А. Бокейханов, у которого по мнению В. Козодоя «...не было особого доверия» к Колчаку, и его соратники вынуждены были рассматривать возможность переговоров с советской властью, с большевиками, которые правильно оценив ситуацию, приняли решение постановлением Президиума ВЦИК от 4 апреля 1919 года о созыве всеказахского (всекиргизского) съезда в городе Оренбурге, обеспечении неприкосновенности деятелей Алашорды и «...допустить бывших членов правительства Алашорда к советской работе...» (Козодой 2021: 231, 236-237).

Обсуждение

В то же самое время следует отметить, что после окончательного установления советской власти в Казахстане в самом конце 1919 года, казахские политические деятели (как члены партии Алаш, так и отдельные коммунисты) перешли к подпольной деятельности, что было связано с прекращением деятельности Алашорды и партии Алаш. Об этом свидетельствуют архивные документы архивов КНБ и МВД РК, рассекреченные по указу Президента Казахстана № 456 от 24 ноября 2020 года (Материалы 2022b: 3). В частности, архивные источники свидетельствуют о подпольной деятельности Казахской национальной организации (*Алашорда – архивных источников, далее для удобства будем использовать это слово*), создавшей свои филиалы в других республиках СССР, а также за рубежом (Материалы 2022с: 341).

Так, по сведениям общественного и религиозного деятеля (ахун), одного из первых казахских исследователей-геологов Оразмагамбета Турмагамбетова, данным им на следствии, «...уже после революции в 1919-1920 гг. в Казахстане возникла и стала активно действовать казахская националистическая контрреволюционная организация «Алаш-Орда», которая основной своей целью ставила свержение советской власти и учреждение самостоятельного казахского буржуазно-демократического государства»¹⁷.

О подпольной деятельности бывших членов партии Алаш, о их связях с Заки Валиди, находившегося в первой половине 1921 года в городе Бухаре, и Энвер пашой, «...руководившего в этот период (ноябрь 1921 г.) басмаческим движением в Средней Азии...», свидетельствуют сведения из протокола совещания руководящего состава УНКБ и НКГБ Казахской ССР (Материалы 2022с: 340, 345-346). Они сообщают, что Заки Валиди из Бухары направил специального курьера в Оренбург к А. Байтурсунову и в Ташкент к М. Дулатову с тем, чтобы они отправили к нему «...двух представителей в Среднеазиатский центр подпольной организации» (Материалы 2022с: 345). После этого сообщения Заки Валиди «...одновременно в Оренбурге и в Ташкенте были созданы два подпольных центра, из которых Оренбургский с участием Букейханова, Байтурсунова, Б. Сарсенова, Е. Омарова, Х. Болганбаева, С. Садвокасова и других считался главным центром казахской подпольной организации, а Ташкентский – в составе Дулатова, Досмухамедовых, Тынышбаева, Джаленова, Битлеуова, Беримканова, Кашкимбаева, В. Омарова и других – вспомогательным» (Материалы 2022с: 345).

Алашорда тесно сотрудничала и с иностранными государствами, в частности, с Ираном, Афганистаном, Японией, Англией. Как отмечает исследователь Г. Жданова, «конечной целью организация (*«Казах уюм» – Қ.Ж.Н.*) ставила вооруженное свержение соввласти и установление на территории Казахской АССР буржуазно-демократической республики, – и что – ...контрреволюционная организация через центр алашордынской организации была связана с закардоном - с Англией, Турцией, Японией» (Жданова 2004: 63). Как отмечает далее исследователь, возглавляемая «...директором Славгородской казахской неполной средней школы, бывшим баем Сагитовым – контрреволюционная мусульманская организация готовила – ...вооруженное свержение соввласти и установление своего националистического тюркского государства под протекторатом Японии» (Жданова 2004: 62).

В Иране (Иомудистане) проживал видный деятель национально-освободительного движения, вышеназванный О. Турмагамбетов, который тесно сотрудничал с Алашордой

и ее филилом в Туркменистане¹⁸. Интересно отметить, что среди связанных иранских казахов с туркменскими казахами были и женщины, например, «...к Утегенову Улукбеку периодически прибывала из Ирана его дочь, являющаяся женой сына Оразмагамбета Турмагамбетова»¹⁹. О. Турмагамбетов сообщал, что «...английское консульство оказывало организации идейную и материальную поддержку, – а – связь с английским консульством осуществлялась через торговца Утарбая из г. Баку и Махачкала, куда он часто выезжал под видом торговых дел»²⁰ Архивные источники отмечают об организации басмаческого движения в 1930-1931 годах «...при полной поддержке Англии»²⁰.

По показаниям одного из подследственных Зейнапкали Косумова «...им – была – установлена связь с руководителем филиала организации в Иране Оразмагамбетом Турмагамбетовым, который находился в связях с видным руководителем националистической к-р. организации Мустафой Чокаевым и по его заданиям подготавливает вооруженное восстание на территории ТССР (Туркменской ССР – Қ.Ж.Н.) в момент войны»²¹. З. Косумов отвечал на следствии, что «...получал три раза, в 1935, 1936, 1937 гг. – журналы «Яш-Туркестан» от Оразмагамбета Турмагамбетова, – ...по ознакомлении передавал их Коскулакову, который в свою очередь давал читать другим членам организации»²¹.

Помимо Туркменистана и Ирана, где подпольно действовала Алашорда, необходимо отметить о ее деятельности в Китае, которую возглавлял известный член ликвидированной большевиками партии Алаш Раимжан Марсеков, который одним из первых эмигрировал в Китай и организовал работу по вовлечению китайских казахов в национально-освободительное движение (Омарбеков 2001: 240).

Как и исследователь О. Озганбаев, исследовавший материалы следственного дела О. Турмагамбетова, хранящиеся в секретном фонде архива Комитета национальной безопасности Туркменистана, исследователь Т. Омарбеков также опирался в своих исследованиях в основном на засекреченные архивные источники, на основе которых он отмечал мельчайшие подробности в деятельности Казахского национального центра во главе с Р. Марсековым, например, конкретные имена казахов, так или иначе связанных с деятельностью указанного Центра, встречи в целях конспирации на квартирах откочевавших в Китай из соседних районов Казахской АССР казахов. К сожалению, органы ОГПУ бдительно следили и выслеживали их подпольную деятельность, что в конце концов закончилось крахом указанной организации и арестом казахов, причастных к национально-освободительному движению в Китае (Омарбеков 2001: 250).

Так, Т. Омарбеков отмечал, что по данным советского консульства в Синьцзяне Р. Марсеков в конце 1931 года приехал в китайский город Шара-Сумо и по пути остановился в ауле Қабық у местного казаха по имени Ақыш Шередин, которому поведал, что планирует совместно с алтайскими монголами совершить нападение на советскую территорию, а в начале января следующего года вслед за Р. Марсековым проследовал вооруженный трехлинейными винтовками алашский (казахский) отряд из 30 человек, который остановился в доме Хасена Қонысбаева, отряд направлялся на Алтай (Омарбеков 2001: 238).

Так как в казахской стороне у бежавших в Китай от бесчисленных налогов и усиленных мясо-хлебозаготовок казахов оставались родственники, и чтобы вернуть конфискованный в собственность колхозов свой скот, они вынуждены были совершать

набеги на советскую (*казахскую*) территорию с целью угнать отобранный у них скот (Омарбеков 2001: 244-245). В сведениях ОГПУ (*по состоянию на 14 июля 1932 г.*) из китайской пограничной заставы Бахты в Алматы называются казахские банды и имена их руководителей, среди которых названо имя Адилева Ике (Омарбеков 2001: 245; Материалы 2022а: 332). В них отмечается, что Адилев Ике «...в прошлом волуправитель..., член Алашордынской организации» (Материалы 2022а: 332).

Т. Омарбеков справедливо отмечает, что нельзя его винить за то, что он организовал набег на казахскую территорию только чтобы спасти свою семью и вернуть отобранный скот (Омарбеков 2001: 246). Такие набеги казахских отрядов с китайской стороны были полны опасности, так как нередко подвергались обстрелам пограничных советских отрядов. Например, в ноябре 1930 года китайский ухурдай (*волостной*) Мұқа Әлібеков с целью организовать откочевку казахов в Китай со своими жигитами в количестве 3-х вооруженных отрядов совершил нападение на казахскую территорию, но первые два отряда были истреблены пограничными советскими отрядами, а третий также неожиданно ночью встретившись с советскими пограничниками, прорвался обратно на китайскую сторону (Омарбеков 2001: 247). Интересно отметить, что по сведениям ОГПУ казахские отряды были вооружены японскими винтовками и среди казахов были выходцы как из состоятельных, так и из бедных семей (Омарбеков 2001: 247). Но постепенно набеги казахских военных отрядов из приграничной китайской территории на казахскую территорию уменьшились и затем вовсе прекратились, причинами чего были частые военные столкновения с советскими пограничными отрядами и гибель людей, а также частые протесты советского правительства китайской стороне по случаю вооруженных пограничных казахско-советских конфликтов (Омарбеков 2001: 248).

Однако, несмотря на ужесточение китайскими властями мер по укреплению границы с казахскими землями, казахские военные отряды продолжали свои набеги из китайской стороны на казахскую территорию и в 1931 году, причем в отрядах были в основном молодые по возрасту жигиты, в сводках ОГПУ даются данные по количеству человек в отрядах и имена руководителей отрядов (Омарбеков 2001: 249-250). Так, в резолюции Кокпектинского РК ВКП (б) Семипалатинской области о политическом положении в ноябре 1931 года отмечалось о «...наличии в Кокпектинском районе в коренной части населения контрреволюционной националистической организации, руководимой определенным организующим центром из-за кордона, вылившееся в вооруженное выступление в отдельных аулах, – которое – носило определенную моральную, вооруженную и материальную поддержку из-за границы» (Материалы 2022а: 177).

По данным ОГПУ целью руководимого Р. Марсековым Казахского центра было организовать на территории СССР (*Казахской АССР*) революционные группы и создать на территории Китая Казахское ханство (Омарбеков 2001: 251). Как и в Мангистау, Туркменистане, аналогично проводились тайные совещания и в Китае (традиционно они проводились в квартирах). Например, Казахский центр провел 3 совещания, первое из которых проведено в мае месяце 1930 года в доме волостного Қойтамбая с участием 20 прикочевавших из КАССР в Китай зажиточных казахов и принявшее решение об усилении казахских вооруженных отрядов по защите казахских беженцев из СССР в Китай (Омарбеков 2001: 251-252). Второе совещание, в котором приняли участие 100 человек и все члены Казахского центра, прошло в доме казахского князя

Алена в июле 1930 года, где приняты решения: о защите имущества советских казахов от налогов, обеспечить безопасность каждому казаху-беженцу из СССР, усилить работу по организации откочевки казахов в Китай при помощи индивидуально посылаемых в Казахскую АССР или группами казахов, руководство этой работой было возложено на Ахметжанова и его помощника Байтайлакова (Омарбеков 2001: 252). Третье совещание прошло в конце июля месяца 1930 года под руководством Ахметжанова по вопросу отправки казахских отрядов в приграничные районы Казахской АССР (Омарбеков 2001: 252). В сводках органов ОГПУ Кугадаев Ален фигурирует как родоначальник рода Керей, состоявший в звании полковника китайской армии, крупный феодал и влиятельный бай Алтайского округа, провинции Синьцзян, оказывавший «...содействие и помощь эмигрантам» (Материалы 2022а: 387). «Основная задача прибывших (от князя Алена – Қ.Ж.Н:) сводилась к вооруженному свержению советской власти в Казахстане..., установлению буржуазного государства... и только при неудачном исходе восстания – переселить народы Казахстана в Китай», – отмечается в источнике (Материалы 2022а: 388). Однако в начале 1931 года установившие постоянную связь с китайскими властями органы ОГПУ ликвидировали Казахский национальный центр во главе с Р. Марсековым и были арестованы все его руководители и члены, всего подверглись обвинению 41 человек, и таким образом, органы ОГПУ разрушили планы казахов объединиться и создать свое государство не только на своей земле, но и в Китае (Омарбеков 2001: 252).

Отдельного рассмотрения требует зарубежная деятельность М. Шокая, поэтому остановимся на некоторых ее особенностях, анализ которых позволит раскрыть взгляды и позицию казахской политической оппозиции за рубежом. Так, в Париже, где жил М. Шокай, мусульманские демократы (казахи, башкурты, татары, узбеки, азербайджанцы и другие) разделились на два лагеря в отношении сотрудничества с русскими демократами - если одна часть мусульманских эмигрантов считала возможным бороться с большевиками вместе с русскими эмигрантами, то другая не допускала сотрудничества с последними в борьбе против большевиков (Қара 2004: 157). М. Шокай и его коллеги и друзья Ахмет Салихов, Фуат Токтаров и Садри Максуди придерживались мнения, что чтобы добиться победы, необходимо взаимодействовать и сотрудничать с европейскими русскими эмигрантами (Қара 2004: 157). Именно поэтому М. Шокай и Садри Максуди в первые годы пребывания в Париже избрали путь борьбы не непосредственно за независимость тюркских народов, а за создание национальной автономии в составе демократической России, против чего категорически против были их соратники Заки Валиди Тоган и Али Мердан Топчубашы, так как они не доверяли русским эмигрантам (Қара 2004: 157). По мнению А. Қара сотрудничество М. Шокая с русскими эмигрантами в первые годы его пребывания в Париже вполне закономерно, так как М. Шокай верил в необходимость объединения сил в совместной борьбе против общего врага – большевиков (Қара 2004: 158). М. Шокай публиковал свои статьи в газетах русских эмигрантов Милюкова «Последние новости» и Керенского «Дни», хотя предпочитал сотрудничеству с Керенским сотрудничество с Милюковым (Қара 2004: 158). Однако М. Шокай был очень разборчив в своих отношениях с русскими эмигрантами и сотрудничал с ними только лишь в целях борьбы за политическое будущее Туркестана (Қара 2004: 158).

Вместе с тем, хотя публикация статей в русских эмигрантских изданиях была важной для М. Шокая с точки зрения того, что они предназначались для советской русскоязычной

аудитории, однако с 1926 года он прекратил в них публиковаться, так как окончательной точкой его терпения послужила статья в газете Керенского «Дни», в которой автор статьи сравнил женщин Средней Азии с обезьянами-орангутангами, М. Шокай воспринял это как оскорбление национального достоинства, что послужило поводом для категорического отказа от дальнейшего сотрудничества с русскими эмигрантами (Қара 2004: 161-162). Но и до этого М. Шокай не раз наблюдал пренебрежительное отношение русских эмигрантов к туркестанцам, причем такое отношение М. Шокай видел со стороны самых либеральных русских демократов, в том числе от бывшего главы Временного правительства Керенского (Қара 2004: 162). Кроме того, русские эмигранты начиная с 1925 года стали ограничивать свои оппозиционные действия против большевиков, что было связано с тем, что проводимая советской властью политика была близка взглядам и мировоззрению русских эмигрантов, а именно по мнению Заки Валиди Тогана, на которого ссылается А. Кара, большевистские идеи русского социализма оказались под влиянием империалистических идей русских националистов-эмигрантов.

Причиной отказа М. Шокай от сотрудничества с русскими эмигрантами послужило также равнодушное отношение русских эмигрантов к проблемам Туркестана и тюркских народов (Қара 2004: 162-163). Так, если в 1916 году Керенский во время поездки в Туркестан с целью исследования причин национально-освободительного восстания 1916 года указывал на ошибки генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина, то в статье, опубликованной им в 1925 году в газете русской эмиграции, уже восхвалял действия генерал-губернатора во время этого восстания (Қара 2004: 163). По мнению супруги М. Шокай Марии Гориной русские эмигранты были против предоставления населению Туркестана и другим инородческим народам России демократических прав, и что они все больше отходя от демократических принципов все более приближались к панславянским идеям (Қара 2004: 164). Причем соратник М. Шокай Заки Валиди Тоган убежден был, что Керенский и Милюков со временем станут руководителями той политической силы, которая будет поддерживать внешнюю политику советского государства (Қара 2004: 163). Именно поэтому после полного прекращения сотрудничества с русскими эмигрантами в ноябре 1926 года М. Шокай в начале 1927 года вступил в организацию украинских и кавказских эмигрантов «Прометей» (Қара 2004: 163). М. Койгелдиев также приводит слова М. Шокай, что во-первых, надежды казахских политических деятелей на русскую революционную демократию оказались ошибочными, а во-вторых, также ошибочным является мнение о том, что любой малый народ создав свое государство, своими силами может защитить его из тисков российского империализма (Койгелдиев 2014: 371).

Заключение

Итак, на основании анализа архивных источников и литературы по данной проблеме следуют следующие выводы: во-первых, исследуемая проблема деятельности казахской политической оппозиции за рубежом требует дальнейшего изучения, так как ареал ее распространения был достаточно широким, это и Туркменистан и другие республики бывшего СССР, и Турция, и Иран, и Афганистан, и Китай и другие государства. Мы охватили лишь часть ее деятельности из-за отсутствия архивных источников. Во-

вторых, представители казахской политической оппозиции за рубежом были весомой политической силой, с которой вынуждена была считаться как царская администрация, так и советская власть, несмотря на разобщенность действий казахских политических деятелей, к примеру в Иране и Китае, и отсутствие единого координирующего центра.

Acknowledgments

The authors express their gratitude for the scholarly and editorial support provided during the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Автор мақалаға ғылыми-редакторлық қолдау көрсеткені үшін алғыс білдіреді.

Благодарности

Автор благодарят за научно-редакторское сопровождение статьи.

Примечания

1. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). ф.Р-578, оп.1, д.1, л.2-4.
2. Делегатские карточки Первого Сибирского областного съезда, 8-17 октября 1917 года. ГАТО. ф.Р-552, оп.1, д.11, л.22, 91, 91а.
3. Список делегатов Первого Сибирского областного съезда, 8-17 октября 1917 года. ГАТО. ф.Р-552, оп.1, д.1. л.1-5.
4. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. ГАТО. Ф.Р-72, оп.1, д.85, л.29.
5. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. ГАТО. Ф.Р-72, оп.1, д.85, л.30.
6. Делегатские карточки Первого Сибирского областного съезда, 8-17 октября 1917 года. ГАТО. Ф.Р-552. оп.1, д.11, л.22, 90-91.
7. Стенограмма Первого Сибирского областного съезда, 8-17 октября 1917 года. ГАТО. ф. Р-552, оп.1, д.2. л.138.
8. Стенограмма Первого Сибирского областного съезда, 8-17 октября 1917 года. ГАТО. ф. Р-552, оп.1. д.2. л.137.
9. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. ГАТО. ф.Р-72, оп.1, д.85. л.31.
10. Стенограмма Первого Сибирского областного съезда, 8-17 октября 1917 года. ГАТО. ф. Р-552, оп.1, д.2, л.62.
11. Стенограмма Первого Сибирского областного съезда, 8-17 октября 1917 года. ГАТО. ф. Р-552, оп.1, д.10, л.21.
12. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. ГАТО. ф.Р-578, оп.1, д.1, л.2-4.
13. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. ГАТО. ф.Р-72, оп.1, д.5, л.4, 6-7, 11.

14. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. ГАТО. Ф.Р-72, оп.1, д.5, л.7.
15. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. ГАТО. Ф.Р-72, оп.1, д.5, л.14-16.
16. Стенограмма Чрезвычайного общесибирского областного съезда, 7-15 декабря 1917 года. ГАТО. Ф. Р-72, оп.1, д.5, л.16.
17. Обвинительные заключения по делам иранских шпионов-диверсантов. Специальный государственный архив управления информации и связей департамента полиции по Мангистауской области (далее СГА УИиС ДП по МО). ф.19, оп.1, д.73, л.31-40.
18. Обвинительные заключения по делам иранских шпионов-диверсантов. СГА УИиС ДП по МО. ф.19, оп.1, д.73, л.65.
19. Обвинительные заключения по делам иранских шпионов-диверсантов. СГА УИиС ДП по МО. ф.19, оп.1, д.73, л.66.
20. Обвинительные заключения по делам иранских шпионов-диверсантов. СГА УИиС ДП по МО. ф.19, оп.1, д.73, л. 31-40.
21. Обвинительные заключения по делам иранских шпионов-диверсантов. СГА УИиС ДП по МО. ф.19, оп.1, д.73, л.46-58.

Список литературы

- Аккулы С. Алихан Букейхан. *Собиратель казахских земель*. Том 1. Астана: Общественный фонд «Алашорда». 2017а. 631 с.
- Аккулы С. Алихан Букейхан. *Собиратель казахских земель*. Том 2. Астана: Общественный фонд «Алашорда». 2017б. 636 с.
- Алаш қозғалысы. *Құжаттар мен материалдар жинағы. Сәуір 1901-желтоқсан 1917*. Том 1. Құрастырушылар: М.Қ. Қойгелдиев, С.О. Смағұлова, т.б. Алматы: «Алаш». 2004. 552 б.
- Аманжолова Д.А. *На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана*. Алматы: изд. Дом «Таймас». 2009. 412 с.
- Аманжолова Д.А. *Алаш: исторический смысл демократического выбора. Историческая монография*. Алматы: изд. Дом «Таймас». 2013. 400 с.
- Аяган Б. *Красные и черные (материалы Гуверовского архива)*. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы». 2005. 240 с.
- Жанбосинова А.С. *Репрессивная политика советского государства в 20-50 годы XX века (на примере Восточного Казахстана)*: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Семей. 2010. 47 с.
- Жданова Г.Д. *Репрессированные казахи Алтайского края (1920-1940 гг.). В: Политическая история Казахстана. Первая половина XX века*. Материалы международной научно-практической конференции). 29 октября 2004 г. Алматы: Архив Президента РК, 2005. 126 с.
- Жұртбай Т. *Ұраным Алаш*. 1 кітап. Алматы: «Кітап» баспасы. 2019а. 526 б.
- Жұртбай Т. *Ұраным Алаш*. 2 кітап. Алматы: «Кітап» баспасы. 2019б. 527 б.
- Жұртбай Т. *Ұраным Алаш*. 3 кітап. Алматы: «Кітап» баспасы. 2019с. 799 б.
- Қара А. *Мұстафа Шоқай. Өмірі. Күресі. Шығармашылығы*. Түрік тілінен аударған Г. Шадиева. Алматы: «Арыс» баспасы. 2004. 320 бет + 8 бет суретті жапсырма.

- Козодой В.И. Алихан Букейханов: человек-эпоха. Алматы: «ZhanDos». 2021. 312 с.
- Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы (Көмекші оқу құралы). Алматы: «Санат». 1995. 368 б.
- Қойгелдиев М. Ұлттық саяси элита. Қызметі мен тағдыры (XVIII-XX ғғ.). Зерттеулер. Алматы: «Жалын баспасы» ЖШС. 2004. 400 б.
- Қойгелдиев М. Қазақ Елі: ұлттық бірегейлікті сақтау жолындағы күрес (XIX - XXI ғ. басы). Алматы: «Қаратау КБ», «Дәстүр». 2014. 432 б.
- Қойгелдиев М. Алаш қозғалысы. Екі томдық монография. Бірінші том. Алматы: «Мектеп» баспасы. 2021. 480 б.
- Қозыбаев М. Қ. Тарих зердесі. Алматы: «Ғылым». 1998. 341 б.
- Кыдыралина Ж.У. Алимхан Ермеков. Под общей редакцией д.и.н., проф. Б.Г. Аягана. Алматы: ТОО «Лидер-М». 2012. 320 с.
- Материалы государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Том 4: Народные восстания и протесты в Казахстане в 1920-1930 гг. Сборник документов и материалов. Составители: С.А. Касымов, А.С. Мусагалиева, М.М. Козыбаева, Б. Әбдіғалиұлы, Г.Т. Исахан, М.Г. Жылысбаева, Т.К. Алланиязов, Л.А. Гривенная. Астана: ТОО «Литера-М». 2022a. 536 с.
- Материалы государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Том 5: Вынужденные беженцы. Сборник документов и материалов. Составители: К.Н. Балтабаева, Р.К. Айдарбаева, Ш.Б. Тлеубаев, Қ.Ж. Нұрбай, Р.Е. Оразов. Астана: ТОО «Литера-М». 2022b. 640 с.
- Материалы государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Том 11: Борцы за национальную свободу, независимость и территориальную целостность Казахстана. Сборник документов и материалов. Составители: С.А. Касымов, А.Ж. Илияс, К.М. Еримбетова, Ж.У. Кыдыралина, Д.А. Махат, М.М. Козыбаева, К.К. Сарсембина, Б.Р. Шериязданов. Астана: ТОО «Литера-М». 2022с. 672 с.
- Материалы государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Том 12: Государственное преследование и политические репрессии участников национально-освободительного движения «Алаш». Сборник документов и материалов. Составители: С.А. Касымов, К.М. Еримбетова, М.М. Козыбаева, Ж.У. Кыдыралина, Д.А. Махат, К.К. Сарсембина, Б.Р. Шериязданов, А.Ж. Илияс. Астана: ТОО «Литера-М». 2022d. 382 с.
- Миронов Б.Н. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях. Ленинград: «Наука», 1991. 165 с.
- Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. Алматы: «Ататек». 1995. 256 б.
- Омарбеков Т. XX ғ. Қазақстан тарихының өзекті мәселелері. Алматы: Қазақпарат. 2001. 388 б.
- Россия и Центральная Азия. 1905-1925 гг. Сборник документов. Авт-сост. Д.А. Аманжолова. Караганды: изд-во КарГУ. 2005. 495 с.
- Шаяхметов Н.У. Ел – бүгіншіл, менікі - ертеңгі үшін. Оқу құралы. Алматы, 2001. 149 б.
- Шишкин В.И. Взаимоотношения Алашорды и Временного Сибирского правительства. Известия Уральского государственного университета. Серия 2: гуманитарные науки. 2011, № 4 (36), с. 110-123.
- Шоқай М. Таңдамалы. 1 том. Алматы: «Қайнар». 1998. 512 б.

References

- Akkuly S. Alihan Bukeyhan. *Sobiratel kazashskih zemel*. Volume 1. Astana: "Alashorda" Public Foundation. 2017a. 631 p. (In Russian).
- Akkuly S. Alihan Bukeyhan. *Sobiratel kazashskih zemel*. Volume 2. Astana: Obshestwennyi fond «Alashorda», 2017b. 636 p. (In Russian).
- Alash kozgalysy. Kujattar men materialdar jinagy*. Saur 1901 - jeltoqsan 1917. Volume 1. Edited by: M.K. Koigeldiev, S.O. Smagulova et al. Almaty: "Alash". 2004. 552 pp. (in Kazakh).
- Amanzholova D.A. *Na izlome. Alash v etnopoliticheskoy istorii Kazakhstana*. Almaty: «Taymas» Publishing House. 2009. 412 p. (in Russian).
- Amanzholova D.A. *Alash: istoricheskii smysl demokraticeskogo vybora*. Istoricheskaya monografiya. Almaty: «Taymas» Publishing House. 2013. 400 p. (in Russian).
- Ayagan Burkitbay. *Krasnye i chernye (materialy Guverovskogo arkhiva)*. Almaty: «Kazakh Encyclopaediasy». 2005. 240 p. (in Russian).
- Zhanbosinova A.S. *Repressivnaya politika sovetskogo gosudarstva w 20-50 gody XX weka* (na primere Wostocnogo Kazachstana). Abstract of a doctoral thesis in history. Semey. 2010. 47 s.
- Zhdanova G.D. *Repressirovannye kazahi Altaiyskogo kraya (1920-1940 gg.)*. In: The Political History of Kazakhstan. The First Half of the 20th Century. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. 29 October 2004. Almaty: Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. 2005. 126 pp. (in Russian).
- Zhurtbay T. *Uranym Alash*. Volume 1. Almaty: "Kitap" Publishing House. 2019. 526 p. (in Kazakh).
- Zhurtbay T. *Uranym Alash*. Volume 2. Almaty: "Kitap" Publishing House. 2019. 527 p. (in Kazakh).
- Zhurtbay T. *Uranym Alash*. Volume 3. Almaty: «Kitap» Publishing House. 2019. 799 p. (in Kazakh).
- Kara A. *Mustafa Shoqai. Omiri. Kuresi. Shygarmashylygy*. Translated from Turkish by G. Shadieva. Almaty: "Arys" Publishing House. 2004. 320 p. + 8 p. of illustrated inserts. (in Kazakh).
- Kozodoy W.I. *Alihan Bukeyhanov: zhelovek-yepocha*. Almaty: "ZhanDos". 2021. 312 p. (in Russian).
- Koigeldiev M. *Alash kozgalysy (Komekshi oqy quraly)*. Almaty: «Sanat». 1995. 368 p. (in Kazakh).
- Koigeldiev M. *Ulttyq sayasi elita. Kyzmeti men tagdyry (XVIII-XX gg.)*. Researchers. Almaty: "Zhalyyn Baspasy" Publishing House. 2004. 400 p. (in Kazakh).
- Koigeldiev Mambet. *Qazaq Eli: ulttyq birgeyliqti saqtau jolyndagy kures (XIX-XXI gg. basy)*. Almaty: "Karatau KB", "Dastur". 2014. 432 p. (in Kazakh).
- Koigeldiev M. *Alash kozgalysy. A two-volume monograph*. Volume One. Almaty: "Mektep" Publishing House. 2021. 480 p. (in Kazakh).
- Kozybaev M.K. *Tarikh zerdesi*. Almaty: "Gylym", 1998. 341 p. (in Kazakh).
- Kydyralina Zh.U. *Alimkhan Ermekov*. Edited by Doctor of historical sciences, Prof. B. G. Ayagan. Almaty: 'Leader-M' LLP. 2012. 320 p. (in Russian).
- Materialy gosudarstvennoy komissii po polnoy reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy (20-50 gody XX veka)*. Volume 4: Popular Uprisings and Protests in Kazakhstan in the 1920s-1930s. A collection of documents and materials. Compiled by: S.A. Kasymov, A.S. Musagaliyeva, M.M. Kozybaeva, B. Abdigaliuly, G.T. Isakhan, M.G. Zhylyshaeva, T.K. Allaniyazov, L.A. Grivennaya. Astana: 'Liter-M' LLP. 2022a. 536 p. (in Russian).
- Materialy gosudarstvennoy komissii po polnoy reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy (20-50 gody XX veka)*. Volume 5: Forced Refugees. A collection of documents and materials. Editors: K.N. Baltabaeva, R.K. Aidarbayeva, Sh.B. Tleubayev, K.Zh. Nurbay, R.E. Orazov. Astana: "Liter-M" LLP. 2022b. 640 p. (in Russian).

- Materialy gosudarstvennoy komissii po polnoy reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy (20-50 gody XX veka)*. Volume 11: Fighters for National Freedom, Independence and Territorial Integrity of Kazakhstan. A collection of documents and materials. Compiled by: S.A. Kasymov, A.Zh. Ilyas, K.M. Erimbetova, Zh.U. Kydyralina, D.A. Makhat, M.M. Kozybaeva, K.K. Sarsembina, B.R. Sheriyazdanov. Astana: 'Liter-M' LLP. 2022c. 672 pp. [in Russian].
- Materialy gosudarstvennoy komissii po polnoy reabilitatsii zhertv politicheskikh repressiy (20-50 gody XX veka)*. Volume 12: State Persecution and Political Repression of Members of the 'Alash' National Liberation Movement. A collection of documents and materials. Compiled by: S.A. Kasymov, K.M. Erimbetova, M.M. Kozybaeva, Zh.U. Kydyralina, D.A. Makhat, K.K. Sarsembina, B.R. Sheriyazdanov, A.Zh. Ilyas. Astana: 'Liter-M' LLP. 2022d. 382 pp. (in Russian).
- Mironov B.N. *Istoriya v tsifrah: Matematika v istoricheskikh issledovaniyakh*. Leningrad: "Nauka". 1991. 165 p. (in Russian).
- Nurpeisov K. *Alash ham Alashorda*. Almaty: "Atatek". 1995. 256 p. (in Kazakh).
- Omarbekov T. *XX g. Qazaqstan tarihyynyn ozekti maseleleri*. Almaty: "Kazaqparat", 2001. 388 b. (in Kazakh).
- Rossii i Tsentralnaia Aziia. 1905-1925 gg.* Sbornik dokumentov. Author-compiler: D.A. Amanzholova. Karaganda: KarSU Press. 2005. 495 p. [in Russian].
- Shayakhmetov N.U. *El - bughinshil, meniki – ertengi ushin*. Textbook. Almaty. 2001. 149 p. (in Kazakh).
- Shishkin W.I. Wzaimootnosheniya Alashordy I Wremennogo pravitelstva. *Izvestiya Uralyskogo gosudarstvennogo universiteta. Bulletin of the Ural State University. Series 2: Humanities*. 2011. No. 4 (36). p. 110-123. (in Kazakh).
- Shoqay M. *Tandamaly*. Vol. 1. Almaty: «Kaynar». 1998. 512 p. (in Kazakh).

Information about authors

Kairbolat Zhakenuly Nurbay – doctor of Historical Sciences, professor of the Department of History of Kazakhstan, Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Victory Avenue, 62, 100024, Astana, Kazakhstan. <https://orcid.org/0000-0003-2795-3234>, kairbolat.nj@gmail.com

Авторлар туралы мәлімет

Қайырболат Жакенұлы Нұрбай – тарих ғылымдарының докторы, С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық зерттеу университеті, Қазақстан тарихы кафедрасының профессоры, Жеңіс даңғылы, 62, 100024, Астана, Қазақстан. <https://orcid.org/0000-0003-2795-3234>, kairbolat.nj@gmail.com

Сведения об авторах

Қайырболат Жакенұлы Нұрбай – профессор кафедрасы тарихы Қазақстанның Қазақстанның агротехническіе ысследователескіе университеті імені С.Сейфулліна, доктор тарихическіе наука, Проспект Женис, 62, 100024, Астана, Қазақстан. <https://orcid.org/0000-0003-2795-3234>, kairbolat.nj@gmail.com

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / **Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 10.04.2026

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 10.05.2026.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.06.2026

Научная статья / Research Article

FTAMP / IRSTI 03.20.00

<https://doi.org/>

From Chinese Sources to Kazakhstani Textbooks: Mechanisms of Knowledge Selection and Transformation Concerning the Ulus of Jochi

Zh. Smakhanova✉

Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Astana, Kazakhstan

✉ z.deil@mail.ru

Abstract. The article examines not the “image of the Ulus of Jochi” as such, but the mechanism through which it is transformed from heterogeneous source material into a connecting element of the school narrative of Kazakh statehood. The research problem lies in the fact that studies of Kazakhstani history textbooks convincingly demonstrate an emphasis on historical continuity, while the mechanism through which external written testimonies, academic reconstructions, and state educational frameworks are transformed into textbook narratives and incorporated into a coherent model of historical interpretation remains considerably understudied. The aim of the study is to reconstruct this mechanism through a comprehensive analysis of Chinese and Qing sources, educational literature, historiographical studies, and materials on the history of school education. The methodological framework combines source criticism, comparative historiographical analysis, narrative analysis, and conceptual analysis, enabling a comparison of the characteristics of source representations with their subsequent forms of academic and educational interpretation. The study demonstrates that the transformation of historical knowledge does not occur through a simple “retelling” of sources, but through three successive operations: a shift in perspective, from external administrative representation to internal social function; a shift in scale, from an individual episode or institution to a long-term trajectory of historical continuity; and a shift in the explanatory model, from dependency and situational diplomacy to political agency and statehood. As a result, the Ulus of Jochi acquires, within the school narrative, the function of a connecting link between the Kipchak milieu, Chinggissid legitimacy, and the history of the Kazakh Khanate. The study demonstrates that this transformation involves the selection, reduction, and reinterpretation of source information, the recontextualization of evidence, and the incorporation of particular elements of the past into a broader model of historical continuity. The scholarly novelty of the study lies in developing a model of three operations of historical knowledge transformation that makes it possible to trace the transition from source testimony to its representation in textbooks, as well as in distinguishing claims supported by historiography and the available corpus of sources from those requiring direct verification against specific textbook editions and archival materials. The textbook is thus conceptualized as an institution of selection and recoding of historical knowledge rather than as a passive reflection of academic historiography.

Keywords: Ulus of Jochi, Golden orde, school textbook, historical memory, Chinese sources, history education

Қытай дереккөзінен қазақстандық оқулыққа: Жошы ұлысы туралы білімді іріктеу және трансформациялау тетіктері

Ж. Смаханова

Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан

Андатпа. Мақала Жошы ұлысының «бейнесін» өз алдына қарастыруды емес, деректік материалдан қазақ мемлекеттілігі туралы мектептік нарративтің байланыстырушы элементіне айналу тетігін зерттеуге бағытталған. Зерттеу мәселесі Қазақстан тарихы оқулықтарына арналған еңбектердің тарихи сабақтастыққа бағдарланған ұстанымды нанымды түрде айқындағанына қарамастан, сыртқы жазба деректердің, академиялық реконструкциялардың және мемлекеттік білім беру шеңберлерінің оқулық мәтініне трансформацияланып, тұтас тарихи баяндау үлгісіне енгізілу механизмінің әлдеқайда аз зерттелуімен байланысты. Зерттеудің мақсаты – қытай және цин деректерін, оқу әдебиетін, тарихнамалық зерттеулерді және мектептік білім беру тарихына қатысты материалдарды кешенді талдау негізінде осы механизмді реконструкциялау. Зерттеудің әдіснамалық негізін деректанулық сын, салыстырмалы-тарихнамалық, нарративтік және концептуалдық талдау құрады. Бұл әдістер деректердегі сипаттау ерекшеліктерін олардың кейінгі академиялық және оқу-әдістемелік интерпретацияларының формаларымен салыстыруға мүмкіндік берді. Зерттеу барысында тарихи білімнің трансформациясы деректерді жай ғана «қайта баяндау» арқылы емес, өзара сабақтас үш кезең арқылы жүзеге асатыны анықталды: көзқарастың өзгеруі, яғни сыртқы әкімшілік тіркеуден ішкі әлеуметтік функцияға қарай; ауқымның өзгеруі жекелеген оқиғадан ұзақ мерзімді тарихи сабақтастық желісіне қарай және түсіндіру моделінің өзгеруі тәуелділік пен ситуативті дипломатиядан саяси субъектілік пен мемлекеттілікке қарай. Нәтижесінде Жошы ұлысы мектептік нарративте қыпшақтық орта, Шыңғыс әулетінің легитимділігі және Қазақ хандығының тарихы арасындағы байланыстырушы буын қызметін атқарады. Мұндай трансформация деректік мәліметтерді іріктеу, қысқарту және қайта пайымдау, олардың бастапқы контекстін өзгерту, сондай-ақ өткеннің жекелеген элементтерін тарихи сабақтастықтың кеңірек моделіне енгізу үдерістерімен қатар жүреді. Зерттеудің ғылыми жаңалығы тарихи білімді трансформациялаудың үш операциялық моделін әзірлеуден тұрады. Бұл модель деректік куәліктен оның оқулықтағы репрезентациясына дейінгі үдерісті пайымдауға, сондай-ақ тарихнама мен қолжетімді деректерде расталған тұжырымдарды нақты оқулық пен архивтік материалдар негізінде тікелей тексеруді қажет ететін тұжырымдардан ажыратуға мүмкіндік береді. Оқулық академиялық тарихнаманың жеңіл әрі оңтайлы көрінісі ретінде емес, тарихи білімді іріктеу және қайта кодтау институты ретінде **қарастырылады.**

Түйін сөздер: Жошы ұлысы, Алтын Орда, мектеп оқулығы, тарихи жады, қытай деректері, тарихи білім беру

От китайского источника к казахстанскому учебнику: механизмы отбора и трансформации знаний об Улусе Джучи

Ж. Смаханова

Научный институт изучения улуса Джучи, Астана, Казахстан

Аннотация. Статья исследует не «образ Улуса Джучи» как таковой, а механизм его превращения из разнородного источникового материала в связующий элемент школьного нарратива о казахской государственности. Проблема исследования заключается в том, что работы, посвященные казахстанским историческим учебникам, убедительно фиксируют ориентацию на историческую непрерывность, однако механизм, посредством которого внешние письменные свидетельства, академические реконструкции и государственно-образовательные рамки трансформируются в учебный текст и включаются в целостную модель исторического повествования, изучен значительно слабее. Цель работы – реконструировать данный механизм на основе комплексного анализа китайских и цинских свидетельств, учебной литературы, историографических исследований и материалов по истории школьного образования. Методологическую основу исследования составили источниковедческая критика, сравнительно-историографический, нарративный и концептуальный анализ, позволившие сопоставить особенности источникового описания с последующими формами его академической и учебной интерпретации. Установлено, что трансформация исторического знания осуществляется не посредством простого «пересказа» источников, а через три последовательные операции: смену точки зрения от внешней административной фиксации к внутренней социальной функции; смену масштаба от отдельного эпизода к длительной линии исторической преемственности; и смену объяснительной модели от зависимости и ситуативной дипломатии к политической агентности и государственности. В результате Улус Джучи в учебном нарративе приобретает функцию связующего звена между кыпчакской средой, чингизидской легитимностью и историей Казахского ханства. Показано, что такая трансформация сопровождается селекцией, сокращением и переосмыслением источниковых сведений, изменением их контекста и включением отдельных элементов прошлого в более широкую модель исторической преемственности. Научная новизна исследования состоит в разработке модели трех операций трансформации исторического знания, позволяющей проследить переход от источникового свидетельства к его учебной репрезентации, а также в разграничении положений, подтвержденных историографией и доступным корпусом источников, и положений, требующих непосредственной проверки по конкретным изданиям учебников и архивным материалам. Учебник рассматривается как институт селекции и перекодирования исторического знания, а не как его пассивное отражение в академической историографии.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, школьный учебник, историческая память, китайские источники, историческое образование

Введение

Постсоветская трансформация школьного исторического образования Казахстана уже описывалась как переход к нарративу, одновременно де-советизирующему и ре-казахизирующему историческую идентичность; при этом учебная политика сочетала

эту линию с курсом всемирной истории, ограничивавшим этнонациональную монополизацию программы (Кисане 2005). Более поздний анализ учебников 2018-2021 гг. показывает, что репрезентация государственности строится через длительное присутствие ее традиций на территории современного Казахстана и выполняет функцию утверждения национальной легитимности (Muminov 2026). Однако между этим общим выводом и конкретным учебным нарративом остается аналитический разрыв: недостаточно объяснено, как сведения, первоначально созданные внешними наблюдателями для иных административных или дипломатических целей, становятся доказательствами непрерывной национальной государственности.

Статья рассматривает этот разрыв на узком материале Улуса Джучи и связанных с ним сюжетов – Кангюя, Ак-Орды, жузов и отношений с Цинской империей. Предоставленный корпус прямо формулирует контраст между внешним описанием кочевий и внутренней учебной интерпретацией институтов как оснований коллективной целостности (卷一至二 新泰). Такой выбор позволяет изучать не набор «образов прошлого», а технологию их нарративного соединения. Цель исследования – выявить механизмы, посредством которых знания о степных политических образованиях и казахско-цинских отношениях отбираются, переопределяются и включаются в школьный рассказ об Улусе Джучи как звене преемственности казахской государственности (Noda 2021).

Новизна состоит в аналитической модели трех операций, то есть смены точки зрения, масштаба и объяснения и в ее применении к переходу от источника и академического текста к учебному нарративу. Модель позволяет показать, что преемственность здесь не «извлекается» из одного свидетельства, а конструируется при соединении разных классов материалов.

Материалы и методы

Статья включает четыре группы материалов. Первая группа – научные издания на китайском языке: «Перевод и публикация древних документальных материалов по истории и культуре Синьцзяна казахи. Тома 1-2 Чжан Синьтай, Хэ Лин» и «Сборник китайских переводов маньчжуроязычных архивных документов Синьцзяна периода династии Цин. Т. 1-10» (卷一至二 新泰). Они содержат описания китайских и цинских свидетельств, а также утверждения о школьных трактовках Кангюя, Улуса Джучи, Ак-Орды, жузов и дипломатии Абылая. Эти материалы используются как карта исследовательских гипотез, а не как самостоятельная замена публикациям источников. Второе – исследования учебников и образовательной политики. Они позволяют соотнести языковые и сюжетные изменения с институциональными задачами исторического образования (Kissane 2005, Muminov 2025, Burkhanov 2023). Третье – историографические работы об Улусе Джучи и советской национальной истории. Эта группа показывает смену допустимых объяснительных схем и политическое регулирование историографии (Shakiyeva 2022, Shakiyeva 2023). Четвертое – источниковедческие исследования казахско-цинских отношений. Они нужны для проверки того, насколько учебная схема «мудрой дипломатии» соотносится с многовекторностью реальных институтов и практик (Noda 2021).

Источниковедческая критика разделяет три уровня высказывания: что фиксирует или, в данном случае, как пересказывает внешний источник; как это истолковывает историк;

какой функциональный смысл придаёт сюжету учебный нарратив. Это необходимо потому, что доступный блок не содержит архивных шифров, полных переводов и страниц учебников (卷一至二[新]). Сравнительно-историографический метод сопоставляет советскую установку на «реакционность» монгольского завоевания с поздней схемой наследования Улуса Джучи. Нарративный анализ выделяет исторического субъекта, временную связку и причинное объяснение. Концептуальный анализ прослеживает значения слов «государственность», «этногенез», «жуз» и «дипломатия». Наконец, структурно-функциональный подход рассматривает учебник как жанр, который не только сообщает исторические факты, но и формирует нарративную последовательность, обеспечивающую возможность гражданского самоописания.

Историографический обзор

В историографии можно выделить три пересекающихся направления. Первое изучает школьный учебник как средство национального самоописания. К. Киссане связала реформу исторического образования с образовательной политикой и двумя параллельными задачами – усилением национальной составляющей исторического нарратива и его дополнением всемирно-историческим контекстом (Киссане 2005). А. Бурханов и Д. Шарипова, сопоставляя государственно одобренные учебники, указывают на сочетание независимостных нарративов с частичным воспроизводством советского символического дискурса (Burkhanov 2023). В. Ключарёва также строит сравнение советских и современных учебников через инструменты *memory studies* и прослеживает динамику лексики «трагического прошлого» (Klyuchareva 2022). Эти работы объясняют общую направленность трансформации, но не делают Улус Джучи специальным объектом анализа источниковой медиации.

Второе направление исследует постсоветскую историографию Улуса Джучи. А. Шакиева фиксирует изменение концептуальных подходов после распада СССР и отмечает закрепление тезиса о Казахстане как наследнике Улуса Джучи в работах казахстанских историков (Shakiyeva 2022). Важная поправка к линейной модели «советское отрицание - постсоветское признание» следует из исследования освещения Улуса Джучи в академической «Истории Казахской ССР»: ранние советские интерпретации уже были предметом политико-идеологической корректировки, а постановления и редакционные процедуры требовали изображать монгольское завоевание как глубоко реакционное (Shakiyeva 2023). Следовательно, разрыв 1991 г. не отменил прежних механизмов политического регулирования исторического знания; изменилась их концептуальная направленность.

Третье направление – источниковедческое изучение трансграничной степи и казахско-цинских контактов. В обзоре Дж. Ноды казахские ханы представлены как потомки Джучи, после падения Джунгарского ханства они вели «двустороннюю дипломатию» с Россией и Цинским Китаем, а цинские титулы были связаны с торговыми правами и укреплением степной власти (Noda 2021).

Таким образом, существующие исследования хорошо описывают учебник как пространство идентичности, советские режимы историографического контроля и новые трактовки Улуса Джучи. Мы рассматриваем учебник как механизм, который пересобирает источниковую разнородность в модель преемственности.

Результаты

Исторический учебник не существует вне режима производства допустимого знания. В советский период корректировка Истории Казахской ССР была связана с партийными решениями, в 1945 г. переработку объясняли ошибочной оценкой монгольского завоевания и требовали положить в основу марксистскую схему развития производительных сил и отношений производства (Shakiyeva 2023). В этой рамке Улус Джучи был проблемой: он мог быть элементом объяснения этнической консолидации, но одновременно должен был оставаться примером разрушительного «ига».

Постсоветская образовательная политика сместила акценты в преподавании истории. Исследования отмечают ориентацию на десоветизацию и восстановление национальной исторической перспективы, однако не сводят эти изменения к односторонней этнизации, поскольку включение всемирной истории обеспечивало более широкий и сбалансированный исторический контекст (Kissane 2005). В современных учебниках представление о государственности, по данным исследования 2018-2021 гг., выполняет функцию стабилизации национальной идентичности через длительную территориально-политическую преемственность (Muminov 2025). Поэтому смена трактовки Улуса Джучи объясняется не только новыми фактами, но и изменением вопроса, который задаёт учебник прошлому: вместо «каково социально-экономическое значение завоевания?» «какие институты и связи делают историю Казахстана непрерывной?»

В предоставленной работе китайские и цинские материалы описаны как тексты, фиксирующие внешне наблюдаемые признаки: группы населения, кочевья, иерархии, посольства и отношения с имперским центром (卷一至二 新泰). Учебная интерпретация, напротив, наделяет эти сведения внутренней функцией: жузы объясняются как этно-территориальная организация, а не как объект административного учёта; дипломатические контакты становятся практикой сохранения манёвра и целостности (卷).

Это не означает, что учебник произвольно отменяет источники данные. Скорее он меняет вопрос: внешний документ отвечает на то, кого и как имперская администрация должна классифицировать; учебник на то, как общество воспроизводило порядок и субъектность. Проверяемое исследование Ноды поддерживает необходимость такой многослойности: оно описывает параллельные контакты казахских ханов с Россией и Цинской империей, а также связывает цинские титулы с торговыми правами и укреплением ханской власти (Noda 2021). Следовательно, наиболее точная формула: не «дань была заменена суверенитетом», а «административно-имперская семантика была помещена в более широкую модель асимметричной, но агентной дипломатии».

В изданиях «Перевод и публикация древних документальных материалов по истории и культуре Синьцзяна казахи. Тома 1-2 Чжан Синьтай, Хэ Лин» и «Сборник китайских переводов маньчжуроязычных архивных документов Синьцзяна периода династии Цин. Т. 1-10» Кангюй, тюркские каганаты, монгольские улусы, Ак-Орда и Казахское ханство выстроены как последовательные этапы единого этнополитического пространства (卷). Здесь происходит масштабный сдвиг: отдельное сообщение о военной силе, подчинении или кочевьях перестаёт быть самодостаточным и становится ранним звеном длительной цепи.

Улус Джучи в этой цепи выполняет особую работу. Современная историография прямо связывает его с последующим Казахским ханством и фиксирует распространение формулы наследования (Shakiyeva 2022). Но учебный нарратив делает это соединение педагогически завершённым: кыпчакское демографическое и культурное большинство, чингизидская династическая легитимность и Ак-Орда как политическая форма соединяются в причинную линию, завершающуюся Казахским ханством (卷一至二 新泰).

Советская историческая схема не была просто лишена интереса к Золотой Орде. Напротив, источники показывают интенсивные редакционные и политические споры. Однако допустимая интерпретация стремилась закрепить негативную оценку монгольского завоевания и отрицать, что оно могло содействовать формированию казахской народности (Shakiyeva 2023). Такая логика разрывала связь между «монгольским периодом» и казахской государственностью либо делала её вторичной.

В постсоветской историографии происходит не столько отмена монгольского компонента, сколько его функциональное перераспределение. Улус Джучи становится посредником: монгольская династическая линия сохраняется как источник политической легитимности, но социально-этническое содержание повествования описывается через тюркоязычную и, в учебной логике, кыпчакскую среду (卷). Именно эта двойная конструкция помогает избежать альтернативы «внешнее завоевание» или «исконное национальное государство».

Сопоставление с исследованием Бурханова и Шариповой уточняет картину: новые независимые сюжеты в учебниках могут сочетаться с частичным сохранением советского символического дискурса (Burkhanov 2023). Следовательно, преемственность и разрыв нужно искать не по дате 1991 г., а по функциям нарратива. Из советского опыта сохраняется сама возможность нормативной селекции прошлого; меняются положительный герой, временная связка и легитимирующее значение Улуса Джучи.

Схема «историки открыли, а учебники воспроизвели» недостаточна. Современные исследования Улуса Джучи свидетельствуют о концептуальном обновлении историографии и о двух стадиях развития соответствующих подходов после распада СССР (Shakiyeva 2022). Но учебник отбирает из академической дискуссии не весь спор, а элементы, из которых можно построить возрастно и граждански значимую причинную последовательность.

Образовательная политика задаёт критерии отбора: территориальная продолжительность, государственность, культурная самобытность и способность к дипломатическому действию. В этом смысле школьный нарратив является не сокращённой академической монографией, а вторичной эпистемической формой. Он производит знание другого типа: нормативно связное, временно упорядоченное и предназначенное для коллективного самоописания. Сказанное не предполагает, что каждый конкретный учебник действует одинаково; исследования выявляют и языковые различия между казахско- и русскоязычными версиями учебных текстов (Burkhanov 2023).

Таблица 1. Трансформация репрезентации
Улуса Джучи в казахстанских школьных
учебниках: советский и современный
периоды

(Кесте 1. Қазақстандық мектеп
оқулықтарындағы Жошы ұлысының
репрезентациясының трансформациясы:
кеңестік және қазіргі кезеңдер)

Параметр	Советская рамка (1940-е-1950-е)	Переходная постсоветская рамка	Современная интерпретационная рамка в исследуемом корпусе
Периодизация	Монгольский период подчинен схеме «ига» и формационному объяснению, его позитивная роль в этногенезе оспаривалась партийной критикой (Shakiyeva 2023)	Де-советизация и ре-казахизация учебного нарратива идут одновременно с поиском баланса через всемирную историю (Kissane 2005)	Длинная линия государственности на территории современного Казахстана становится организационным принципом (Muminov 2025)
Улус Джучи	Объект политико-идеологической коррекции; акцент на разрушительности завоевания (Shakiyeva 2023)	В историографии усиливается связь Улуса Джучи с Казахским ханством (Shakiyeva 2022)	Посредник между кыпчакской средой, чингизидской легитимностью, Ак-Ордой и ханством по предоставленному корпусу (卷一至二 新泰)
Жузы	Имеющийся корпус источников не обеспечивает достаточных оснований для прямого сопоставления	Имеющийся корпус источников не обеспечивает достаточных оснований для прямого сопоставления	Внешняя административная фиксация переосмысливается как этнотерриториальная и социальная организация (卷一至二 新泰)
Казахско-цинские отношения	Имеющийся корпус источников не обеспечивает достаточных оснований для прямого сопоставления	Имеющийся корпус источников не обеспечивает достаточных оснований для прямого сопоставления	Учебная рамка «дипломатии» должна читаться вместе с данными о двусторонних посольствах, цинских титулах и торговых правах (卷一至二 新泰, Noda 2021)
Роль учебника	Передача исторического знания встроена в партийно контролируемую историографию (Shakiyeva 2023)	Учебник участвует в формировании де-советизированной идентичности (Kissane 2005)	Учебник действует как инструмент утверждения легитимной, непрерывной государственности (Muminov 2025)

Обсуждение

Предложенная модель уточняет две влиятельные интерпретации. Во-первых, она согласуется с исследованиями, которые связывают учебник с формированием идентичности и онтологической безопасностью, но конкретизирует механизм: непрерывность производится не декларацией, а серией операций над масштабом, точкой зрения и объяснением (Muminov 2025, Burkhanov 2023). Во-вторых, она усложняет представление о резком разрыве с советским прошлым. Советская историография уже была полем напряжения между исследовательским материалом, политическим контролем и вопросом об этногенезе; постсоветская версия изменила его смысловую развязку, но не устранила институциональную селекцию знания (Shakiyeva 2023).

Теоретически это позволяет отказаться от противопоставления «источник объективен, учебник идеологичен». Китайский или цинский административный текст также создавался в определенной оптике. Критический вопрос заключается не в том, «искажает» ли учебник нейтральный документ, а в том, какие действия и отношения видимы в каждом жанре и какие из них отбираются для национального исторического объяснения. Нода показывает, что казахско-цинские отношения включали одновременно посольства, титулатуру, торговлю и укрепление степной власти; такая множественность позволяет проверить и сделать менее однозначным учебный сюжет о дипломатии (Noda 2021).

Главная проверяемая гипотеза, следующая из статьи, такова: чем сильнее учебник строит долгую линию государственности, тем чаще он будет превращать институционально-административные сведения о политике в функциональные аргументы о единстве, адаптации и субъектности. Её нельзя считать окончательно доказанной нынешним корпусом, поскольку для проверки нужны постраничные выборки учебников нескольких изданий и сопоставимые публикации китайских и маньчжурских документов (卷一至二 新泰).

Заключение

Проведенный анализ показывает, что исследовательский пробел заключается не в отсутствии работ, посвященных национальной идентичности в исторических учебниках, а в недостаточной изученности механизма перехода от внешнего источникового описания к учебной модели исторической преемственности. В современном казахстанском историографическом и учебном языке Улус Джучи функционирует как важное связующее звено между кыпчакской средой, чингизидской легитимностью и генеалогической историей Казахского ханства (卷一至二 新泰, Shakiyeva 2022).

При этом советский нарратив не являлся нейтральным фоном для последующих интерпретаций. Оценка монгольского периода корректировалась под воздействием партийно-идеологических установок и формационных требований, что ограничивало возможность его рассмотрения как значимого элемента процессов этногенеза (Shakiyeva 2023). Постсоветская трансформация заключается прежде всего в изменении объяснительной функции этого периода: вместо преимущественно негативной интерпретации через концепт «ига» в учебном нарративе Улус Джучи постепенно представляется как одно из звеньев длительного процесса государственности.

Показательным является и изменение интерпретации системы жузов и казахско-цинских контактов. Здесь происходит смена исследовательской перспективы: внешний административный и дипломатический язык источников преобразуется в учебный рассказ о социальной организации, политической субъектности и способности казахского общества к самостоятельному взаимодействию с внешними силами (卷一至二 新泰). Однако данное преобразование не следует интерпретировать как простое исправление или преодоление «имперского» характера источников. Источниковедческие исследования свидетельствуют о многовекторности дипломатии, особенностях титулатуры и торговых связей, тогда как учебник неизбежно редуцирует эту сложность, преобразуя её в более компактную и линейную причинно-следственную модель (Noda 2021).

Таким образом, преемственность советского и постсоветского этапов проявляется прежде всего в сохранении самого институционального механизма отбора и структурирования прошлого. Изменение заключается не в отказе от этого механизма, а в смене его нормативного центра. Если советский учебный нарратив подчинял интерпретацию прошлого формационной и идеологической схеме, то в постсоветский период центральным принципом его организации становится идея непрерывности казахской государственности (Muminov 2025, Burkhanov 2023). Именно в процессе такого отбора, сокращения и переорганизации источникового материала учебник превращается из средства передачи исторической информации в активный механизм конструирования исторической преемственности и национального самоописания.

Список литературы

- Burkhanov A, Sharipova D. New Narratives and Old Myths: History Textbooks in Kazakhstan. *Nationalities Papers*. 2024. No.52(5), pp.193-1208. <https://doi.org/10.1017/nps.2023.64>
- He Xingliang, 1999a - He Xingliang Zhong Qingdai kanfen Zhong-E bianjie dachen de yi jian man wen wenshu yanjiu 代勘分中俄界大臣的一件满文文 究 [A Study of the Manchu Document by the Qing Dynasty Minister in Charge of Delimiting the Sino-Russian Border]. *Minzu yanji 民族 究 [Ethnic Studies]*. 1999, no.1, pp. 79-88.
- Kissane C. «History Education in Transit: Where to for Kazakhstan?» *Comparative Education*. 2005. No.41(1), pp.45–69. DOI:10.1080/03050060500073249.
- Klyuchareva V. *From the kazakh ssr to «independent» Kazakhstan: a history textbook as a way of forming national identity*. *Vestnik Altaiskogo Gosudarstvennogo Pedagogiceskogo Universiteta*. 2022. No.2(51), pp.96-101 <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2022-2-96-102>
- Muminov N., Kuranbek A., Orynbayev Z. «The Problem of Ontological Security and Representation of Kazakh Statehood in School History Textbooks». *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2026. Vol.26, no.1, pp.141-154. DOI: <https://doi.org/10.1111/sena.70011>.
- Noda J. *The Kazakhs, 16th-19th Centuries (26 May 2021)*, in David Ludden (ed.). *Oxford Research Encyclopedia of Asian History* (New York, NY, online edn, Oxford Academic, 27 Feb. 2017) <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.317>
- Shakiyeva A. *Study of the history of the Jochi Ulus in the period of independent Kazakhstan*. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University Historical sciences Philosophy Religion Series*. 2022. No.138(1), pp.126-141. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-126-141>

- Шакиева А.С. Особенности освещения истории Улуса Джучи в «Историях Казахской ССР» в 1940-1950-х годах. *Золотоордынское обозрение*. 2023. Т.11, no.1, с.220-241. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-1.220-241
- Zhang Xintai, He Ling - Zhongguo Xinjiang lishi wenhua guji wenxian ziliao yibian. Hasakezu (er) 中国新疆历史文化古籍文献资料汇编. 哈克族 (二) [Chinese-Xinjiang Series of Translations of Ancient Historical and Cultural Textual Materials. Kazakh Nationality. Vol. 2]. Zhang Xintai, He Ling (eds.). Wulumuqi: Xinjiang Renmin Chubanshe, [year not indicated].

References

- Burkhanov A, Sharipova D. New Narratives and Old Myths: History Textbooks in Kazakhstan. *Nationalities Papers*. 2024. No.52(5), pp.1193-1208. <https://doi.org/10.1017/nps.2023.64> (In English)
- He Xingliang, 1999a – He Xingliang Zhong Qingdai kanfen Zhong-E bianjie dachen de yi jian man wen wenshu yanjiu 清代勘分中俄边界大臣的一件满文文书研究 [A Study of the Manchu Document by the Qing Dynasty Minister in Charge of Delimiting the Sino-Russian Border]. *Minzu yanjiu 民族研究* [Ethnic Studies]. 1999, no.1, pp.79-88. (In Chinese)
- Kissane C. “History Education in Transit: Where to for Kazakhstan?” *Comparative Education*. 2005. No.41(1), pp.45-69. [10.1080/03050060500073249](https://doi.org/10.1080/03050060500073249). (In English)
- Klyuchareva V. From the kazakh ssr to «independent» Kazakhstan: a history textbook as a way of forming national identity. *Vestnik Altaiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2022. No.2(51), pp.96-101 <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2022-2-96-102> (In English)
- Muminov N., Kuranbek A., Orynbayev Z. «The Problem of Ontological Security and Representation of Kazakh Statehood in School History Textbooks». *Studies in Ethnicity and Nationalism* 2026. Vol.26, no.1, pp.141-154. DOI: <https://doi.org/10.1111/sena.70011>. (In English)
- Noda J. *The Kazakhs, 16th-19th Centuries* (26 May 2021), in David Ludden (ed.). Oxford Research Encyclopedia of Asian History (New York, NY, online edn, Oxford Academic, 27 Feb. 2017) <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.317> (In English)
- Shakiyeva A. Study of the history of the Jochi Ulus in the period of independent Kazakhstan. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University Historical sciences Philosophy Religion Series*. 2022. No.138(1), pp.126-141. <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2022-138-1-126-141> (In English)
- Shakiyeva A.S. Features of Coverage of the Ulus Jochi History in the «Histories of the Kazakh SSR» in the 1940s-1950s. *Golden Horde Review*. 2023. Vol.11, no.1, pp.220-241. doi:10.22378/2313-6197.2023-11-1.220-241 (In Russian)
- Zhang Xintai, He Ling – Zhongguo Xinjiang lishi wenhua guji wenxian ziliao yibian. Hasakezu (er) 中国新疆历史文化古籍文献资料汇编. 哈克族 (二) [Chinese-Xinjiang Series of Translations of Ancient Historical and Cultural Textual Materials. Kazakh Nationality. Vol. 2]. Zhang Xintai, He Ling (eds.). Wulumuqi: Xinjiang Renmin Chubanshe, [year not indicated]. (In Chinese)

Information about authors

Zhanar S. Smakhanova – doctoral student, Research Institute for Jochi Ulus Studies, 010000, 15B Pushkin str., Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>, z.deil@mail.ru

Сведения об авторах

Жанар Сатылгановна Смаханова – докторант, Научный институт изучения Улуса Джучи, 010000, ул. Пушкина, 15 Б, г. Астана, Казахстан. <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>, z.deil@mail.ru

Авторлар туралы мәліметтер

Жанар Сатылгановна Смаханова – докторант, Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институты, 010000, Пушкин к-сі. 15Б, Астана қ., Қазақстан. <https://orcid.org/0000-0001-6459-7676>, z.deil@mail.ru

Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / **Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу.** Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / **Раскрытие информации о конфликте интересов.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.04.2025

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 02.05.2025.

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.06.2025

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ SUBMISSIONS – ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: <https://kazhistorians.kz>

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: <https://kazhistorians.kz>

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: <https://kazhistorians.kz>

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Д. Нурушева – компьютерлік беттеу және дизайн
Қ. Байтанасова – қазақ тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау
Ж. Кузар – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару
М. Амалбекова – орыс тіліне мәтіндерді аудару және редакциялау

Computer layout and design – D. Nurusheva
Kazakh translation and editing – K. Baitanasova
English translation and editing – Zh. Kuzar
Russian translation and editing – M. Amalbekova

Компьютерная вёрстка и дизайн – Д. Нурушева
Перевод на казахский язык и редакция текстов – К. Байтанасова
Перевод и редакция текстов на английском языке – Ж. Кузар
Перевод и редакция текстов на русском языке – М. Амалбекова

Түпнұсқа макет "Тарихшылардың Ұлттық Конгресі" қоғамдық бірлестігі дайындалды
Жариялану күні 20.06.2026 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 5,8. Cambria гарнитурасы

Original layout prepared at the National Congress of Historians Public Association
Publication date 20.06.2026. Format 84×108 1/16
Printed sheet 5,8. Cambria headset

Оригинал-макет подготовлен в Общественном объединении
"Национальный Конгресс историков"
Дата выхода в свет 20.06.2026 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 5,8. Гарнитура Cambria

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы: 010008,
Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к-сі, 13/1.
Editorial office, publishing house, address of the founder: 010008,
Kazakhstan, Astana, Kazhimukhan str. 13/1.
Редакция, издательство-адрес учредителя: 010008, Казахстан, Астана, ул. Казимукана 13/1